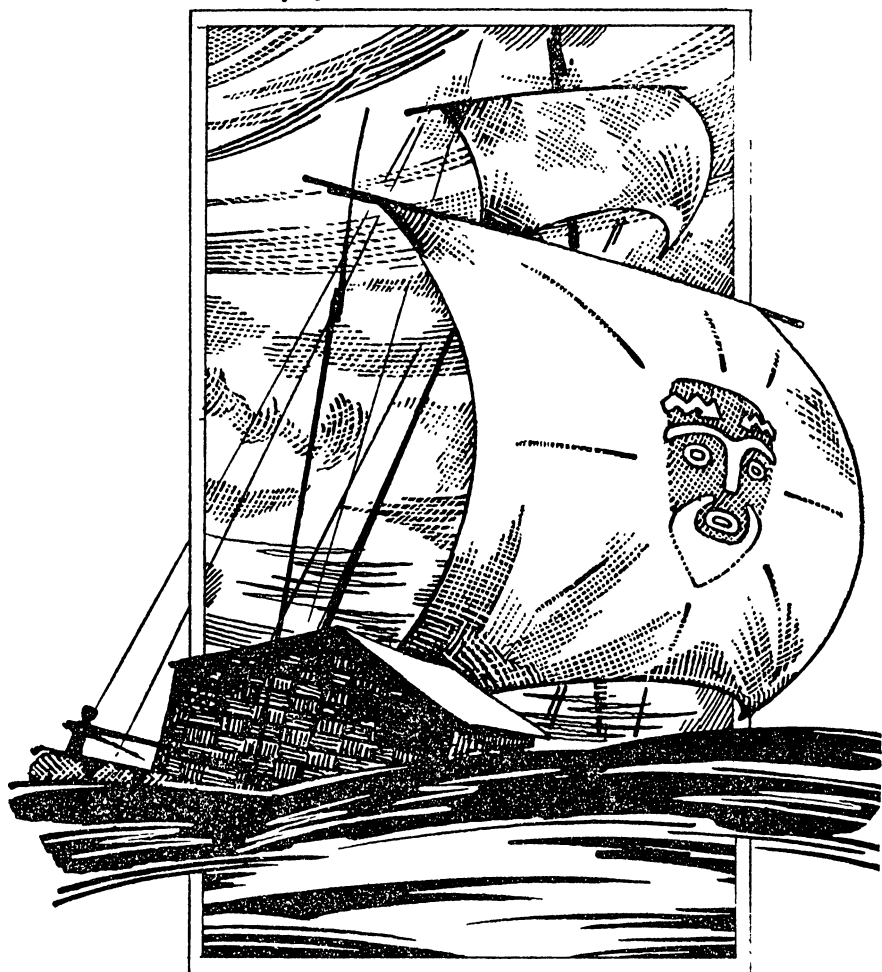

Тур Хейердал

Экспедиция
• Кон-Тики •

Тур Хейердал

Экспедиция • Кон-Тики •

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ
ТАШКЕНТ 1985

Хейердал, Тур.

Х-35 Экспедиция «Кон-Тики»/Пер. с норв. Л. Л. Жданова.— Т.: Гл. ред. Узб. Сов. Энциклопедии, 1985.— 192 с.

ББК 26.89(9)
91(И)

© Оформление Главной редакции Узбекской Советской Энциклопедии

© Текст печатается с издания: Хейердал Тур. Экспедиция «Кон-Тики», М., «Мысль», 1977.

4803000000
Т 358 (01) 85 4 85—

Приглашение к путешествию

Вместе с кругозором человека растет его любознательность. Любознательность — движущая сила, которая дана нам от рождения; ее не измеришь ни киловаттами, ни лошадиными силами, но она непрестанно влечет человека вперед, внушает ему стремление преодолеть неизвестность. Особенно сильна любознательность на грани изведенного и еще непознанного, здесь она разгорается, упорно долбит преграду, пока не проникнет за нее, а неведомое непрерывно отходит назад, ведь всезнание недостижимо, как вечно отступающий горизонт.

Ребенок ползет на четвереньках к печке, к ведру, к стулу, ему надо узнать, какие они — холодные или горячие, твердые или мягкие, он сует в рот пирожное, гвозди и камни, чтобы изведать вкус. А когда своя кроватка и своя комната изучены, он стремится за дверь, в соседнюю комнату, вверх или вниз по лестнице, ему необходимо выяснить, что там. Дальше, дальше идут молодые, идут любопытные, подстегиваемые непреходящим стремлением еще и еще потеснить пределы неведомого. И неведомое пятится, отступает, а передовые отряды настойчиво расширяют кругозор человечества, идут через горы и равнины, через пустыни и океаны, поднимаются вверх на аэростате, опускаются вниз в водолазном колоколе. Проникают в ледяное безмолвие Арктики, в тропические джунгли, не оставляя неизведанным ни одного клочка Земли, погружаются на дно глубочайших морей, взбираются на пики высочайших гор — с одной, потом с другой стороны. Дальше, дальше — в верхние слои стратосферы, в безвоздушное пространство, на Луну, к другим планетам, в далекий космос, насколько позволяет время. Потому что человек ограничен временем. Время останавливает человека. Когда-нибудь техника позволит продолжить полет к другим солнечным системам, но путешествие продлится так долго, что одного поколения не хватит, чтобы добраться до цели.

Да, жизни одного человека не хватит, чтобы достичь другой солнечной системы. Ее мало даже для того, чтобы изучить все уголки нашего собственного земного шара.

Ничто не остановит бега времени: время — союзник неведомого, оно ставит предел завоеваниям любознательности. И все же человек сделал изобретение, способное устоять против всех атак времени: письмо. Писаное слово — лучший союзник любознательности в ее поединке с временем. Оно выдержит любое путешествие; более того, один человек может за несколько минут прочесть о том, что испытано другим за всю жизнь. Письмо — самое революционизирующее изобретение человечества, оно важнее паровой машины, электрической лампочки и телевидения, вместе взятых, ведь оно позволяет сохранять и концентрировать совокупное знание человечества. Безвестные изобретатели письма вооружили нас динамитом, чтобы мы могли взрывать барьеры неведения, проникая в такие дали, которых мы иначе никогда бы не достигли.

Когда я пишу книги о своих путешествиях, я стремлюсь передать на бумаге впечатления и события в таких словах, чтобы другие могли за несколько часов пережить то, что было пережито нами за месяцы; может быть, годы. Все не могут отправиться в путешествие или экспедицию, каждый делает свое дело, вносит свой вклад в жизнь общества; да и те из нас, кто путешествует, читают о путешествиях других и о том, что делают все те, кто не путешествует, кто остается дома и приводит в движение шестеренки цивилизации, — от крестьянина и рыбака, которые всех нас кормят, до рабочего, служащего, ученого, экономиста, администратора и политика, образующих ячейки сложной системы современного государства.

Желающих путешествовать гораздо больше, чем тех, у кого есть время и возможность участвовать в экспедициях, хотя бы потому, что у каждого своя профессия. Выпуская двадцатитомную серию о путешествиях и экспедициях XX века, издательство «Мысль» снабжает всех, кого манят странствия, билетами во все уголки земного шара.

Вы можете отправиться во льды Арктики под руководством Папанина и Пири, можете вместе с Амундсенем, Гусевым и Трешниковым, Фуксом и Хиллари исследовать белые пустыни Антарктики. Вы можете погреться среди вулканов под надежным присмотром Тазиева и Мархинина или уйти в необозримые дебри Азии вместе с Арсеньевым, Рерихом, Обручевым и Мурзаевым. Можете погрузиться на дно Мирового океана в обществе Кусто и Пикара и взойти на высочайшие вершины Гималаев вместе с Эрцогом и Нойсом. Можете навестить диких животных Африки вместе с Гржимеком, затеряться в тропических лесах Южной Америки вместе с Фосеттом или вместе с Ушаковым

исследовать неизвестные острова в Северном Ледовитом океане. Проникнуть вместе с Кастере в нескончаемые пещеры, чтобы изучать таинственный подземный мир, или же выйти в море с отважным одиночкой Бомбаром. А я могу пригласить вас в путешествие в далекое прошлое, когда неведомые мореплаватели делали плоты и лодки из бальсы и папируса, и мы пройдем вместе с ними через океан из Америки и в Америку, чтобы посмотреть, не было ли связи между древнейшими культурами мира.

Добро пожаловать в путешествие, куда бы вас ни влекло! Может быть, начав читать, вы войдете во вкус и побываете вместе с нами во всех концах маленькой, но удивительно разнообразной планеты, на которой мы странствуем сообща в неизведанном, безбрежном мировом пространстве.

Тур Хейердал

Глава

1

Гипотеза

С чего все началось. — Старик с острова Фату-Хива. — Ветер и течение. — Поиски Тики. — Кто заселил Полинезию? — Загадка Южных морей. — Теории и факты: — Легенда о Кон-Тики и белой расе. — Война

Иногда человек ловит себя на том, что оказался в совершенно необычной ситуации. Пусть ты шел к этому постепенно и естественно; когда уже возврата нет, ты вдруг удивляешься: как это я ухитрился попасть в такое положение?

Если ты, например, с пятью товарищами и одним попугаем вышел в море на плоту, рано или поздно наступит такое утро, когда ты, проснувшись среди океана, со свежей головой начнешь размышлять.

Вот в такое утро я сидел над отсыревшим от росы судовым журналом и записывал:

«17 мая. Сильное волнение. Ветер свежий. Сегодня мне кашеварить, я подобрал семь летучих рыб на палубе, одного спрута на крыше каюты и неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и снова в глубине сознания зашевелилась мысль: а все-таки необычное 17 мая, и вообще в высшей степени необычная обстановка... море и небо... с чего же все это началось?

Повернешься налево — и открывается вид на могучий синий океан, на шипящие волны, которые одна за другой, одна за другой проносятся мимо в своем нескончаемом беге к вечно отступающему горизонту. Повернешься направо — в хижине, в тени бородатый человек лежит на спине и читает Гёте, удобно воткнув пальцы босых ног между планками низкой бамбуковой крыши. Эта хрупкая маленькая хижина — наш дом.

— Бенгт, — сказал я, отталкивая зеленого попугайчика,

который вздумал взобраться на судовой журнал, — может быть, ты мне ответишь: как мы до этого додумались?

Томик Гёте опустил, открыв золотистую бороду:

— Кому же это знать, как не тебе, ведь ты все придумал, и, по-моему, придумал очень здорово.

Он передвинул пальцы ног на три планки выше и как ни в чем не бывало продолжал читать Гёте. На бамбуковой палубе рядом с хижинкой под жаркими лучами солнца трудились еще трое. Полуголые, загорелые, бородатые, с белыми полосками соли на спине, а выражение лица такое, будто они всю жизнь только тем и занимались, что сплавляли лес на запад через Тихий океан. А вот и Эрик, пригнувшись, забирается в хижину со своим секстантом и кипой бумаг:

— Восемьдесят девять градусов сорок шесть минут западной долготы и восемь градусов две минуты южной широты — неплохо продвинулись за последние сутки, а?

Он взял у меня из рук карандаш и нарисовал маленький кружочек на карте, висевший на бамбуковой стене, — маленький кружочек на конце дуги из девятнадцати других кружочков, которая начиналась у портового города Кальяо на побережье Перу.

Тут и Герман, Кнют и Торстейн забрались внутрь, чтобы полабоваться на новый значок, который был на добрых 40 морских миль ближе к островам Полинезии, чем предыдущий.

— Вот так-то, ребята, — гордо произнес Герман, — мы уже в тысяче пятистах семидесяти километрах от побережья Перу.

— И до ближайших островов по курсу осталось всего лишь шесть тысяч четыреста тридцать километров, — добавил Кнют осторожно.

— Для полной точности добавим, что мы в пяти тысячах метрах над дном морским, ну и до луны над нами не одна сажень, — сказал Торстейн.

Теперь мы все точно знали, где находимся, и я мог продолжать свои размышления на тему «почему?». Попугаю было решительно все равно, он упрямо лез на вахтенный журнал. А кругом — все тот же обрамленный небом океан: внизу сине, сверху сине.

Может быть, все началось прошлой зимой в кабинете музея в Нью-Йорке? А может быть, еще десятью годами раньше на одном из островков Маркизского архипелага в центре Тихого океана? И кто знает, возможно, мы причалим именно к этому острову, если норд-ост не отнесет нас южнее, в сторону Таити и Туамоту.

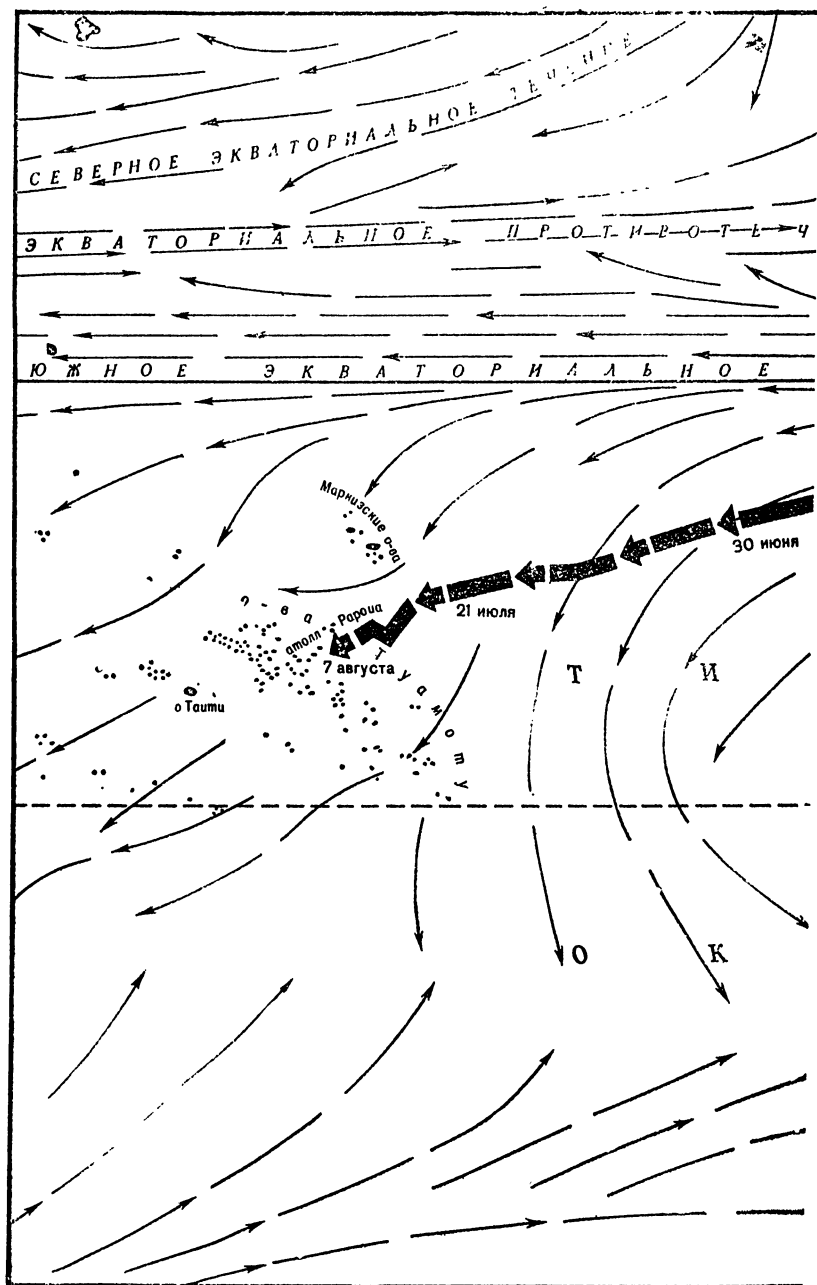
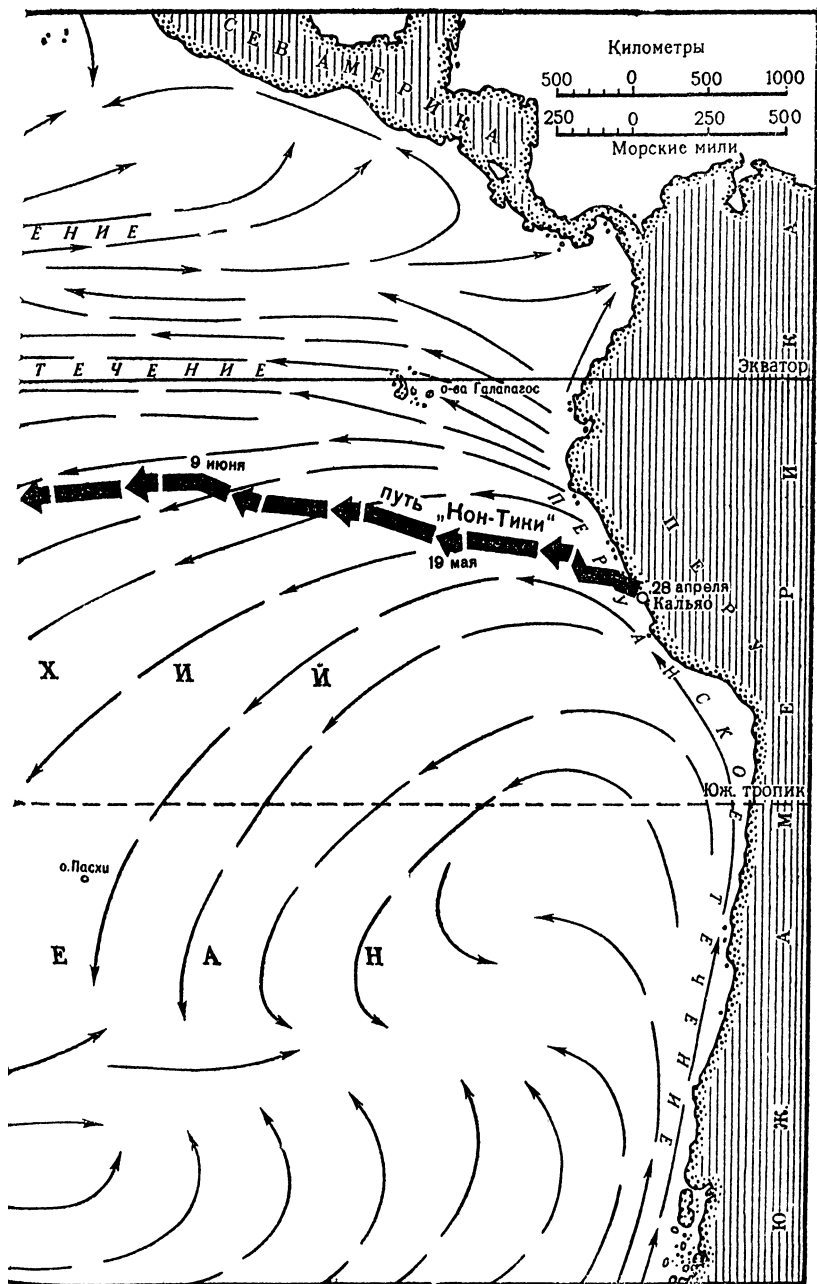

Схема плавания „Кон-Тики“

Я отчетливо представлял себе маленький островок с ржаво-красными обветренными скалами, зеленые заросли, сбигающие по косогорам к морю, стройные пальмы, что качаются на берегу в вечном ожидании. Островок называется Фату-Хива; сейчас нас отделяют от него тысячи морских миль, и на всем этом пути ни одного клочка суши. Я видел узкую долину Уиа и отлично помнил, как мы вечерами сидели в ее устье на пустынном берегу, глядя на этот самый необозримый океан. Тогда я совершал свадебное путешествие, и меня не окружали, как сейчас, бородатые пираты. Мы собирали фауну для коллекции, а также идиолов и другие остатки давно вымершей культуры. Мне отчетливо запомнился один вечер. Цивилизованный мир казался невообразимо далеким и нереальным. Почти год мы прожили на острове, где не было других европейцев, намеренно расставшись со всеми благами, а заодно и всеми пороками цивилизации. Нашим домом была хижина на сваях, которую мы выстроили под пальмами на берегу, и ели мы то, чем нас потчевал тропический лес и Тихий океан.

Суровая школа практической жизни позволила нам лучше узнать многие своеобразные проблемы Тихого океана; мне думается, мы во многом как физически, так и психологически шли по стопам древнего народа, который прибыл на эти острова неведомо откуда и полинезийские потомки которого безраздельно владели островным царством, пока не явились представители нашей расы — с Библией в одной руке; ружьем и водкой — в другой.

В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу, лицом к океану. Мы были в плену окружающей нас сказки и чутко все воспринимали, боясь хоть что-то пропустить. Жадно вдыхали запах буйного леса и соленого моря, слушали шорох ветра в листве и пальмовых кронах. Время от времени все заглушали могучие океанские валы, они несли свои пенящиеся гребни через отмель, чтобы разбить их вдребезги о гальку. Воздух наполнялся стуком, рокотом и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем все стихало: океан отступал, набираясь сил для нового натиска на упорный берег.

— Странно, — заметила Лив, — на той стороне острова никогда не бывает такого приюта.

— Верно, — ответил я. — Здесь — наветренная сторона, поэтому океан никогда не бывает спокоен.

И мы продолжали любоваться океаном, который готов был без конца подчеркивать: вот я иду к вам с востока, с востока, с востока. Восточный ветер, вечный пассат, —

вот кто теребил океанскую гладь, вспахивал ее и гнал борозды вперед к эгим островам, где непрерывный нагиск океана наконец разбивался о рифы и скалы. А пассат взмывал над берегом, лесом, горами и беспрепятственно летел дальше на запад, от острова к острову, туда, где заходит солнце. С незапамятных времен волны и легкие тучки точно так же переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это отлично знали первые люди, достигшие островов. Это знали птицы и насекомые; вся растительность определялась этим обстоятельством. А мы, кроме того, знали, что там, за горизонтом, на востоке, откуда выплывают облака, далеко-далеко простирается берег Южной Америки. 8 тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и залитый лунным светом колышущийся океан и прислушивались к рассказу полуголого старика, который сидел перед нами на корточках, глядя на тлеющие угли прогоревшего костра.

— Тики, — негромко произнес старик. — Он был и бог, и вождь. Это Тики привел моих предков на эти острова, где мы теперь живем. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он поковырял угли палочкой, чтобы не потухли окончательно, а сам продолжал размышлять. Старый человек, он жил прошлым и был связан с ним всеми узами. Он преклонялся перед своими предками и их подвигами, совершенными в незапамятные времена, когда на земле жили боги. И он предвкушал встречу с предками. Старый Теи Тетуа был последним представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он не знал, сколько ему лет, но его морщинистая темно-коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее сто лет. Он был одним из тех немногих жителей архипелага, кто еще помнил сказы отцов и дедов и верил в предания о сыне Солнца — великом полинезийском вожде и боге Тики.

Ночью, когда мы поднялись в нашу клетушку на сваях и легли спать, в моей голове все еще звучал рассказ старого Теи Тетуа о Тики и о заморской родине островитян. Глухие удары прибоя аккомпанировали моим мыслям; казалось, голос седой старины, рокочущий там, в ночи, хочет что-то поведать. Я не мог уснуть. Как будто время перестало существовать, и Тики во главе своей морской дружины в эту самую минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня осенило.

— Лив, тебе не кажется, что огромные каменные извая-

вия Тики в здешних лесах удивительно похожи на могучие статуи, памятники некоторых древних культур Южной Америки?

Прибой явственно пророкотал что-то одобрителное. И постепенно стих: я уснул.

Да, пожалуй, так все и началось. Во всяком случае так было положено начало целому ряду событий, в итоге которых мы шестеро и один зеленый попугай оказались на плоту посреди океана, вдали от берегов Южной Америки.

Помню, как я потряс отца и удивил мать и друзей, когда, вернувшись в Норвегию, сдал свою коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы в Зоологический музей университета. Я решил бросить зоологию и заняться древними народами. Меня захватили нерешенные загадки Южных морей. Должен же быть вразумительный ответ. И я задался целью установить, кем был этот легендарный Тики, откуда он пришел.

Много лет океанский прибой и развалины в дебрях были словно далекий сон, туманные образы, которые неотступно сопровождали все мои занятия. Я начал с того, что на собственном опыте изучил, как жили народы Тихого океана; теперь я взялся за научную литературу. Нельзя понять мысли и поступки первобытного народа, если только штудировать книги и музейные коллекции, но нельзя и ограничиваться одними лишь путешествиями и наблюдениями в поле.

Ученые труды, записки эпохи великих открытий, необъятные коллекции музеев Европы и Америки давали богатейший материал для мозаики, которую мне хотелось собрать из многих кусочков.

С тех пор как представители нашей расы—вскоре после открытия Америки — впервые добрались до тихоокеанских островов, исследователи во всех областях науки собрали неисчерпаемое множество сведений как о народах Южных морей, так и об их соседях. И однако до сих пор нет единого мнения ни о происхождении полинезийцев, ни о том, почему они населяют только уединенные острова восточной части Тихого океана.

Когда европейцы впервые отважились выйти на необозримые просторы величайшего из океанов земли, они, к своему удивлению, нашли там множество гористых островков и плоских коралловых рифов, отделенных друг от друга и от всего остального мира огромными водными пространствами. И каждый островок был уже заселен, красивые, великолепно сложенные люди встречали мореплавате-

лей на берегу, а кругом бегали собаки, свиньи, куры. Откуда пришли эти люди? Они говорили на своем языке, который больше никто не понимал. Нескромные представители нашей расы, присвоившие себе честь открытия этих островов, обнаруживали на каждом пригодном для заселения клочке суши возделанные земли и поселения, хижины и святилища. А на некоторых островах были даже древние пирамиды, мощные дороги и каменные статуи вышней с четырехэтажный европейский дом. Но никто не мог разрешить загадку. Что это за народ, откуда он явился сюда?

Сколько написано трудов на эту тему, столько и ответов. Специалисты в разных областях предлагали совершенно различные решения, которые затем опровергались весьма логичными доводами других исследователей, шедших своими путями. Родиной полинезийцев вполне убежденно называли Малайские острова, Индию, Китай, Японию, Аравию, Египет, Кавказ, Атлантиду, даже Германию и Норвегию! Но всякий раз возникала какая-нибудь загадка, из-за которой все построение повисало в воздухе.

А там, где пасовала наука, выступала на сцену фантазия. Таинственные каменные истуканы острова Пасхи вместе со всеми прочими следами древней культуры неизвестного происхождения на этом клочке земли, который лежит один-одинешенек как раз посередине между ближайшими островами Полинезии и Южной Америкой, давали повод к всевозможным догадкам. Многие считали, что находки на острове Пасхи похожи на памятники некоторых древнейших цивилизаций Южной Америки. Может быть, в незапамятные времена существовал затонувший позднее материковый мост? Может быть, остров Пасхи и все те острова Южных морей, на которых найдены сходные изваяния, — остатки затонувшего континента?

Это предположение кое-кому нравилось и казалось приемлемым, однако геологи и другие ученые отвергают его. К тому же зоологи, которые изучают насекомых и улиток, доказали, что острова Южных морей на всем протяжении истории человечества, как и в наши дни, были полностью изолированы друг от друга.

Вот почему совершенно очевидно, что давным-давно, по собственной воле или вынужденно, праполинезийцы откуда-то приплыли на эти уединенные острова, либо дрейфуя по течению, либо под парусами. Больше того, если присмотреться, выходит, что это было не так уж много столетий назад. На островах не успели еще сложиться разные языки, хотя полинезийцы разбросаны на площади, в четыре раза превосходящей Европу. От Гавайских островов на

севере до Новой Зеландии на юге, от Самоа на западе до острова Пасхи на востоке тысячи морских миль, и однако все живущие порознь племена говорят на диалектах одного общего языка, который мы называем полинезийским. Нигде на островах не было письменности, если не считать Пасхи, где туземцы сохраняли деревянные дощечки с загадочными знаками, которых не могли прочесть ни они сами, ни кто-либо другой. Но школы были, и в них главным предметом считались поэтические предания: в Полинезии история была и религией. Островитяне обожествляли предков, они поклонялись своим умершим вождям, начиная с Тики, которого называли сыном Солнца.

Почти на каждом острове были ученые, которые могли перечислить поименно всех местных вождей со времени заселения острова. А помнить все это им помогали хитроумно связанные вместе шнуры с узлами, — такими же точно шнурами пользовались инки в Перу. Современные исследователи сопоставили все родословные с различных островов и обнаружили поразительное совпадение как имен, так и числа поколений. Принимая средний возраст полинезийского поколения в 25 лет, подсчитали, что острова Южных морей были заселены не раньше конца V — начала VI века нашей эры. Следы другой культуры и соответствующая ей новая генеалогия вождей свидетельствуют, что около 1100 года нашей эры на эти же острова пришли другие переселенцы.

Откуда же вышли эти люди, причем сравнительно недавно? Похоже, лишь очень немногие исследователи учли важнейший фактор, а именно: на столь позднем этапе истории сюда приплыл типичный неолитический народ. Хотя во всем остальном уровень культуры был поразительно высок, переселенцы привезли с собой особого рода каменные топоры и много других характерных каменных орудий, которые и распространились на всех островах. Вспомним, что, за исключением немногих изолированных лесных племен, к 500 и тем более к 1100 году нашей эры нигде не было неолитической культуры, способной к дальнейшему распространению, — нигде, кроме Нового Света, где даже самые развитые индейские культуры не знали железа и пользовались каменными топорами и другими орудиями точно такого вида, какой употреблялся на островах Южных морей, пока здесь не появились европейцы.

Многочисленные индейские племена, о которых мы здесь говорим, были ближайшими родственниками полинезийцев на востоке. На западе жили только дикие и первобытные народы Австралии и Меланезии, отдаленные родичи негро-

идов, а за ними лежали Индонезия и побережье Азии, где период неолита, судя по всему, был пройден раньше, чем где-либо еще на свете.

Вот почему мое внимание все больше переключалось со Старого Света, где многие искали разгадку и никто ее не нашел, на изученные и неизученные индейские культуры Америки, о которых никто до тех пор всерьез не думал в этой связи. И что же: на ближайшем на восток материке, там, где сегодня берег Тихого океана и прилегающие к нему горные цепи занимает южноамериканская республика Перу, не было недостатка в следах, стоило только поискать. Здесь некогда жил неизвестный народ, который создал одну из самых своеобразных культур на свете, чтобы затем, еще в давние времена, вдруг буквально исчезнуть с лица земли. Остались громадные каменные скульптуры, похожие на изваяния на островах Питкерне, Маркизских и Пасхе, а также гигантские ступенчатые пирамиды, какие встречаются на Таити и Самоа. На склонах гор древние зодчие высекали каменными орудиями глыбы величиной с наш железнодорожный вагон, перемещали их на десятки километров и устанавливали торчком или клали друг на друга, сооружая ворота, могучие стены и террасы — совсем такие, какие мы видим на некоторых островах Тихого океана.

Когда в Перу пришли первые испанцы, в этой горной стране они нашли великую империю инков. И местные жители рассказали, что огромные, теперь заброшенные, монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими здесь до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших зодчих описывали как мудрых и миролюбивых учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков индейцев строительному искусству и земледелию, передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда. Инки сами стали править страной, а белые учителя навсегда исчезли из Южной Америки, уйдя на запад, в Тихий океан.

А надо сказать, что, когда европейцы впервые попали на тихоокеанские острова, их как раз поразило, что у многих туземцев была борода и почти белая кожа. На многих островах можно было увидеть целые семьи с необычайно светлой кожей, рыжими вплоть до русых волосами, сероголубыми глазами и лицами чуть ли не семитского типа, с орлиным носом. У собственно полинезийцев была золотисто-смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла и пло-

ский, широкий нос Рыжеволосые называли себя *урукеху* и утверждали, что происходят от первых вождей на островах — белокожих богов по имени Тангарса, Каис, Тики. Во всей Полинезии были распространены легенды о происхождении первых островитян от загадочных белых людей. Вот и Роггевен, когда в 1722 году открыл остров Пасхи, с удивлением увидел на берсгу «белых людей». А пасхальцы могли поименно перечислить тех своих предков, у кого была белая кожа, начиная с Тики и Хоту Мапуа, которые, по их словам, приплыли из-за моря, «из гористой, иссушенной солнцем страны на востоке».

Продолжая поиски, я находил в культуре, мифологии, языке Перу поразительные следы, которые побуждали меня еще более настойчиво и целеустремленно искать родину главного полинезийского бога Тики.

И вот настала минута, когда я шел то, на что надеялся. Читая инкские легенды о короле-солнце Виракочс, предводителе исчезнувшего из Перу белого народа, я вдруг увидел в комментарии следующие строки:

«Виракоча — инкское слово (язык кечуа), следовательно, оно позднего происхождения. Первоначального бога солнца Виракочу в древнем Перу, по-видимому, называли Кон-Тики, или Илла-Тики, что означает Солнце-Тики, или Огонь-Тики. Кон-Тики был верховным жрецом и королем «белых людей» из инкских преданий, народа, о котором нам напоминают развалины могучих сооружений на берегах озера Титикака. Легенда сообщает, что на Кон-Тики напал вождь по имени Кари, который пришел из долины Кокимбо. В битве на одном из островов озера Титикака таинственные белые бородатые люди были разбиты наголову, но сам Кон-Тики вместе с ближайшими сподвижниками спасся и пробрался позднее к побережью, откуда они в конце концов исчезли в западном направлении, в море».

Теперь я больше не сомневался, что белый вождь-бог Солнце-Тики, изгнанный, по словам инков, их предками из Перу в Тихий океан, и есть белый бог-вождь Тики, сын Солнца, которого население всех восточных тихоокеанских островов воспевают как своего родоначальника. И ведь различные черты жизни Солнца-Тики в Перу, с упоминанием древних географических наименований района Титикака, можно было проследить и в исторических преданиях жителей Полинезии.

Но полинезийские острова хранят свидетельства и другого рода, говорящие о том, что миролюбивое племя Кон-Тики недолго оставалось единовластным хозяином на новом месте. Сначала на Гавайи, а потом и на другие острова

Южных морей прибыли на больших военных пирогах, связанных попарно и не уступавших по размерам ладьям викингов, индейцы с западного побережья Северной Америки. Они смешались с родом Кои-Тики и принесли с собой новую культуру. Это был уже второй неолитический народ, добравшийся до Полинезии. В 1100 году он не знал ни металла, ни колеса, ни гончарного искусства, ни ткацкого станка, не был знаком с хлебными злаками.

Вот почему, когда немцы вторглись в Норвегию, я был в Канаде, у северо-западных индейцев Британской Колумбии, и расчищал наскальные изображения в духе древнеполинезийских рисунков.

Напра-во! Нале-во! Кру-гом! Мытье полов в казарме, чистка амуниции, школа радиотелеграфистов, парашютная тренировка и в конце концов высадка зимой с морского конвоя в Финмарке, где в отсутствие солнца-бога хозяйничал бог войны.

Но вот настал мир.

И пришел день, когда моя теория обрела законченную форму. Я решил отправиться в Америку, чтобы изложить ее там.

Рождение экспедиции

У специалистов. — Камень преткновения. — В Доме моряка. — Последний выход. — Клуб исследователей. — Новое снаряжение. — У меня появляется спутник. — Триумвират. — Один художник и два диверсанта. — В Вашингтон. — Совещание в военном департаменте. — У генерал-квартирмейстера со списком пожеланий. — Денежные затруднения. — Среди дипломатов в ООН. — Мы летим в Эквадор

Да, так оно, пожалуй, и началось — у костра на одном из островов Южных морей, где старый полинезец сидел и рассказывал предания и легенды своего племени. А много лет спустя я сидел уже с другим стариком в сумрачном кабинете большого музея в Нью-Йорке.

Кругом, за стеклом аккуратных витрин лежали немые свидетели былого, словно следы, ведущие в прошлое. Рядом с витринами вдоль стен вытянулись книжные полки. Тут были такие книги, что один человек написал и не больше десяти прочли. Седой добродушный старик, сидящий за рабочим столом, прочитал все эти книги и сам написал некоторые из них. Но сейчас он явно был не в духе. Нервно стиснув подлокотники кресла, он смотрел на меня так, словно я спутал ему карты в пасьянсе.

— Нет, — говорил он, — это невозможно!

Наверное, такой же вид был бы у Деда Мороза, если бы кто-нибудь сказал, что следующий Новый год придется на 1 мая.

— Вы ошибаетесь, в корне ошибаетесь, — повторил он и возмущенно затряс головой, словно вытряхивая из нее столь еретическую мысль.

— Но ведь вы еще не читали моих доводов, — попытал-

ся я возразить, кивая с надеждой в сторону лежащей на столе рукописи.

— Доводы! — воскликнул он. — Нельзя же подходить к этнографическим проблемам так, словно это детективная загадка.

— Почему нет? Все мои выводы основаны на собственных наблюдениях и на фактах, которые добыты наукой.

— Задача науки — чистое исследование, — спокойно сказал он, — а не попытки что-либо доказать.

Он бережно отодвинул в сторону нетронутую рукопись и наклонился над столом.

— Это верно, что в Южной Америке развилась одна из самых замечательных культур прошлого, и нам неизвестно, ни какой народ ее создал, ни куда он исчез, когда власть захватили инки. Но одно мы знаем совершенно точно: ни один из народов Южной Америки не переселился на тихоокеанские острова.

Он пристально взглянул на меня и продолжал:

— И знаете, почему? Ответ очень прост. Они не могли туда попасть, у них не было лодок!

— У них были плоты, — нерешительно возразил я. — Знаете, наверное, — бальсовые плоты.

Старик улыбнулся и спокойно сказал:

— Ну что ж, попробуйте пройти из Перу до тихоокеанских островов на бальсовом плоту.

Последнее слово осталось за ним. Было уже поздно. Мы встали. Старый ученый проводил меня до дверей, добродушно похлопал меня по плечу и сказал, что я всегда могу обращаться к нему за помощью. Но в дальнейшем мне все-таки лучше заниматься либо Полинезией, либо Америкой, не валить в кучу две разных части света. Здесь он спохватился и вернулся к столу.

— Вы, кажется, забыли вот это. — Он возвратил мне рукопись.

Я прочел знакомый заголовок: «Полинезия и Америка, к вопросу о древних связях». Зажав рукопись под мышкой, я побрел вниз по лестнице и смешался с толпой прохожих.

Позднее, в гот же вечер я приехал в Гринвич Вилледж и постучался в дверь невзрачного домика на окраине поселка. Так повелось, что я шел сюда со своими заботами, когда они уж очень меня донимали.

Маленький тщедушный человечек с длинным носом опасливо приоткрыл дверь, но тут же, широко улыбаясь, распахнул ее и затащил меня внутрь. Он провел меня прямо в уютную кухоньку и заставил накрывать на стол,

а сам тем временем удвоил порцию загадочного, но приятно пахнувшего варева, которое разогревал на газовой плите.

— Молодец, что зашел, — сказал он. — Ну как?

— Плохо, — ответил я. — Никто не хочет читать рукопись.

Он наполнил тарелки, и мы принялись за еду.

— Очень просто: те, к кому ты обращаешься, думают, что все это твоя фантазия. Ты же знаешь, у нас в Америке сколько угодно чудачков.

— И еще одно, — вставил я.

— Знаю, аргументация. Все они узкие специалисты и недоверчиво относятся к такой методике, когда привлекаются данные из самых различных отраслей, от ботаники до археологии. Они сознательно ограничивают размах исследований, чтобы тем настойчивее зарываться в глубину и добывать детали. Современная наука требует, чтобы каждый специалист копался в своей яме. Редко кто-нибудь принимается разбирать и складывать вместе то, что они добывают.

Он встал и сходил за объемистой рукописью:

— Вот, посмотри. Мой последний труд — о птичьем орнаменте в китайских народных вышивках. Семь лет готовил, зато сразу приняли к изданию. Наше время требует специализации.

Карл был прав. Но пытаться решить загадки Тихого океана без всестороннего подхода было, на мой взгляд, все равно что складывать мозаику из кусочков только одного цвета.

Мы убрали со стола, я помог ему вытирать посуду.

— Из Чикагского университета что-нибудь ответили?

— Нет.

— А что сказал сегодня твой старый приятель из музея?

Я помялся, прежде чем ответить.

— Его моя теория тоже не заинтересовала. Сказал, что у индейцев были только плоты, значит, нечего и думать о том, чтобы они могли открыть полинезийские острова.

Хозяин вдруг принялся ревностно тереть тарелку.

— М-да, — промолвил он наконец. — По правде говоря, мне тоже это кажется таким препятствием, которое ставит под сомнение всю твою теорию.

Я мрачно поглядел на тщедушного этнолога, которого всегда считал своим верным союзником.

— Ты только не пойми меня превратно, — поспешно добавил он. — Я допускаю, что ты прав, но очень уж это все не-

понятно. Мой труд о вышивках подтверждает твою теорию.

— Карл, — сказал я, — я уверен, что индейцы ходили на своих плотах через Тихий океан, я даже готов сам построить такой плот и пересечь на нем океан, чтобы доказать, что это было возможно.

— Ты с ума сошел!

Мой друг принял мои слова за шутку и рассмеялся, но за смехом крылось опасение: а что, если я это всерьез?..

— Значит, по-твоему, это невозможно?

— Ты с ума сошел! На плоту!?

Он не знал, что и думать, и пытливо уставился на меня, как бы ожидая, что я сейчас ульбнусь и станет ясно: пошутил.

Он не дождался улыбки. Я понял, что никто не примет мою теорию, потому что Перу и Полинезию разделяет необозримый океан, а я пытаюсь обойти этот факт на доисторическом плоту.

— Послушай-ка, — неуверенно произнес Карл. — Пойдем куда-нибудь, выпьем по стаканчику.

Мы пошли и выпили по четыре.

Как раз в эти дни пришел срок платить за комнату. Одновременно из Норвежского банка мне написали, что больше долларов я не получу: валютные ограничения... Я собрал вещи и доехал подземкой до Бруклина. Меня пустили в Норвежский дом моряка, там кормили сытно и вкусно, и цены отвечали возможностям моего бумажника. Мне выделили комнатку наверху, а ел я вместе со всеми в просторной столовой внизу.

Одни моряки въезжали, другие уезжали. Разные люди — разные по внешности, росту, степени трезвости, но всех их объединяло одно: о море они говорили со знанием дела. Я узнал, что волны не увеличиваются с удалением от суши и с возрастанием глубины. Наоборот, внезапный шквал подчас коварнее всего как раз у берега. Мели, прибрежные течения и противотечения — все это может породить куда более могучие валы, чем в открытом море. И выходит, что если судно может плавать вдоль открытого, незащищенного берега, то оно не подведет и вдали от материка. Я узнал также, что при сильной волне большие суда зарываются носом или кормой, и многотонные массы воды, врываясь на палубу, завязывают узлом стальные трубы, а маленькой лодке хоть бы что — она целиком уместается между волнами и легко перемахивает через гребни. Некоторые из моих собеседников спасались на шлюпках после того, как их судно шло ко дну, разбитое волнами.

А вот о плотях они мало что знали. Плот — разве это судно: ни кля, ни поручней! Так просто — плавучее средство, на котором при аварии можно продержаться, пока тебя не подберут. Правда, один из них очень хорошо отзывался о плотях: он три недели провел на плоту после того, как немецкая торпеда пустила ко дну его судно посреди Атлантического океана.

— Но управлять им никак нельзя, — добавил он. — То боком идет, то задом наперед, смотря откуда ветер.

В библиотеке мне удалось разыскать записки первых европейцев, которые достигли тихоокеанского побережья Южной Америки. В этих записках было вдоволь зарисовок и описаний больших индейских бальсовых плотов. Прямой парус, шверты, на корме — длинное рулевое весло. Значит, они управляемы.

Шли недели, а ко мне в Дом моряка не поступало никакого ответа ни из Чикаго, ни из других городов, куда я разослал копии рукописи. Не хотят читать.

И вот как-то под воскресенье я взял себя в руки, отправился в морскую лавку на улице Уотер-стрит и купил лоцманскую карту Тихого океана; продавец учтиво величал меня «капитаном». Зажав карту под мышкой, я доехал на электричке до Оссининга, где обычно проводил уикэнд на даче молодой норвежской четы. Хозяин был раньше капитаном судна, а теперь представлял в Нью-Йорке компанию «Фред Ульсен Лайн».

Освежившись в бассейне, я на два дня прочно забыл о большом городе. Амбьёрг вынесла поднос с коктейлями, и мы уселись на траве, где пригревало солнце. Я не мог утерпеть, расстелил на газоне карту и спросил Вильгельма, как он считает: можно дойти на плоту от Перу до островов Южных морей?

Он был слегка озадачен и смотрел больше на меня, чем на карту, однако сразу ответил утвердительно. Я испытал такое облегчение, словно мне прицепили к воротнику воздушный шар, ведь Вильгельм был большой знаток и любитель всего, что касалось моря и мореходства. Тут же, не сходя с места, я посвятил его в свои замыслы. К моему удивлению, он заявил, что это чистейшее бредуние.

— Но ведь ты же сам сейчас сказал, что считаешь это возможным! — прервал я его.

— Совершенно верно, — согласился он. — Но столько же шансов, что дело кончится плохо. Ты еще никогда вообще не бывал на бальсовом плоту, и на тебе — сразу через Тихий океан. Может быть, пройдешь, а может быть, и нет. Древние индейцы Перу, наверное, опирались на опыт

поколений. Возможно, на каждый дошедший плот гонуло десять, если не сто. Сам говоришь, инки выводили в море целые флотилии бальсовых плотов. Если с кем-нибудь случилось несчастье, другие могли их выручить. А кто подберет вас посреди океана? Даже если ты возьмешь с собой радиопередатчик, это вовсе не так просто — найти маленький плот среди волн за тысячи миль от суши. Разыграется шторм, смоев вас с плота, и вы сто раз успеете утонуть, пока подойдет помощь. Нет уж, сиди-ка ты лучше на месте и жди, кто-нибудь прочтет твою рукопись. Пиши им еще и еще, напоминай, только так и добьешься чего-нибудь.

— Я не могу. больше ждать, последние центы досчитываю.

— Переезжай к нам. Кстати, как ты вообще намереваешься организовать экспедицию из Южной Америки, если у тебя нет денег?

— Легче заинтересовать людей экспедицией, чем непрочтенной рукописью.

— И чего же ты добьешься?

— Опровергну один из самых веских аргументов против моей теории, не говоря уже о том, что привлеку внимание ученых к этому вопросу.

— А если несчастье?

— Тогда я ничего не доказал.

— И будет твоя теория окончательно скомпрометирована.

— Возможно, но ведь ты сам сказал, что один плот из десяти доходил.

Пришли дети хозяина, они загорели играть в крокет, и в тот день мы больше не возвращались к моему вопросу.

На следующий уикэнд я снова отправился в Оссининг с картой под мышкой. И когда я возвращался оттуда в город, через всю карту от побережья Перу до островов Туамоту в Тихом океане протянулась длинная карандашная черта. Мой друг капитан понял, что меня не отговорить, и мы несколько часов просидели вместе над картой, определяя наиболее вероятный путь плота.

— Девяносто семь суток, — сказал наконец Вильгельм. — Но помни, это только при идеальных условиях, если все время будет дуть попутный ветер и если плот в самом деле сможет идти под парусом, как ты предполагаешь. Так что считай никак не меньше четырех месяцев, а то и гораздо дольше.

— Добро, — ответил я удовлетворенно. — Будем считать минимум четыре месяца, а уложимся в девяносто семь суток.

Комнатушка в Доме моряка показалась мне в этот вечер вдвое уютней, когда я вернулся домой и сел на койку с картой в руках. Я встал и вымерял площадь комнатки шагами, насколько позволяли кровать и комод. Ну-у, плот будет куда больше! Я высунулся из окна, чтобы отыскать взглядом всеми позабытое звездное небо над большим гордом — маленький квадрат, стиснутый крышами высоких домов. Что ж, если на плоту окажется тесновато, то во всяком случае небу над нами будет просторно.

Около Центрального парка, на 72-й западной улице расположен один из самых избранных клубов Нью-Йорка. Лишь блестящая латунная дощечка с надписью «Клуб исследователей» говорит прохожему, что за этой дверью кроется нечто необычное. А войдешь — и словно ты вдруг приземлился с парашютом в другом мире, за десятки тысяч километров от зажатых небоскребами шеренг автомобилей. Двери в Нью-Йорк закрылись за твоей спиной, и ты погружаешься в атмосферу львиной охоты, горных восхождений и полярных экспедиций, но в то же время чувствуешь себя как бы в салоне комфортабельной яхты, совершающей кругосветное плавание. Головы бегемотов и благородных оленей, могучие рога и бивни, военные барабаны и копыя, индейские покрывала, идолы, модели кораблей, флаги, фотографии и карты со всех сторон окружают членов клуба, когда они собираются, чтобы отметить юбилей или послушать доклад о дальних странах.

После моей поездки на Маркизские острова меня избрали действительным членом клуба, и как самый молодой из членов я старался не пропускать ни одного заседания, когда бывал в городе. Но, зайдя туда в дождливый ноябрьский вечер, я немало удивился непривычной картине, которая предстала моим глазам. Посреди пола лежала надувная резиновая лодка с различными принадлежностями и аварийным запасом продовольствия, а вдоль стен и на столах можно было увидеть парашюты, резиновые костюмы, спасательные пояса и всякого рода арктическое снаряжение, а также аппараты для дистилляции воды и другие чудеса. В этот день новый член клуба, полковник Хескин из службы материального обеспечения военно-воздушных сил, должен был прочесть доклад, показывая военные изобретения, которые, как он считал, годились также и для научных экспедиций, тропических и полярных.

После доклада началось горячее и веселое обсуждение. Известный датский полярный исследователь Петер Фрейхен поднялся во весь свой могучий рост и скептически потряс густой бородой. Он не очень-то верил в эти ново-

модные штучки. Во время одной из своих экспедиций в Гренландию он решил сменить эскимосский каяк и иглу на резиновую лодку и палатку и едва не поплатился жизнью. Сначала он чуть не замерз: разыгрался буря, а замок «молния» на палатке обледенел, и он никак не мог попасть внутрь. Потом, когда он рыбачил, крючок зацепился за лодку, проколол ее, и она пошла ко дну. Вместе с приятелем эскимосом Фрейхен еле успел перебраться на другой каяк, который пришел им на выручку. Так что он был твердо убежден: сколько ни мудри все хитроумные изобретатели мира в своих лабораториях, им не превзойти того, чему научил эскимосов тысячелетний опыт.

Дискуссия закончилась неожиданным предложением полковника Хескина — действительные члены клуба могли отобрать все что угодно из нового снаряжения для своей очередной экспедиции, с одним только условием: вернувшись, сообщить лаборатории, как понравилась ее продукция.

В этот вечер я последним ушел из клуба. Хотелось до мельчайших подробностей изучить это новехонькое снаряжение, которое само шло в руки, стоило только попросить. Как раз то, что мне нужно: спасательное оборудование на тот случай, если плот, вопреки всем ожиданиям, развалится, а поблизости не будет других плотов, чтобы прийти к нам на выручку.

Это снаряжение занимало мои мысли и на следующее утро, за завтраком в Доме моряка, когда к моему столу подошел со своим подносом отлично одетый, атлетически сложенный молодой человек. Мы разговорились. Оказалось, что он тоже не моряк, а инженер из Тронхейма, приехал в Америку закупить части для машин и поработать на холодильниках. Он поселился неподалеку и часто приходит в столовую Дома моряка ради хорошей норвежской кухни. Потом он спросил меня, чем я занимаюсь, и я коротко поделился с ним своими замыслами. Сказал, что если до конца недели я не получу ни от кого положительного ответа на рукопись, то все силы обращу на то, чтобы устроить экспедицию на плоту. Мой собеседник помалкивал, но слушал с большим интересом.

Четыре дня спустя мы снова встретились в той же столовой.

— Ну как ты решил — поплывешь или нет? — спросил он.

— Решил. Поплыву.

— Когда?

— При первой возможности. Если я замешкаюсь, со

стороны Антарктики нагрянут штормы, в Полинезии начнется сезон ураганов. Надо выходить из Перу через два-три месяца. Но сперва — раздобыть денег, все организовать.

— Сколько человек будет участвовать?

— Думал собрать человек шесть: будет достаточное разнообразие в жизни на плоту и удобно разбить сутки на четырехчасовые вахты.

Он постоял, подумал, потом выпалил:

— Черт, до чего же хочется пойти с тобой! Я бы занимался всякими измерениями и опытами. Тебе же понадобится для твоего эксперимента точно измерять ветер, течения, волны. Не забывай, ведь ты будешь плыть через громадные пространства, которые почти не изучены, потому что там нет регулярного движения судов. Такая экспедиция сможет привести много важных гидрографических и метеорологических исследований, тут и моя термодинамика пригодилась бы.

Что я знал о нем? Только то, что может рассказать прямое, открытое лицо. Впрочем, этого иногда оказывается вполне достаточно.

— Идет, — ответил я. — Пойдем вместе.

Его звали Герман Ватцингер, он был такой же сухопутный краб, как я.

Через несколько дней я привел его с собой в «Клуб исследователей». Здесь мы встретили полярника Петера Фрейхена. У Фрейхена есть выгодное свойство: он никогда не растворяется в толпе. Огромный, как платяной шкаф, с пышной бородой, он выглядит так, словно только что вернулся из тундры. Кажется, что он должен водить за собой на ремне гризли.

Мы подвели его к громадной карте на стене и рассказали о своем замысле пересечь Тихий океан на плоту. Слушая нас, он теребил свою бороду, а его мальчишеские голубые глаза выросли в оловянные блюдца. Потом он топнул деревянной ногой и затянул потуже ремень:

— Вот это план! Черт побери, я и сам бы не прочь с вами!

Старый исследователь Гренландии наполнил наши пивные кружки и стал рассказывать о своей твердой вере в суденышки первобытных народов: они так замечательно приспособлены к природным условиям, что где угодно пройдут. Он сам ходил на плотах по великим рекам Сибири и тащил на буксире плот с туземцами вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Рассказывая, он не переставал теребить свою бороду и приговаривать:

— Эх, черт возьми, здорово вы задумали!

Благодаря горячей поддержке Фрейхена колеса завертелись с головокружительной скоростью и о нашем плане заговорили все скандинавские газеты. Уже на следующее утро в дверь моей комнаты в Доме моряка громко постучали; меня вызывали к телефону в коридоре. После этого телефонного разговора с Германом вечером того же дня очутились в роскошной квартире в одном из феешенбельных районах города. Нас принял холеный молодой человек в лакированных туфлях и шелковом халате, наброшенном на синий костюм. Он извинился, прижимая к носу надушенный платок, и пояснил, что простужен. На вид — хлюпик, но мы-то знали, что он известен в Америке как один из лучших летчиков военного времени. Кроме вялого хозяина присутствовали два энергичных молодых газетчика, которых буквально распирал задор и всевозможные идеи. Нам было известно имя одного из них, талантливого журналиста.

За бутылкой хорошего виски хозяин рассказал, что его заинтересовала наша экспедиция. Он готов ее финансировать, если мы обязуемся по возвращении написать статьи для газет и совершить турне с докладами. В конце концов мы обо всем договорились и выпили за плодотворное сотрудничество между финансирующей стороной и участниками экспедиции. О деньгах больше думать не надо, эта проблема решена, наши казначеи все берут на себя. Нам с Германом надлежит не медля заняться подбором команды и снаряжения, строить плот и отправляться в путь, пока не начались ураганы.

На следующий день Герман взял расчет на работу, и мы засучив рукава принялись за дело. Из экспериментальной лаборатории военно-воздушных сил мне уже сообщили, что такая экспедиция как нельзя лучше подходит для проверки их снаряжения и мне охотно перешлют через «Клуб исследователей» все, о чем бы я ни попросил. Добро начало! Теперь главной задачей было найти для нашей команды подходящую четверку добровольцев и раздобыть провиант.

Подбирать людей для плавания через океан на плоту надо было очень тщательно, чтобы после нескольких недель вынужденной изоляции на плоту не начались ссоры и беспорядки. Мне не хотелось составлять команду из моряков: вряд ли они больше нашего знают о плотях, да и к чему давать повод для возражений, дескать, мы справились потому, что разбирались в мореходном деле лучше, чем древние перуанские плотоводцы. Вместе с тем для на-

ших научных отчетов нужен был человек, умеющий и обращаться с секстантом, и нанести на карту наш дрейф.

— Я знаю одного занятого художника, — рассказал я Герману. — Здоровенный детина, играет на гитаре, весельчак. Окончил штурманское училище и несколько раз ходил вокруг света, потом взялся за кисть и краски. Мы с ним с детства знакомы, сколько раз ходили вместе в поход в горы. Напишу ему — уверен: он согласится.

— Что ж, как будто подходит, — кивнул Герман, — но нам еще нужен человек, чтобы разбирался в радио.

— Радио?! — воскликнул я. — На кой черт нам радио — на доисторическом плоту?

— Ну, нет, не говори. Это просто мера предосторожности, и она никак не повлияет на твою теорию, если мы не вызовем помощь. Радио необходимо, чтобы передавать метеосводки и другие сообщения. А нам служба погоды ничего не даст, она не занимается этой частью океана. И даже если мы примем предупреждение о шторме — что толку нам от этого на плоту?

В потоке аргументов утонули мои робкие возражения, которые в общем-то коренились в нелюбви к всевозможным штепселям и верньерам.

— Как ни странно, — сдался я, — но если говорить о радиосвязи на большие расстояния с помощью маленьких передатчиков, то я знаю подходящих людей. В войну я сам попал в радиоподразделение — так сказать, надлежащий человек на надлежащем месте. Словом, я черкну Кнюту Хаугланду и Торстейну Робю.

— Ты их знаешь?

— Да. С Кнютом первый раз встретился в Англии, в сорок четвертом году. У него уже была награда от британского короля, Кнют участвовал в диверсии на Рьюканском заводе тяжелой воды, был радистом группы. Когда мы познакомились, он только что вернулся из Норвегии, с задания. В Осло он укрывался в женской клинике, свою радиостанцию прятал в дымоходе. Гестаповцы запеленговали его, все здание окружили солдаты, против каждой двери поставили по пулемету. Сам начальник гестапо Фемер стоял на дворе и ждал, когда ему вынесут Кнюта. Но выносить пришлось его собственных людей. Стреляя из пистолета, Кнют пробился с чердака в подвал, а оттуда на задний двор и перескочил через каменную ограду, провожаемый градом пуль. Мы встретились в старинном английском замке, там был тайный центр, а его прислали туда, чтобы он наладил связь с тайными радиостанциями в оккупированной Норвегии, их в его сети было больше ста.

А я окончил курсы парашютистов, и нас должны были сбросить вместе над Нурдмарком. Но тут русские вышли в район Киркенеса, и в Финмарк отправили из Шотландии норвежский отряд, чтобы установить связь с русской армией. И я вместо Нурдмарка попал туда. Там я и встретил Торстейна. Полярная зима была в разгаре, круглые сутки тьма и северное сияние на черном небе, мороз пробирал сквозь все овчины. Наконец мы добрались до пепелищ в Финмарке, и тут с гор к нам спускается веселый, лохматый русоволосый парень с голубыми глазами — Торстейн Робю. Он бежал от оккупантов в Англию, кончил там курсы, потом его забросили в Норвегию, в район Трумсё. И он засел в тайнике с маленьким передатчиком, по соседству с немецким линкором «Тирпиц», десять месяцев ежедневно сообщал в Англию обо всем, что делалось на корабле. Пользовался приемной антенной одного немецкого офицера, подключался к ней по ночам. Так он и наводил английские бомбардировщики, которые в конце концов добились «Тирпица». А Торстейн ушел в Швецию, откуда снова попал в Англию. Теперь его сбросили с радиостанцией в немецком тылу в Финмарке. Когда немцы отступили, он оказался в нашем тылу и вылез из тайника, чтобы помочь нам своей малюткой: наша станция не дошла, нарвались на мину. Могу поклясться, что и Кнюту, и Торстейну осточертело сидеть дома, они с удовольствием прогуляются на плоту.

— Напиши, спроси их,— предложил Герман.

Я сочинил коротенькое письмецо Эрику, Кнюту и Торстейну. В нем говорилось без всяких околичностей:

«Собираюсь пройти на плоту через Тихий океан, чтобы подтвердить теорию о заселении Полинезийских островов из Перу. Поедете со мной? Обещаю только бесплатный проезд до Перу и Южных морей и обратно, а также, что в пути вы найдете хорошее применение своим специальным знаниям. Отвечайте немедленно».

От Торстейна тотчас пришла телеграмма:

«Еду. Торстейн».

Остальные двое тоже согласились.

На шестое место претендовал то один, то другой кандидат, но всякий раз возникала какая-нибудь помеха. Тем временем мы с Германом занялись провиантом. Мы вовсе не собирались жевать в пути жесткое мясо старой ламы или сушеные клубни кумары, ведь мы выходили в море не за тем, чтобы доказать, что сами происходим от индейцев. Наша цель — испытать добротность и мореходные качества инкского плота, его грузоподъемность и направление

дрейфа, убедиться, могут ли стихии переправить его и всю команду без потерь через океан в Полинезию. Конечно, наши древние предшественники могли обойтись сушеным мясом, вяленой рыбой и сушеным картофелем — это была их обычная повседневная пища. К тому же мы собирались проверить: может быть, они в пути ловили рыбу и запасали дождевую воду. А для нашего собственного меню я выбрал скромные армейские пайки, знакомые нам по военному времени.

Как раз в эти дни на должность помощника норвежского военного атташе в Вашингтоне прибыл новый человек. В свое время он командовал в Финмарке ротой, а я был его заместителем. Настоящий сгусток энергии, пламенная душа, Бьёрн Рёрхолт больше всего на свете любил бороться с препятствиями. Он был из тех людей, которые просто теряются, если, одолев одну проблему, не оказываются тотчас перед новой.

Я написал ему о наших делах и попросил его мобилизовать свой нюх, чтобы связаться с интендентским управлением американской армии. Может быть, их лаборатории разрабатывают новые армейские пайки, которые мы можем испытать на тех же условиях, что снаряжение из лаборатории ВВС.

Два дня спустя Бьёрн позвонил мне по междугородному телефону из Вашингтона. Он обращался в отдел внешних сношений военного департамента США, там хотят узнать, что мы затеваем.

С первым же поездом мы с Германом отправились в Вашингтон.

Мы застали Бьёрна в его кабинете при военной миссии.

— Думаю, все будет в порядке, — сказал он. — Завтра нас примут в отделе внешних сношений, надо только заручиться подходящим письмом от полковника.

Полковник был не кто иной, как Отто Мюнте-Кос, норвежский военный атташе. Он встретил нас дружелюбно и, когда узнал, в чем дело, охотно согласился написать письмо.

А когда мы на следующий день утром зашли за письмом, он вдруг поднялся со стула и сказал, что, пожалуй, будет лучше, если он сам поедет с нами. На машине полковника мы отправились к Пентагону, где разместился военный департамент. Впереди сидели полковник и Бьёрн при всех своих регалиях, позади — мы с Германом. Через ветровое стекло мы издали увидели громадное — самое большое в мире — здание Пентагона. В этом доме-гиганте с его 30 тысячами служащих и 25 километрами коридоров

состоится наша «морская конференция» с военным начальством... Я ушил сам себя за нос. Никогда, ни до, ни после этого, наш плогик не казался нам с Германом таким ничтожным.

После бесконечных скитаний по коридорам и коридорчикам мы очутились у отдела внешних сношений. И вот уже мы сидим у роскошного стола красного дерева, рядом с блестящими офицерами; председательствовал сам начальник отдела.

Суровый коренастый офицер из Уэстпойнта, сидящий во главе стола, долго не мог понять, что связывает военный департамент США и наш плот. Но убедительная речь нашего полковника и то, что мы благополучно выдержали ураган вопросов, которые посыпались на нас со всех сторон, сделали свое дело. Он с интересом прочитал письмо из интендантской службы ВВС, потом встал, приказал своему штабу помочь нам через соответствующие каналы, пожелал нам удачи и, чеканя шаг, вышел из конференц-зала. Когда дверь за ним закрылась, молодой штабс-капитан прошептал мне на ухо:

-- Бьюсь об заклад, вы получите все, что просите. Это же смахивает на небольшую военную операцию, а у нас тут, как война кончилась, сплошная канцелярия, рутина. И будет отличный случай основательно испытать снаряжение.

Отдел внешних сношений тут же договорился, что нас примет полковник Льюис из экспериментальной лаборатории генерал-квартирмейстера. Нас с Германом отвезли туда на машине.

Полковник Льюис был добродушный великан с осанкой спортсмена. Он тотчас вызвал руководителей отделов. Они все отнеслись к нам радушно и сразу предложили нам для проверки множество всякого снаряжения. Действительность превзошла наши самые смелые ожидания, они перечисляли все на свете, от армейских рационов и крема против загара до водонепроницаемых спальных мешков. Затем нас повели осматривать образцы. Мы пробовали спецрационы в хитроумных упаковках, испытывали спички, которые не боялись воды, смотрели новые примусы и водяные баки, резиновые спальные мешки и особую обувь, посуду, нетонущие ножи — словом, все, что может пожелать себе такая экспедиция.

Я глянул на Германа. У него было лицо исполненного надежд примерного мальчика, который пришел в кондитерскую с богатой теткой. Высокий полковник шел впереди и объяснял, а его подчиненные записывали, что нам

нужно и сколько. Я уже считал, что бой выигран, и только мечтал поскорее вернуться в гостиницу, чтобы принять горизонтальное положение и в тишине поразмыслить обо всем. И вдруг я услышал голос приветливого полковника:

— Ну что ж, теперь пошли к боссу, он решит, давать ли вам все это.

У меня душа ушла в пятки. Выходит, начинай все сначала! И один бог ведает, что за тип этот «босс»...

За письменным столом сидел офицер небольшого роста, весьма строгий на вид. Он пристально поглядел на нас своими голубыми глазами. Предложил сесть.

— Well, что угодно этим господам? — резко спросил он полковника Льюиса, глядя мне прямо в глаза.

— Да так, разные мелочи, — поспешил заверить Льюис и изложил вкратце цель нашего посещения.

Шеф сидел, словно каменный.

— Что же мы получим взамен? — бесстрастно осведомился он, выслушав все до конца.

— Well, — мягко ответил Льюис, — мы надеемся, что экспедиция представит нам подробный отчет, как проявили себя снаряжение и провиант в трудных условиях.

Строгий офицер, по-прежнему не сводя с меня холодных глаз, медленно откинулся назад на стуле. У меня сердце оборвалось, когда он сухо произнес:

— Я так и не вижу, что они могут дать нам взамен.

В кабинете стало тихо; полковник Льюис поправил воротничок, мы оба молчали.

— Но, — добавил вдруг шеф с ударением, и в его глазах мелькнул огонек, — смелость и пытливость тоже чего-нибудь да стоят. Полковник Льюис, выдайте им то, что они просят!

Возвращаясь на такси в гостиницу, я был как хмельной. Неожиданно Герман тихо рассмеялся.

— Ты что — спятил? — испугался я.

— Нет, — соврал он, не моргнув, — просто я только что подсчитал, что в наш провиант входят шестьсот восемьдесят четыре банки ананасов — мое самое любимое блюдо!

Чтобы собрать в одной точке на побережье Перу шесть человек и один плот с грузом, нужно выполнить тысячу и одну задачу, притом по возможности одновременно. А у нас было в запасе всего три месяца и ни одной волшебной лампы Аладдина.

Заручившись письмом в отделе внешних сношений, мы вылетели в Нью-Йорк, чтобы там встретиться с профессором Колумбийского университета Бере, который возглав-

лял комитет географических исследований военного департамента. Он нажал на нужные кнопки, и постепенно Герман получил все необходимые ему для научных опытов приборы и аппараты.

Затем мы вернулись в Вашингтон, чтобы повидать адмирала Гловера в Гидрографическом институте военно-морских сил. Старый добродушный морской лев вызвал всех своих офицеров, представил им Германа и меня и указал на карту Тихого океана на стене:

— Эти молодые люди задумали исправить наши карты морских течений. Помогите им!

Колеса продолжали вертеться — английский полковник Ламсен созвал конференцию в британской военной миссии, чтобы обсудить, какие трудности нас ждут и каковы шансы на благополучный исход. Мы получили бездну советов и кое-какое английское военное снаряжение, доставленное самолетом из Англии. Начальник британской санитарной службы рьяно пропагандировал таинственный «антиакулин». Достаточно бросить в воду несколько щепоток этого порошка, уверял он, и самая назойливая акула мигом улечется.

— Сэр, — вежливо поинтересовался я, — мы можем твердо положить на этот порошок?

— Well, — улыбаясь, ответил англичанин, — это-то как раз мы и хотим выяснить!

Когда времени в обрез и приходится не ездить, а летать, и не ходить, а ездить, бумажник тощает на глазах. Сдав в кассу мой билет в Норвегию и истратив полученные за него деньги, мы отправились за помощью к нашим казначеям в Нью-Йорк. Но здесь нас подстерегали неприятные неожиданности. Главный казначей лежал с температурой, а его коллеги были бессильны что-либо предпринять без него. Соглашение оставалось в силе, но сейчас они ничего не могли сделать. И попросили нас отложить все дело. Тщетная просьба: машина уже на ходу, теперь ее нельзя остановить. Тут только не отставай; о том, чтобы притормозить, не может быть и речи. Делать нечего, партнеры согласились распустить нашу коалицию и развязать нам руки, чтобы мы могли действовать быстро и самостоятельно.

И вот мы стоим на улице, в карманах пусто...

— Декабрь, январь, февраль, — подсчитал Герман.

— От силы еще март, — продолжал я, — потом надо отчаливать!

Все представлялось нам туманным, одно было ясно: у нас серьезная экспедиция, мы не собираемся уподобляться

трюкачам, которые спускаются в бочке по Ниагаре или семнадцать суток сидят на верхушке флагштока.

— Никакой рекламной помощи от фабрикантов жевательной резины или кока-колы, — сказал Герман.

Я был с ним полностью согласен.

Норвежские кроны мы могли достать. Но они нас не выручали по эту сторону Атлантики. Можно обратиться в какой-нибудь «фонд», но кто пожелает связывать свое имя с сомнительной теорией? Очень скоро мы убедились, что ни пресса, ни частные благотворители не решаются вкладывать свои деньги в предприятие, которое и они сами и страховые общества считали чистым самоубийством. Вот если мы в целости вернемся обратно, тогда другое дело.

Все выглядело очень мрачно, шли дни, а мы не видели выхода. И тут снова на сцену выступил полковник Мюнте-Ксс.

— Что, ребята, трудно приходится? — сказал он. — Вот вам чек для начала. Рассчитаемся, когда вернетесь из Полинезии.

Полковник вовлек в это дело других, и этого частного займа оказалось достаточно, чтобы мы могли обойтись без помощи всяких коммерсантов. Можно было вылетать в Южную Америку и начинать строить плот.

Древние перуанские плоты вязались из бальсовых бревен: сухая бальса легче пробки. В самом Перу она растет только за Андами, поэтому инкские мореплаватели отправлялись за бальсой вдоль побережья в Эквадор и срубали огромные деревья чуть ли не на самом берегу. Мы собирались поступить точно так же.

Современный путешественник сталкивается с совсем другими трудностями, чем инки. Конечно, у нас есть автомобили, самолеты, бюро путешествий, но зато теперь появились государственные границы и вышибалы в мундирах, которые подвергают сомнению вашу личность, издеваются над вашим багажом и топят вас в анкетах — если только вам вообще посчастливится быть впущенным в страну. Боясь этих вышибал, мы просто не смели явиться с полными ящиками и чемоданами всяких странных предметов, поздороваться и на ломаном испанском языке вежливо спросить, нельзя ли нам въехать в страну, чтобы затем отправиться в море на плоту. Нас засадили бы за решетку.

— Нет, — заключил Герман. — Без официального письма ни шагу.

Один из наших друзей, член распавшегося триумвирата, был корреспондентом при ООН. Он отвез нас туда. Мы почувствовали себя очень маленькими, когда вошли в

огромный зал заседаний, где представители всех наций, сидя бок о бок, в полной тишине слушали речь черноволового русского, стоявшего перед гигантской — во всю заднюю стену — картой мира.

В перерыве наш друг корреспондент ухитрился поймать одного из делегатов Перу, а затем и представителя Эквадора. Усевшись на мягком кожаном диване в фойе, они внимательно слушали наш рассказ, как мы задумали пересечь Тихий океан, чтобы подтвердить теорию, по которой представители древних культур из их стран первыми заселили острова Южных морей. Они пообещали поставить в известность свои правительства и гарантировали нам полное содействие в Южной Америке. Услышав, что пришли его соотечественники, к нам подошел Трюгве Ли. Кто-то предложил ему отправиться вместе с нами в плавание, но он предпочитал волны ооновской дискуссии. Заместитель генерального секретаря ООН, доктор Бенхамен Коэн из Чили, сам был известным археологом-любителем, и он снабдил меня письмом к президенту Перу, которого знал лично. Мы встретили также посла Норвегии в США Вильгельма Моргенстьерне, и с этой минуты он оказывал экспедиции неоценимую поддержку.

И вот наконец куплены два билета, и мы сидим в самолете, идущем в Южную Америку. Один за другим взрели четыре мощных мотора; мы откинулись, обессиленные, в своих креслах. До чего же легко было на душе при мысли о том, что первый этап позади, теперь перед нами открылся прямой путь в мир приключений.

В Южную Америку

Посадка у экватора. — Затруднения с бальсой. — На самолете в Кито. — Охотники за головами и «бандидос». — Через Анды на джипе. — Спуск в дебри. — Киведо. — Мы рубим бальсу. — Вниз по Паленке на плоту. — Заманчивая военная гавань. — В военно-морском министерстве в Лиме. — У президента Перу. — Появление Даниельссона. — Снова в Вашингтон. — Двенадцать килограммов писанины. — Боевое крещение Германа. — Мы строим плот на военной верфи. — Предостережения. — Перед стартом. — Крещение «Кон-Тики». — До свиданья, Южная Америка

Самолет пересек экватор и пошел косо вниз сквозь молочно-белые облака, которые до тех пор простирались под нами, словно залитая солнцем снежная равнина. Густая мгла лепилась к окнам, потом она отстала и повисла сверху над нами плотной пеленой, а внизу мы увидели волнистую темно-зеленую поверхность тропического леса. Мы углубились в воздушное пространство над южноамериканской республикой Эквадор и приземлились в портовом городе Гуаякиле.

Накинув на руку жилет, пиджак и не нужное здесь зимнее пальто, мы вышли из самолета и попали в парник к оживленно болтающим южанам в легких костюмах; тотчас рубаха прилипла к спине, словно мокрая бумага. Нас приняли в свои объятия таможенники и пограничники и чуть не на руках донесли до такси, которое отвезло нас в лучшую — и единственную приличную — гостиницу города. Здесь мы мигом добрались каждый до своей ванны и простерли свои тела под краном с холодной водой.

Итак, мы прибыли в страну, где растет бальса, теперь надо купить бревна для плота.

Весь первый день мы изучали местную денежную систему и осваивали испанский язык, чтобы знать, как найти дорогу обратно в гостиницу.

На второй день мы стали уходить все дальше от ванной комнаты, и когда Герман исполнил заветную мечту детства — потрогал настоящую пальму, а я превратился в ходячую миску с фруктовым салатом, мы решили, что пора идти и покупать бревна.

Увы, оказалось, что это легче сказать, чем сделать. Вообще-то бальсы было сколько угодно, но только не в бревнах, как это было нужно нам. Прошло то время, когда вдоль побережья росли бальсовые леса. Последняя война прикончила их, стволы валялись тысячами и увозили на авиазаводы, так как древесина бальсы на редкость легкая и пористая. Нам объяснили, что теперь большие деревья можно найти лишь в дремучих лесах в глубине страны.

— Ну что ж, отправимся туда и срубим их сами, — решили мы.

— Это невозможно, — последовал ответ властей. — Только что начался дождевой сезон, лесные дороги непроходимы: грязь, вода. Если вам непременно нужны бальсовые бревна, приезжайте в Эквадор через полгода, когда кончатся дожди и просохнут дороги.

В поисках выхода мы обратились за советом к бальсовому «королю», дону Густаво фон Бухвальду; Герман развернул перед ним чертеж нашего плота с указанием размеров. Маленький тощий «король» тут же взял телефонную трубку и велел своим агентам навести справки. Выяснилось, что на всех лесопилках можно найти планки, мелкие доски, отдельные колоды, но ни одного пригодного для нас бревна. На собственном складе дона Густаво лежали два сухих бревна, но на двух бревнах далеко не уплывешь. Нет, тут искать бесполезно.

— У меня есть брат, а у него — большая плантация бальсового дерева, — сказал нам дон Густаво. — Зовут его дон Федерико, он живет в Киведо — маленькой лесной деревушке в глубине страны. Он вам все достанет, как только кончатся дожди и мы с ним свяжемся. Сейчас это невозможно из-за ливней.

А что было невозможно для дона Густаво, то было невозможно и для всех остальных специалистов по бальсе в Эквадоре. Сидим в Гуаякиле, а бревен нет, и нельзя самим отправиться за ними в дебри раньше, чем через несколько месяцев, когда все равно уже будет поздно

— Время на исходе, — сказал Герман.

— И нам позарез нужна бальса, — откликнулся я. — Плот должен быть точной копией, иначе нельзя поручиться, что мы не погибнем в пути.

Небольшой школьный атлас, который мы раздобыли в гостинице, с зелеными лесами, коричневыми горами, красными кружками населенных пунктов, показывал, что лес тянется сплошным массивом от Тихого океана до подножия вздымающихся в заоблачную высь Анд. И тут меня осенило. Со стороны побережья проникнуть через лес в Киведо сейчас невозможно, а что если попытаться счастья с другой стороны — спуститься прямо в лесную чащу по скалистым склонам Андского хребта? Других возможностей мы не видели.

На аэродроме нашелся небольшой транспортный самолет, его пилот согласился захватить нас с собой в Кито — столицу этой удивительной страны, лежащую в горах на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря. В просветах между ящиками и мебелью мы увидели, как внизу промелькнули и зеленая листва, и серебристые реки. Затем самолет вошел в тучу, а когда мы вынырнули из нее, равнина под нами была закрыта безбрежным морем клубящихся облаков, а впереди из этого моря прямо к яркому синему небу тянулись иссушенные солнцем склоны и голые скалы.

Самолет набирал высоту, словно шел вверх по невидимой канатной дороге. И хотя до экватора было рукой подать, мы вскоре поравнялись с белыми сверкающими снежниками. Потом самолет нырнул между горами вниз, мы прошли над сочной весенней зеленью высокогорного плато и приземлились около самой необычной столицы в мире.

Большинство из ста пятидесяти тысяч жителей Кито — горные индейцы, чистокровные и метисы. Кито был столицей их предков задолго до того, как Колумб и с ним вся Европа узнали о существовании Америки. Приезжему бросаются в глаза старинные монастыри с их бесценными сокровищами искусства и другие великолепные здания, которые со времен испанцев возвышаются над глинобитными индейскими лачугами. Между домами — лабиринт узких улочек, забитых индейцами в красных пончо и больших самодельных шляпах. Одни идут на рынок, подгоняя навьюченных осликов, другие дремлют на солнце, сидя вдоль стен. Притормаживая и непрерывно гудя, пробираются среди ребятишек, босоногих индейцев и осликов редкие автомашины, в которых сидят аристократы испанского происхождения. Воздух здесь, на высоте, до того чист и прозра-

чен, что горы кажутся частью самого города, придавая всему налет сказочности.

Наш друг с транспортного самолета, летчик Хорхе, по прозвищу Бешеный пилот, принадлежал к одному из старинных испанских родов Кито. Он помог нам устроиться в уютной старомодной гостинице, после чего стал бегать — то с нами, то без нас, — разыскивая желающих отвезти нас через горы в лес, в Киведо. Вечером мы собрались в старом испанском кафе. Хорхе принес кучу плохих новостей — лучше выбросить из головы всякую мысль о Киведо. Ни машин, ни провожатых, которые взяли бы перебросить нас через горы, не говоря уже о том, чтобы спуститься в лес, где хлещет дождь, а застрянешь в грязи — берегись нападения. Еще и года не прошло, как был убит отравленными стрелами отряд американских инженеров-нефтяников, десять человек. Леса на востоке кишат индейцами, которые бродят нагишом, вооруженные ядовитыми стрелами.

— Есть даже охотники за головами, — зловеще добавил Хорхе, видя, что Герман как ни в чем не бывало уписывает бифштекс и наливает себе еще вина.

— Думаете, я преувеличиваю? — продолжал он все так же зловеще. — Сколько ни запрещай, до сих пор есть в стране люди, которые живут тем, что перепродают высушенные человеческие головы. За всеми не уследишь, вот и случается, что лесные индейцы отрезают головы своим врагам из других племен. Они дробят и удаляют черепную кость, а кожу наполняют раскаленным песком, она от этого сжимается и голова делается меньше кошачьей, но все черты лица остаются. Когда-то высушенные головы врагов были ценным трофеем, теперь это дорогой контрабандный товар. Посредники из метисов сбывают головы скупщикам на побережье, а те за бешеные деньги продают их туристам.

Хорхе важно поглядел на нас. Если бы он знал, что нас с Германом еще днем зазвали в подворотню и предложили нам две головы по тысяче сукре за штуку! В наши дни часто попадаются подделки, но это были настоящие головы чистокровных индейцев, каждая черточка сохранена. Голова мужчины и голова женщины, величиной с апельсин. Женщина казалась даже красивой, хотя неизменными остались только ресницы и длинные черные волосы. Мне стало жутко от одного воспоминания, но вслух я усомнился, чтобы нам могли встретиться охотники за головами к западу от гор.

— Кто знает, — мрачно возразил Хорхе, — что ты скажешь, если твой друг исчезнет и его голова поступит в про-

дажу в уменьшенном виде? Так случилось с одним моим другом, — добавил он, строго глядя на меня.

— Расскажи, — сказал Герман, уже без прежнего удовольствия жуя свой бифштекс.

Я бережно отложил в сторону вилку, и Хорхе начал свой рассказ. Одно время он жил с женой в лесном поселке, промывал золото и скупал добычу других старателей. У него появился друг из индейцев, который частенько приносил золото в обмен на разные товары. Потом друга убили в лесу. Хорхе разыскал убийцу и пригрозил застрелить его. А убийца был один из тех, кого подозревали в торговле высушенными головами, и Хорхе сказал, что сохранит ему жизнь, если тот немедленно отдаст голову убитого. И тут же получил ее — она была величиной с кулак. Хорхе, как увидел своего друга, даже растрогался: он ничуть не изменился, только стал совсем маленьким. Хорхе отнес голову домой жене. Она упала в обморок, и пришлось друга спрятать в чемодан. Но в лесу такая сырость, что голова стала плесневеть, и Хорхе вынужден был доставать ее и сушить на солнце. Подвесит ее за волосы на бельевой веревке, а жена увидит — и в обморок. Но как-то раз в чемодан пробралась мышь и изуродовала друга. Хорхе страшно расстроился и решил со всеми почестями похоронить голову друга в ямке на аэродроме. Как-никак человек, заключил Хорхе.

— Спасибо, я наелся, — произнес я.

Когда мы шли домой сквозь ночной сумрак, мне вдруг стало не по себе: шляпа Германа опустилась ему на самые уши... Да нет, просто он натянул ее поглубже, защищая голову от холодного горного ветра.

На следующий день мы сидели с нашим генеральным консулом Брюном и его женой под эвкалиптами в саду большой асиенды, которую они снимали за городом. Брюн считал, что вряд ли наши шляпы вдруг станут нам велики во время поездки в Киведо, но... Как раз в тех местах орудуют разбойники. Он показал газетные вырезки, в них сообщалось, что, как только кончатся дожди, в район Киведо будут посланы солдаты, чтобы ликвидировать обосновавшихся там «бандидос». Так что ехать туда сейчас — чистейшее безумие, и мы не найдем ни шофера, ни машины. В разгар беседы мы заметили, как мимо промчался джип американского военного атташе. А что, если попробовать? Вместе с генеральным консулом мы отправились в американское посольство и попали к самому атташе. Это был стройный, подтянутый молодой человек в мундире защитного цвета и кавалерийских сапогах. Он с улыбкой

спросил нас, как это мы очутились в Андах, когда местные газеты утверждают, что мы задумали идти на плоту через океан.

Мы объяснили ему, что бревна еще стоят в Киведском лесу. А мы сидим на крыше континента и не можем до них добраться. И у нас к нему просьба одолжить нам либо а) самолет с двумя парашютами, либо б) джип с шофером, хорошо знающим местность.

Наша дерзость настолько ошеломила атташе, что в первый миг он онемел. Потом безнадежно покачал головой, улыбнулся и сказал: ол райт, поскольку третьего выхода нет, он предпочитает второй!

Утром, в четверть шестого, еще до рассвета к подъезду гостиницы подкатил джип, из которого выскочил эквадорец в чине инженер-капитана и доложил, что прибыл в наше распоряжение. Грязь не грязь, ему приказано доставить нас в Киведо. Джип был набит канистрами с бензином, ведь на нашем пути не то что бензоколонки, вообще следов автомобиля не увидишь. Памятуя сообщения о «бандидос», наш новый друг, капитан Агурто Алексис Альварес, вооружился до зубов кинжалами и пистолетами. Мы-то прибыли в Эквадор как мирные путешественники, рассчитывая купить бревна в первом попавшемся приморском городе, и все наше дорожное имущество состояло из мешка с консервами, если не считать приобретенного в последнюю минуту старого фотоаппарата и прочнейших армейских брюк, по паре на брата. Да еще генеральный консул навязал нам свой огромный парабеллум с таким запасом амуниции, чтобы мы могли скосить всех врагов на нашем пути.

В призрачном свете луны джип пронесся по пустынным проулкам между белыми глинобитными стенами, выскочил за город и по хорошей песчаной дороге с головокружительной скоростью помчался на юг.

Дорога была хорошей вплоть до города Латакунга, где индейские домики с глухими стенами обступили белую церковь с пальмами у входа. Здесь мы повернули на запад по вьючной тропе, петляющей по горам и долам Андского хребта, и попали в мир, какого раньше даже не представляли себе, — мир горных индейцев, тридевятое царство, тридесятое государство, страна вне времени и пространства. На всем пути нам не попалось ни одной тележки, ни одного колеса. Босые пастухи в ярких пончо гнали стада грациозных, важных и пугливых лам; иногда встречалась направляющаяся куда-то семья. Глава семьи — впереди, верхом на муле, а щупленькая жена трусит следом и несет на голове кучу шляп, на спине — младшего последни-

ка, да еще ухитряется на ходу пряхть шерсть. За ней рысцой поспевают ослики и мулы, груженные хворостом, камышом, горшками.

Чем дальше, тем реже нам попадались индейцы, понимавшие по-испански, и скоро языковые познания Агурто оказались столь же бесполезными, как и наши. В горах тут и там кучками стояли хижины; сперва преобладали глинобитные, потом пошли сложенные из связок сухой травы. Казалось, и эти лачуги, и их загорелые, морщинистые обитатели выросли прямо из пропеченной солнцем земли. Они были так же неотделимы от скал и лугов, как здешняя грава. Горные индейцы не могли похвастаться ни большим богатством, ни высоким ростом, зато обладали силой и выносливостью лесного зверя и открытой детской душой сынов природы, и незнание языков с лихвой возмещалось улыбками. На кого ни посмотри — сияющее лицо, ослепительная улыбка. Вряд ли хоть один белый когда-либо разворачивал свой бизнес в этих краях. Ни одного рекламного щита, ни одного дорожного указателя, выбросишь на дорогу жестяную банку или клочок бумаги — их тут же подберут: пригодится в хозяйстве!

Вверх по голым, выжженным склонам, вниз в пустынные долины, где голько песок да кактус, потом опять круто вверх до перевального гребня, где кругом лежал снег и дул такой леденящий ветер, что пришлось сбавить ход, чтобы не окоченеть. Сидя в одних рубашках, мы мечтали поскорее попасть в тропический лес. То и дело мы ехали прямо по осыпи и по кочкам, разыскивая следующий отрезок дороги. На западном склоне Анд, где горы круто спадают вниз к равнине, дорога была всечена в выветренной породе: узкий карниз — и пропасть. Оставалось только положить на нашего друга Агурто, а он сонно навалился на руль и в самых опасных местах норовил проехать по краю. Вдруг в лицо нам дохнул мощный порыв ветра. Последний гребень, дальше — обрыв, за обрывом спуск до самого леса, перепад — 4 тысячи метров. Но нам не пришлось полюбоваться захватывающим видом на зеленое море листвы: едва мы перевалили через гребень, как нас окутали плотные облака, словно пар из адского котла клубился над равниной. Мы стремительно мчались вниз, под уклон, петляя по ущельям и отрогам, а воздух становился все более геплым и влажным, и все сильнее насыщался тяжелым, одуряющим оранжерейным запахом тропического леса.

И вот начался дождь. Сначала мелкий и редкий, потом по джипу словно застучали барабанные палочки, а кругом

по уступам побежали шоколадные ручьи. Мы не столько катили, сколько плыли под гору. Далеко позади остались сухие высокогорные плато, мы очутились в совсем другом мире, стволы, и камни, и глинистые косогоры здесь покрывал сочный зеленый ковер. Торчали большие листья, дальше это были уже огромные зеленые зонты, с которых струйками сбегала вода. А затем показались разведчики дебрей — деревья с влажной бахромой и длинными бородами мха, с мокрыми гирляндами лиан. Всюду булькало, всюду журчало. И как только склон стал более отлогим, целая армия зеленых великанов отступила малютку джип, ныряющий из лужи в лужу. Вот он, тропический лес! Здесь было душно, сыро, воздух пропитался запахом зелени.

Уже затемно мы увидели на бугре кучку хижин, крытых пальмовыми листьями. Мокрые насквозь, мы бросили джип, чтобы ночь провести под крышей. Конечно, на нас набросились всякие кусачие твари, но они мигом захлебнулись под дождем на следующий день. Нагрузив джип бананами и другими южными фруктами, мы углублялись в дебри. Спуск продолжался, хотя нам казалось, что мы уже давно достигли дна зеленой пучины. И грязь все гуще, но это нас не смущало, а разбойники не показывались.

Только когда дорогу преградил прорывающийся сквозь лес широкий мутный поток, джип спасовал. Нет пути ни налево, ни направо, прочно застряли. На расчистке по соседству стояла хижина, и несколько метисов растягивали леопардовую шкуру на стене, освещенной солнцем, а по бобам какао, разложенным на земле для сушки, бродили, греясь в солнечных лучах, куры и собаки. Когда на расчистку въехал наш джип, сразу началось оживление. Говорящие по-испански рассказали нам, что река называется Паленке, а Киведо лежит на другом берегу, совсем близко. Моста нет, а река быстрая и глубокая, но они вызвались переправить нас на плоту вместе с джипом.

Мы спустились на берег и увидели заветное творение. Суковатые бревна толщиной в руку или в ногу человека, связанные вместе лианами и бамбуковыми прутьями, составляли неказистый плот вдвое шире и длиннее нашего джипа. Подсунув под каждое колесо по доске и затаив дыхание, мы въехали на плот. И хотя большинство бревен ушло в мутную воду, они выдержали и нас, и джип, и еще вдобавок четырех полуголых смуглых перевозчиков, которые повели плот через реку, орудуя длинными шестами.

— Бальса? — в один голос спросили мы с Германом.

— Бальса, — кивнул один из парней и непочтительно пнул ногой бревно.

Течение быстро несло нас вниз, но парни знали свое дело, и мало-помалу плот пересек стремнину и вошел в заводь у противоположного берега. Так состоялась наша первая встреча с бальсовым деревом и наше первое путешествие на бальсовом плоту. Мы пришвартовались, джип сполз на сушу, и мы торжествуяще въехали в Киведо. Просмоленные деревянные домики в два ряда по бокам узкой улочки — вот и вся деревня. На крышах из пальмовых листьев неподвижно сидели грифы.

Все жители побросали свои дела, из окон и дверей буквально посыпались люди — черные и коричневые, молодые и старые. Гудящий голосами поток захлестнул наш джип. На джипе, под джином, вокруг джипа толпились киведцы. Мы судорожно вцепились в свое имущество, Агурто лихо радочно крутил руль, но тут лопнула шина, и джип упал на колени. Мы добрались до Киведо, оставалось только терпеть, пока схлынет волна приветствий.

Участок дона Федерико находился несколько ниже по реке. Когда мы — Агурто, Герман и я — по тропинке между манговыми деревьями въехали во двор его усадьбы, на встречу нам выбежал старый костлявый лесовод и его племянник Анхело, который поселился здесь в глуши вместе с дядей. Мы передали привет от дона Густаво, и вот уже джип стоит на дворе один под ливнем, а в бунгало дона Федерико идет пир горой. Над очагом поджаривались порсята и цыплята, и мы, окружив блюдо с горой фруктов, изложили, зачем приехали. Сквозь сетки на открытых окнах проникали теснимые тропическим ливнем волны теплого воздуха, напоенного благоуханием цветов и запахом глины.

Дон Федерико заметно оживился, даже словно помолодел. Бальсовые плоты — да он знает их с тех пор, как под стол пешком ходил. Пятьдесят лет назад, когда он жил на побережье, индейцы из Перу еще приходили в Гуаякиль по морю на больших плотах, привозили рыбу на продажу. В бамбуковой хижине посредине плота лежало до двух тонн вяленой рыбы; ехали с женами, с детьми, да еще везли собак и кур. Их плоты были связаны из огромных бревен, сейчас из-за дождя такие стволы будет трудно найти. Грязь, вода, до бальсовой плантации даже верхом не доберешься. Но дон Федерико сделает все, что в его силах. Может быть, в лесу вокруг бунгало найдутся дикорастущие деревья, ведь нам не так много и нужно.

Под вечер дождь на время угомонился, и мы вышли погулять под манговыми деревьями около дома. С ветвей свисали всевозможные дикие орхидеи, собранные доном

Федерико и посаженные в скорлупы кокосовых орехов. В отличие от культурных орхидей эти редкостные растения чудесно пахли, и Герман наклонился над одним цветком, чтобы насладиться благоуханием. Вдруг из листвы над ним высунулось что-то длинное, тонкое, блестящее... Анхело молниеносно взмахнул плеткой, удар — и по земле покатилась извивающаяся змея. В ту же секунду он прижал ее к земле раздвоенным суком и разбил ей голову.

— Mortal! — сказал Анхело и показал нам в пасти змеи два изогнутых ядовитых клыка: смертельно.

После этого нам всюду начали чудиться затаившиеся ядовитые змеи, и мы вернулись в дом, неся на палке безжизненно болгающий трофей Анхело. Герман принялся снимать кожу с зеленого чудовища, а дон Федерико решил развлечь нас страшными историями о ядовитых змеях и гигантских удавах. Вдруг мы увидели на стене огромные силуэты двух скорпионов величиной с хорошего омара. Они сошлись в поединке и отчаянно размахивали клешнями, изогнув крючком хвост с ядовитым шипом и выжидая удобный миг, чтобы нанести смертельный удар. Зрелище было жуткое, и только подвинув керосиновую лампу, мы поняли, что это тени двух самых обыкновенных скорпионов с палец длиной, которые вели смертный бой на краю комода.

— Пускай их, — рассмеялся дон Федерико. — Один прикончит другого, а уцелевший пусть живет, все меньше тараканов будет в доме. Не забывайте только на ночь как следует задергивать москитную сетку на кровати, да по утрам встряхивайте одежду, перед тем как одеваться, и все будет в порядке. Меня сколько раз скорпионы кусали, а я еще жив, как видите.

Я спал хорошо, просыпаясь только, когда какая-нибудь ящерица или летучая мышь слишком уж шумно возилась в изголовье и мне чудились всякие страсти.

Утром мы встали пораньше, чтобы идти за бальсой.

— Встряхнем, что ли, — сказал Агурто, и в следующую минуту из рукава его рубахи на пол шлепнулся скорпион, который поспешил тут же юркнуть в щель.

Как только взошло солнце, дон Федерико разослал своих людей на конях искать подходящие деревья вдоль троп. Сам он повел на разведку нас с Германом, и вскоре мы вышли на известную ему одному прогалину, над которой возвышался старый великан толщиной около метра. Согласно полинезийскому обычаю, мы, прежде чем рубить дерево, окрестили его. Ему было присвоено имя Ку, в честь полинезийского божества американского происхождения.

После этого я взмахнул топором и изо всей силы ударил им по стволу, так что по лесу раскатилось эхо. Но рубить сырое бальсовое дерево все равно что стучать тупым колуном по пробке: топор отскакивал, и Герману очень скоро пришлось сменить меня. Топор переходил из рук в руки, летели щепки, струился пот...

Когда утро перешло в день, Ку напоминал петуха, стоящего на одной ноге, и вздрагивал при каждом ударе. Затем он покачнулся и с тяжелым грохотом рухнул на землю, обламывая мощные сучья и тонкие деревца. Очистив ствол от ветвей, мы принялись снимать кору на индейский лад, зигзагами. Вдруг Герман уронил топор и, схватившись рукой за ногу, высоко подпрыгнул, словно исполнял воинственный полинезийский танец. А из штанины вывалился блестящий муравей величиной со скорпиона и с длинным жалом в конце брюшка. Мы с трудом раздавили его каблуками, такой плотный панцырь покрывал все тело муравья.

— Конго, — сочувственно объяснил дон Федерико. — Эта тварь похуже скорпиона, но смертельной опасности для сильного, здорового человека не представляет.

Несколько дней Герман не мог согнуть распухшую ногу, но это не мешало ему вместе с нами скакать верхом по лесным тропам и разыскивать могучие деревья. Время от времени в дебрях раздавался гул и треск и глухой удар. Дон Федерико удовлетворенно кивал: метисы повалили очередного великана. За неделю к Ку присоединились Кане, Кама, Ило, Маури, Ра, Ранги, Папа, Таранга, Кура, Кукара и Хити — в общей сложности двенадцать мощных стволов, названных в честь героев полинезийских преданий, чьи имена Тики принес на острова из Перу. Потом лошади поволокли блестящие от проступившего сока бревна через лес. На последнем участке трактор дона Федерико сменил лошадей и подтащил стволы к самой реке возле бунгало.

Сырые бревна отнюдь не были легкими, как пробка, каждое весило не меньше тонны, и мы волновались: как они будут держаться на воде. Одно за другим бревна выкатывали на край берегового откоса, где конец ствола захватывали толстой веревкой из лианы, чтобы его не унесло течением. Затем мы сталкивали бревна вниз, и они шлепались в реку так, что только брызги летели. Покружатся немного и лягут ровно, высываясь из воды на половину диаметра. И можно спокойно ходить по ним — не шелохнутся. Из крепких лиан, которые свисали с деревьев, мы сделали канаты и связали бревна в два временных плота так, чтобы один буксировал другой. Погрузили на плоты

запас бамбука и лиан впрок и разместились сами: мы с Германом и двое метисов непонятного происхождения, объяснявшихся на неведомом языке.

Обрублены чалки, нас подхватило течением и понесло вниз по реке. Последнее, что мы видели сквозь завесу дождя, огибая первый мысок, были наши славные друзья, они стояли на самом берегу пониже бунгало и махали нам вслед. Мы забрались под навес из банановых листьев, а навигацией занимались два смуглых эксперта: один — на носу, другой — на корме, каждый со своим огромным веслом. Они легко вели плот по самой стремнине, которая извивалась между затонувшими деревьями и песчаными отмелями.

Лес выстроился вдоль обоих берегов непроницаемой стеной. Из густой листвы вылетали попугаи и другие ярко расцвеченные птицы. Раза два с берега в мутную воду нырнули аллигаторы. А вскоре мы увидели еще более примечательное чудовище. На мокрой глине распласталась игуана — огромная ящерица величиной с крокодила, но с большим горловым мешком и высоким гребнем вдоль спины и хвоста. Она лежала совсем неподвижно, словно уснула в доисторические времена, да так с тех пор и не просыпалась. Наши рулевые сделали знак, чтобы мы не стреляли. Вслед за тем мы увидели на висящем над рекой суку еще одну ящерицу, с метр длиной. Она отбежала на безопасное расстояние и легла, провожая нас холодными змеиными глазами, лоснящаяся, синие-зеленая. Еще немного погода мы прошли мимо поросшего папоротником бугра, на макушке которого отдыхала особенно крупная игуана. На фоне неба четко вырисовывалась неподвижная приподнятая голова — ни дать, ни взять высеченный в камне китайский дракон. Мы обогнули бугор, а игуана, что называется, даже бровью не повела.

Ниже по реке мы почуяли запах дыма и на вырубках вдоль берега увидели крытые соломой хижины. Нас пристально разглядывали какие-то типы, загадочная помесь индейцев, негров и испанцев. На берегу лежали их лодки-долбленки.

Когда наступало время перекусить, мы сменяли своих друзей у руля, чтобы они могли испечь рыбу и хлебные плоды над небольшим очагом, который мы обложили мокрой глиной. Жареные цыплята, яйца, фрукты тоже входили в наше меню. Река обеспечивала бесплатный транспорт нам и нашим бревнам. Что из того, что кругом слякоть и грязь! Чем больше дождя, чем сильнее наводнение, тем быстрее течение.

Когда стемнело, на берегах начался оглушительный концерт. Лягушки и жабы, цикады, сверчки и москиты квакали, пищали, стрекотали неумолкающим многоголосым хором. Время от времени мрак прорезал вой дикой кошки, а вот это крик птиц, вспугнутых ночным разбойником. Иногда мелькало пламя очага в хижине туземца, и нам вдогонку летели голоса и собачий лай. И опять мы сидим под звездами наедине с лесным оркестром. В конце концов усталость и дождь загоняли нас в нашу каюту, и мы засыпали, держа пистолеты наготове.

Чем дальше, тем чаще попадались хижины и плантации. Потом пошли целые деревни. Местные жители ходили на долбленках, отталкиваясь длинными шестами; кое-где нам встречались небольшие бальсовые плоты, груженные зелеными бананами.

Река Гуаяс многоводнее Паленке, и от лежащего в их слиянии Винчеса до самого Гуаякиля ходил колесный пароход. Чтобы сберечь драгоценное время, мы с Германом заняли каждый свою подвесную койку на пароходе и двинулись к морю через густонаселенный равнинный край. Наши смуглые друзья пригонят бревна сами.

В Гуаякиле мы с Германом временно простились. Он остался ждать бревна в устье Гуаяс. Отсюда он перебросит их на пароходе вдоль побережья в Перу и возглавит постройку плота, который будет копией древних индейских плотов. А я вылетел рейсовым самолетом на юг, в Лиму, столицу Перу, чтобы подыскать место для нашей верфи.

Самолет взмыл в небо над берегом Тихого океана. Слева — пустынные горы Перу, внизу и справа — переливающийся бликами могучий океан. Здесь мы пойдем на плоту... Сверху океан казался бесконечным. Небо и вода сливались вместе далеко на западе, где чуть заметной линией был намечен горизонт. А ведь там, за этой равниной, еще сотни таких равнин, одну пятую земной окружности надо пройти, прежде чем снова появится суша — острова Полинезии. Я попробовал мысленно перенестись на несколько недель вперед, когда среди этой безбрежной синевы внизу появится наша скорлупка... Нет, лучше думать о другом, а то уж очень неприятно щекочет под ложечкой, совсем как перед прыжком с парашютом.

Выйдя с аэродрома в Лиме, я сел в трамвай и поехал в порт Кальяо. Здесь я быстро убедился, что все забито судами, кранами и пакгаузами, не говоря уже о таможне, управлении порта и прочих зданиях. А если где-нибудь с краю и остался незанятый клочок суши, там кишели любопытные купальщики, которые в два счета растащили бы

наш плот вместе со всем снаряжением. Нынешний Кальяо — главный порт страны с семимиллионным населением. Словом, в Перу обстановка для плотостроителей осложнилась еще больше, чем в Эквадоре. Я видел только один выход: проникнуть за высоченные бетонные стены военной верфи, за эти железные ворота с вооруженной охраной, которая грозно и подозрительно смотрела на меня и прочих посторонних, слоняющихся в порту. Попасты бы туда, в эту надежную гавань...

В Вашингтоне я познакомился с перуанским военно-морским атташе, и у меня было от него письмо. С этим письмом я на следующий день пришел в военно-морское министерство и попросил аудиенции у министра Мануэля Нисто. Меня провели в роскошный, сверкающий зеркалами и позолотой зал. Вскоре туда явился и сам министр, коренастый, подтянутый офицер с осанкой Наполеона. Министр говорил четко и без околичностей. Что мне угодно? Я попросил разрешения построить плот на военной верфи.

— Молодой человек, — сказал министр, барабанив пальцами по столу, — вместо двери вы вошли в окно. Я охотно помогу вам, но мне нужно распоряжение министра иностранных дел. Я не могу так запросто пускать иностранцев на военный объект, да еще чтобы вы работали на верфи. Пишите в министерство иностранных дел и желаю удачи!

Я с содроганием представил себе теряющийся вдали поток входящих и исходящих. Как не позавидовать простым и суровым нравам эпохи Кон-Тики, когда не существовало бумажных барьеров.

Попасты к министру иностранных дел — это будет сложнее. У Норвегии не было своей миссии в Перу, и наш предупредительный генеральный консул Бар мог свести меня только с советником министерства. Я боялся, что этого окажется недостаточно. Может быть, меня выручит письмо доктора Козна президенту республики? Через канцелярию президента я попросил об аудиенции у его превосходительства дон Хосе Бустамента и Риверо. Прошло несколько дней, и мне передали, чтобы я к двенадцати часам явился во дворец президента Перу.

В Лиме больше полумиллиона жителей, это вполне современный город, раскинувшийся на зеленой равнине у подножия пустынных гор. Архитектура города, а особенно сады и парки, делают его одной из красивейших столиц мира, словно кусочек Ривьеры или Калифорнии с вкраплениями старинных испанских зданий. Дворец президента находится в центре города, его охраняет вооруженный ка-

раул в живописной форме. В Перу аудиенция — дело серьезное, и большинство видели президента только в кино. Солдаты в блестящих португезах провели меня вверх по лестнице и длинному коридору к столу, где трое дежурных в штатском зарегистрировали меня и впустили через громадную дубовую дверь в зал с длинным столом и множеством стульев. Здесь меня встретил человек, одетый во все белое, он предложил мне сесть и исчез. Тут же открылась большая дверь, и меня ввели в еще более великолепный зал. Навстречу мне шел какой-то важный деятель в роскошном мундире.

«Президент!» — решил я и вытянулся в струнку. Нет, я ошибся. Человек в раззолоченном мундире указал на старинный стул с прямой спинкой и скрылся. Я сел на самый кончик стула, но не прошло и минуты, как открылась следующая дверь, и слуга с поклоном пригласил меня в изысканный зал с позолотой на стенах и на мебели. Слуга тотчас улетучился, оставив меня в полном одиночестве. Я сидел на старинном диване и видел перед собой целую анфиладу пустых залов. В полной тишине откуда-то издалека донеслось осторожное покашливание. Затем послышались чеканные шаги, я вскочил и неуверенно приветствовал еще одного важного господина в военном. Но и это был не президент. Из того, что он сказал, я понял, что президент просил меня приветствовать, сейчас кончится заседание кабинета министров, и он освободится.

Десять минут спустя тишину опять нарушили чеканные шаги, и вошел человек с эполетами и золотыми шнурами. Я живо встал и отвесил глубокий поклон. Человек с эполетами поклонился еще ниже и повел меня через множество залов и вверх по лестнице с толстой ковровой дорожкой. В крохотной комнатке, где едва-едва уместился кожаный стул современного вида и диван, он оставил меня одного. Вошел коротенький человек в белом костюме, и я с тоской подумал: куда меня поведут теперь? Но он никуда меня не повел, а только приветливо поздоровался. Это был президент Бустаменте и Риверо.

Президент знал вдвое больше английских слов, чем я испанских, так что, когда мы поприветствовали друг друга и он жестом предложил мне сесть, наш общий словарный запас оказался исчерпанным. С помощью жестов и знаков можно многое выразить, но нельзя попросить разрешения работать на военной верфи Перу. Мне было ясно одно: президент меня не понимает. Да он и сам это чувствовал, потому что вскоре исчез и вернулся с министром авиации, генералом Армандо Ревередо. Министр был крепкий, спор-

тивного вида мужчина в форме ВВС, с «крылышками» на груди. Он превосходно говорил по-английски с американским акцентом.

Я поспешил извиниться и уточнил, что мне нужен порт, а не аэропорт. Генерал, смеясь, объяснил, что его просили только быть переводчиком. Он терпеливо перевел мою теорию президенту, который слушал очень внимательно, время от времени задавая через Ревередо тонкие вопросы. Наконец он сказал:

— Если вопрос стоит так, что тихоокеанские острова были первоначально открыты выходцами из Перу, наша страна тоже заинтересована в вашей экспедиции. Говорите, чем мы можем вам помочь.

Я попросил, чтобы нам отвели место для постройки плота на территории военной верфи, открыли доступ в военные мастерские, выделили складское помещение, не облагали пошлиной наше снаряжение, разрешили нам пользоваться сухим доком и помощью личного состава верфи и чтобы какое-нибудь судно отбуксировало готовый плот в открытое море.

— О чем он просит? — нетерпеливо спросил президент; я понял его даже без перевода.

— Пустяки, — коротко ответил Ревередо, и президент кивнул: согласен.

В заключение Ревередо обещал мне, что министр иностранных дел сегодня же получит личное предписание президента и военно-морской министр Нието сделает все, о чем мы просим.

— Боже храни вас всех, — смеясь, сказал генерал, потом покачал головой.

Вошел адъютант и сопроводил меня до поджидавшего охранника.

В этот день газеты Лимы писали о том, что из Перу выйдет на плоту норвежская экспедиция. Одновременно сообщалось, что закончила работу шведско-финская научная экспедиция, которая изучала жизнь лесных индейцев в бассейне Амазонки. Два члена этой экспедиции поднялись на лодке вверх по реке до Перу и только что прибыли в Лиму. Один из них, Бенгт Даниельссон из Упсальского университета, собирался теперь заняться горными индейцами Перу.

Я вырезал эту заметку и сел писать Герману письмо о том, что есть участок; вдруг кто-то постучал. Вошел высокий загорелый мужчина в тропическом костюме. Рыжая борода словно язык пламени, и когда он снял белый шлем, то можно было подумать, что это пламя опалило у него

почти все волосы на голове. Хотя гость пришел ко мне прямо из дебрей, сразу было видно, что его настоящее место — в читальном зале.

«Бенгт Даниельссон», — подумал я.

— Бенгт Даниельссон, — представился он.

«Видно, он слышал про нашу экспедицию», — решил я и предложил ему сесть.

— Я только что услышал, что вы задумали экспедицию на плоту, — сказал швед.

«И он, как этнолог, пришел, чтобы разгромить мою теорию», — догадался я.

— И я пришел, чтобы спросить, не возьмете ли вы меня с собой на плот, — мирно произнес он. — Меня интересует теория переселения.

Я знал о нем только, что он ученый и что он явился в Лиму из дремучего леса. Но если швед решился в одиночку идти на плоту с пятью норвежцами, значит, он не трус. К тому же даже густая борода не могла скрыть его покладистый и веселый нрав.

Шестое место было еще не занято, и Бенгт стал членом нашей команды. Кстати, он единственный из нас говорил по-испански.

Через два дня, сидя в самолете, летевшем вдоль побережья на север, я снова почтительно обозревал простершийся внизу безбрежный океан. Казалось, он парит в воздухе... Скоро наша шестерка — шесть микробов верхом на былинке — поплывет по этому скопищу воды, которая буквально переливается через край у горизонта. Мы будем жить в своем уединенном мирке, и некуда деться друг от друга. Впрочем, пока что нам никак не тесно. Герман в Эквадоре, ждет бревен. Кнют Хаугланд и Торстейн Робю только что прилетели в Нью-Йорк. Эрик Хессельберг — на теплоходе, идущем из Осло в Панаму. Я лечу в Вашингтон, а Бенгт сидит в гостинице в Лиме, ждет остальных.

Никто из них не видел друг друга раньше, и нрав у всех совершенно разный. Значит, пройдет не одна неделя, прежде чем мы надоедим друг другу своими рассказами. Никакой шторм, никакой циклон не опасен так, как личные недоразумения, когда шесть человек на несколько месяцев заточены вместе на тесном пространстве плота. Тут добрая шутка порой равноценна спасательному поясу.

В Вашингтоне по-прежнему дул морозный ветер, стояли февральские холода. Бьёрн договорился с американскими коротковолновиками, что они будут ловить сообщения с плота, и теперь Кнют и Торстейн полным ходом готовили

аппаратуру. Кроме обычных коротковолновых передатчиков нам удалось добыть специальные радиостанции того типа, на котором они работали в войну.

Чтобы выполнить все, что мы задумали, надо было основательно подготовиться, и наш архив рос не по дням, а по часам. Письма из военных и гражданских учреждений на белых, желтых и синих бланках на английском, испанском, французском и норвежском языках. В наш деловой век для похода на плоту надо истратить не меньше полпуда бумаги. Законы и постановления связывали нас по рукам и ногам, надо было распутывать один узел за другим.

— Бьюсь об заклад, что наша переписка потянет десять килограммов, — сказал однажды Кнют, тоскливо глядя на пишущую машинку.

— Двенадцать, — сухо ответил Торстейн. — Я уже взвесил ее.

Видно, моя мать хорошо представляла себе, как трудно давалась нам подготовка; недаром она писала: «...теперь бы только знать, что вы все шестеро собрались вместе на плоту и все в порядке!»

А тут пришла телеграмма-молния из Лимы: Герман, купаясь, попал в прибой, и его ударило волной о берег. Сильные ушибы, вывихнута шея... Его положили в городскую больницу.

Торстейн Робю немедленно вылетел на юг вместе с Герд Волд: она в войну была лондонским секретарем известной в Норвегии диверсионной группы Линге, а теперь помогала нам в Вашингтоне. Они узнали, что Герман уже вне опасности. Но когда врачи вправляли шейный позвонок, ему пришлось полчаса висеть на ремне, который ему надели на голову. Рентген показал, что верхний шейный позвонок треснул и повернулся задом наперед. Только железное здоровье Германа спасло его. Весь в синяках, с негнущимися суставами и ноющими костями, он при первой возможности вернулся на верфь и возглавил строительство плота. Врачи назначили ему длительное лечение; еще неизвестно, сможет ли он участвовать в плавании. Впрочем, сам он ни капли в этом не сомневался, хотя уже испытал на себе силу объятий Тихого океана.

Прилетел из Панамы Эрик, явились из Вашингтона мы с Кнютом, и вот мы все в сборе на старте в Лиме.

На военной верфи у причала лежали наши великаны из Киведо. Для меня это было все равно что встретиться со старыми друзьями. Огромные бревна, желтый бамбук, прутья, зеленые банановые листья, а кругом — грозные, стального цвета миноносцы и подводные лодки. Шестеро

светлокожих северян и двадцать смуглых военных моряков, в жилах которых текла инкская кровь, орудовали топорами и длинными ножами, тянули канаты и вязали узлы. Щеголеватые морские офицеры в синих с золотом мундирах подходили и с недоумением смотрели на этих бледных чужеземцев и странный строительный материал, вдруг очутившийся на военной верфи.

Впервые за много веков в бухте Кальо строился бальсовый плот. Там, где, согласно преданию, люди Кон-Тики научили приморских индейцев водить такие плоты, представители нашей расы, согласно историческим источникам, запретили индейцам ходить на плоты. Дескать, опасно для жизни плавать на грубом, непрочном плоту. И потомки инков, верные духу времени, ходят в выутюженных брюках и матросках. Бамбук и бальса ушли в область преданий, их сменили броня и сталь.

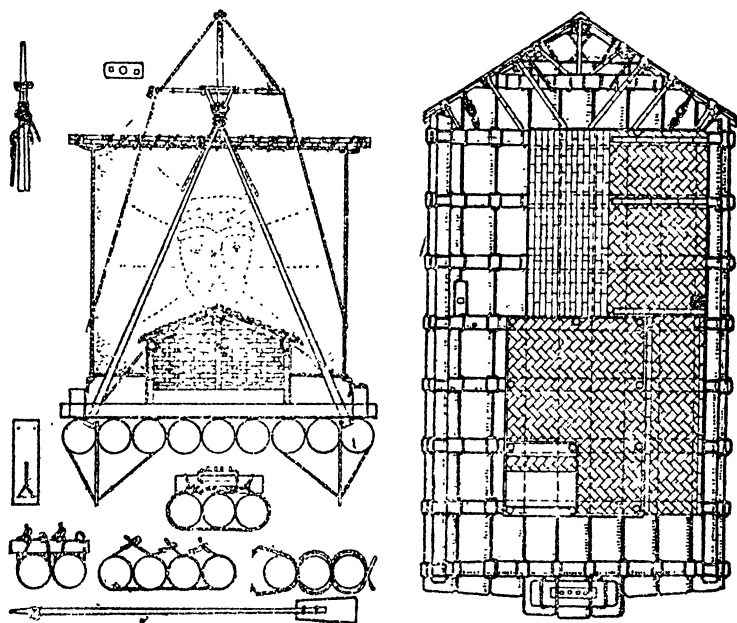

Схема конструкции и вязки плота «Кон-Тики»

Оборудованная по последнему слову техники военная верфь здорово выручила нас. Бенгт был переводчиком, Герман — прорабом. Работа спорилась. Нам помогали столяр-

ная и парусная мастерские, под наши материалы отвели половину пакгауза. Небольшой причал на понтонах, с которого мы спустили на воду бревно, был нашим главным рабочим местом.

Для основы плота выбрали девять бревен потолще, в них сделали глубокие зарубки для канатов, чтобы связать все вместе. Гвозди и проволока исключались. Отобранные бревна спустили на воду рядом друг с другом: улягутся, как равновесие требует, тогда уж можно вязать плот. Самое длинное, четырнадцатиметровое, бревно лежало посередине, выдаваясь и спереди, и сзади. По бокам следовали по росту все более короткие бревна, так что длина стороны равнялась 10 метрам, а нос выдавался вперед тупым углом. Сзади плот был срезан почти по прямой, только три средних бревна выступали, служили опорой для уложенной поперек широкой бальсовой колоды с уключинами для длинного рулевого весла. Скрепив основу концами пенькового каната толщиной в $\frac{5}{4}$ дюйма, мы сверху положили поперек девять бревен потоньше, с просветом примерно в один метр. Итак, самый плот был готов; на соединения пошло около трехсот концов каната, узлы были прочнейшие. Дальше мы настелили палубу из бамбуковых реек, связанных в секции, и накрыли их матами, которые сплели из прутьев бамбука. Посреди плота, чуть ближе к корме, выстроили небольшую хижину. К стоякам из толстого бамбука привязали плетеные бамбуковые стены, а крышу из бамбуковых реек застелили внакрой плотными банановыми листьями. Перед хижинной — двойная мачта из твердого, как железо, мангрового дерева; нижние концы ее упирались в палубу, а скрещенные верхушки были крепко связаны вместе. Сложили два ствола бамбука — получилась прочная рея, на которой укрепили большой прямой парус.

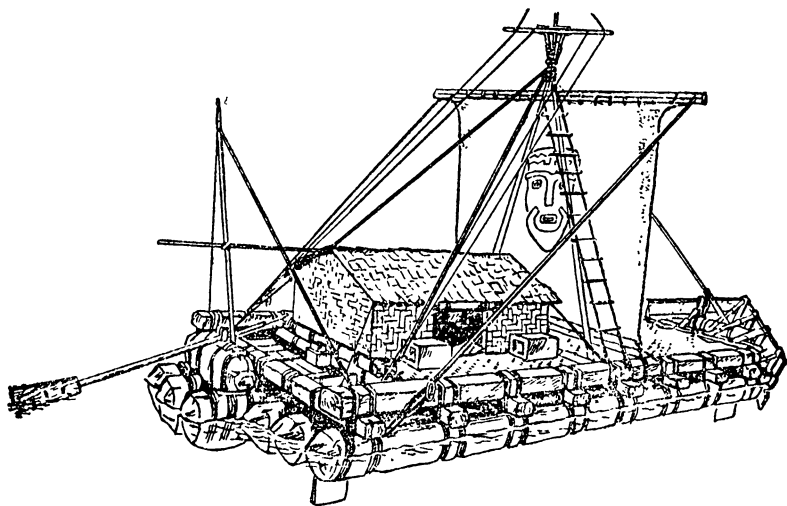
Впереди бревна основы срезали наискось, чтобы они лучше резали воду, а поверху вдоль носа укрепили бортик.

В широкие щели между бревнами мы просушили вертикально вниз на 1,5 метра пять дюймовых сосновых досок шириной в два фута, закрепив их клиньями и канатами. Доски были размещены беспорядочно и играли роль маленьких параллельных килей или швергов. Задолго до прихода европейцев инки оснащали свои плоты такими швертами против бокового сноса под напором ветра и волн. Мы не стали делать ни поручней, ни ограждений, лишь уложили вдоль бортов по бальсовому бревну.

Наш плот был точной копией древних перуанских и эквадорских плотов, мы добавили голько бортик на носу, и тот оказался совершенно излишним. Что до частности, то

тут можно было руководствоваться своим вкусом, лишь бы это не влияло на мореходные качества плота. А частности могли в конечном счете приобрести очень важное значение, ведь плот долго будет, так сказать, всем нашим миром. И мы постарались возможно более разнообразно обставить нашу крохотную палубу.

Бамбуковый настил закрывал бревна не целиком, а только впереди хижины и вдоль ее правой, открытой стороны. За стеной слева было что-то вроде заднего двора, заставленного ящиками и всякой всячиной, так что можно было пройти лишь по самому краю. На носу и на корме пола не было. Идешь вокруг хижины с желтых бамбуковых матов на круглые серые бревна, потом шагаешь мимо штабеля ящиков. Вместе не так уж много шагов, но все-таки какое-то разнообразие, чтобы теснота не слишком угнетала душу. На самой верхушке мачты мы укрепили доску, не

Общий вид «Кон-Тики»

столько для того, чтобы с нее высматривать сушу, когда пересечем океан, сколько для того, чтобы можно было в пути вскарабкаться туда и поглядеть на море сверху.

Желтея бамбуком и зеленея банановыми листьями,

среди военных судов вырос плот. И когда он был почти готов, к нам явился с инспекцией сам министр военно-морского флота. Мы очень гордились своим суденышком — этим маленьким посланцем эпохи инков. Но министра это зрелище потрясло до глубины души. Меня вызвали в канцелярию министерства и предложили подписать документ, в котором военно-морское ведомство снимало с себя всякую ответственность за то, что было сооружено нами на его верфи. Затем последовал вызов к капитану порта Кальяо, там я расписался в том, что если выйду из порта с людьми и грузом, то буду всецело отвечать за последствия.

Затем иностранным военно-морским экспертам и дипломатам разрешили посетить верфь, чтобы осмотреть плот. Они тоже не пришли в восторг, и через два дня я был приглашен к посланнику одной из великих держав.

— Ваши родители живы? — спросил он. Получив утвердительный ответ, он взглянул на меня в упор и глухо, зловеще произнес: — Ваш отец и ваша мать очень тяжело воспримут весть о вашей гибели.

Как частное лицо он посоветовал мне, пока не поздно, отказаться от моей затеи. Один адмирал, смотревший плот, сказал ему, что мы обречены на гибель. Во-первых, у плота неправильные размеры: он так мал, что первая же крутая волна опрокинет его, и вместе с тем настолько велик, что его может поднять сразу на двух гребнях, а тогда хрупкие бревна не выдержат груза и переломятся. Но больше всего посланник был озабочен словами виднейшего в стране экспортера бальсы, который заверил его, что пористые бревна не пройдут и четверти пути: они пропитаются водой и затонут вместе с нами.

Да, страшная перспектива, но я стоял на своем. Тогда посланник подарил мне на дорогу Библию.

Водбще от знатоков, посетивших наш плот, мы не услышали ничего утешительного. Первый же шторм или ураган смоег нас и разобьет вдребезги наше открытое низенькое суденышко, которое окажется игрушкой ветра и волн. Даже самая маленькая волна промочит нас насквозь, морская вода разъест нам ноги и испортит наше снаряжение. Если собрать все, что знатоки считали роковым недостатком нашего плота, не оставалось той детали, которая не угрожала бы сгубить нас в океане. Все бились об заклад, сколько дней протянет наш плот, а один опрометчивый военно-морской атташе обязался на всю жизнь обеспечить нашу команду виски, если мы доберемся до любого из островов Полинезии.

Главное огорчение ожидало нас, когда в гавань пришло норвежское судно и нам разрешили провести на верфь капитана и еще нескольких видавших виды морских волков. Нас очень волновало, что скажут практики. И как же мы разочаровались: они дружно заявили, что плот слишком тяжелый и неуклюжий, от паруса не будет никакого толка. Капитан сказал, что, если плот не пойдет ко дну, понадобится не меньше года, а то и двух, чтобы пересечь океан с течением Гумбольдта. Боцман осмотрел узлы и покачал головой: нам нечего бояться затяжного путешествия, плот и двух недель не протянет, могучие бревна, колыхаясь вверх-вниз, перетрут все канаты. Если мы не перейдем на стальной трос и цепи, лучше сразу отказаться от экспедиции.

Словом, мрачных пророчеств хватало. Достаточно оправдаться одному из них, и нам конец. Кажется, в те дни я не раз спрашивал сам себя: понимаем ли мы, на что идем. Не обладая морским опытом, я не мог опровергнуть все эти предупреждения. Но у меня был в запасе важный козырь, на котором было основано все наше предприятие. Я был твердо убежден, что древняя культура распространилась из Перу на острова Тихого океана, когда единственным судном на этом побережье был плот. Отсюда я делал вывод: если у Кон-Тики в VI веке бальсовые бревна не тонули и узлы не рвались, то и нам нечего бояться, только надо точно повторить древний образец. Ребята хорошо изучили теорию, и вся наша компания преспокойно веселилась в Лиме, предоставив знатокам переживать и волноваться. Только один раз Торстейн озабоченно спросил, уверен ли я, что океанские течения идут туда, куда нам надо. Это было после того, как мы в кино увидели Дороти Лямур на чудесном тропическом острове, где она танцевала в соломенной юбочке среди пальм и местных девушек.

— Вот куда нам надо попасть! — сказал Торстейн. — Берегись, если течения тебя подведут!

Когда осталось совсем немного до отъезда, мы пошли в паспортный отдел министерства иностранных дел. Первым подошел наш переводчик Бенгт.

— Ваше имя? — спросил кроткий тщедушный чиновник, подозрительно поглядывая поверх очков на бороду Бенгта.

— Бенгт Эммерик Даниельссон, — последовал почти-тельный ответ.

Служащий вставил в машинку длинную анкету:

— С каким судном вы прибыли в Перу?

— Видите ли, — стал объяснять Бенгт, наклонясь над

испуганным человечком, — я прибыл не с судном, я приехал в Перу на пироге.

Онемев от изумления, служащий воззрился на Бенгта и написал в анкете: «пирога».

— С каким теплоходом вы покидаете Перу?

— Простите, — продолжал Бенгт всжливю, — я уезжаю не на теплоходе... я поплыву на плоту.

— Ну знаете! — выкрикнул чиновник сердито, выдергивая бланк из машинки. — Будьте любезны отвечать на мои вопросы серьезно!..

За два дня до старта мы погрузили на плот провiant, воду и все наше снаряжение. Мы запасли продовольствия на четыре месяца — армейские пайки в небольших картонных коробках. Герман придумал облить каждую коробку тонким слоем расплавленного асфальта. Чтобы они не склеились, мы обсыпали их песком, после чего плотно уложили под бамбуковой палубой между девятью поперечинами.

Пятьдесят шесть канистр общей вместимостью 1 100 литров мы наполнили кристально чистой водой из высокогорного источника и также привязали между бревнами, где бы их постоянно омывала морская вода. Сверху на палубе укрепили снаряжение и большие плетеные корзины, доверху наполненные фруктами и кокосовыми орехами.

Внутри бамбуковой хижины один угол был отведен Кнюту и Торстейну для радиостанции. Между поперечинами мы поставили восемь деревянных ящиков. Два из них мы заняли научными приборами и киносъёмочной аппаратурой, а остальные шесть распределили по одному на члена команды, предупредив, что вместимостью ящика определяется, сколько личного имущества может взять с собой каждый. Уложив несколько рулонов рисовальной бумаги и гитару, Эрик был вынужден сунуть свои носки к Торстейну. Ящик Бенгта принесли четыре военных моряка. Его походное имущество составляли одни книги, зато он ухитрился уложить 73 тома социологических и этнологических исследований. На ящики мы настелили плетеные маты и соломенные матрацы по числу участников; можно было отправляться в путь.

Сначала плот отбуксировали с верфи на простор, чтобы проверить, ровно ли распределен груз. Затем нас доставили к пристани яхт-клуба Кальяо. Здесь накануне отплытия состоялось крещение плота с участием приглашенных лиц и прочих, кто пожелал прийти.

27 апреля на плоту был поднят норвежский флаг; вдоль короткой реи над парусом развевались флаги всех наций,

которые помогли нам организовать экспедицию. Набережная кишела людьми, многим захотелось посмотреть, как будут крестить столь необычное судно. Судя по чертам лица и цвету кожи, здесь было немало потомков тех, кто в давние времена ходил вдоль побережья на бальсовых плотах. Пришли и потомки первых испанцев во главе с представителями военно-морского ведомства и правительства, а также послы Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Китая, Аргентины, Кубы, экс-губернатор британских владений в Тихом океане, посланники Швеции, Бельгии и Голландии и наши друзья из норвежского землячества во главе с генеральным консулом Баром. Сновали журналисты, жужжали камерами кинооператоры, не хватало только духового оркестра. Одно было для нас ясно: если плот рассыплется, выйдя из бухты Калья, мы скорее погребем каждый на своем бревне в Полинезию, чем возвратимся сюда.

Герд Волд, секретарь экспедиции и ее уполномоченная на суше, должна была крестить плот молоком кокосового ореха — отчасти, чтобы не нарушать колорит каменного века, отчасти же потому, что шампанское, по странному недоразумению, очутилось на дне личного сундучка Торстейна. По-английски и по-испански мы сообщили нашим друзьям, что плот будет назван в честь могущественного предшественника инков, короля-солнца, который полтора тысячелетия тому назад ушел из Перу через океан на запад, чтобы появиться затем в Полинезии. Герд Волд нарекла плот именем «Кон-Тики» и с такой силой стукнула заранее надрезанным кокосовым орехом по переднему бревну, что сок ореха обрызгал всех, кто почтительно окружил наше суденышко.

После этого мы подняли бамбуковую рею и расправили парус, в середине которого наш живописец Эрик намалевал красной краской голову Кон-Тики. Это была точная копия головы бога Солнца, которая высечена на красном камне, стоящем среди развалин города Тиаяанако.

— А! Сеньор Даниельссон! — восхищенно воскликнул руководитель строителей, увидев на парусе бородатую физиономию.

Два месяца он величал Бенгта сеньором Кон-Тики, после того как мы показали ему рисунок головы древнего вождя. Теперь до него наконец дошло, что Бенгта зовут Даниельссон...

Перед отъездом команда получила прощальную аудиенцию у президента. Потом мы забрались высоко в горы, чтобы досыта наглядеться на скалы и утесы, прежде чем вы-

ходить в безбрежный океан. Пока шла работа, мы жили в пансионате в зеленом пригороде Лимы и каждый день ездили в порт Кальяо на машине военно-воздушного ведомства, которую Герд удалось взять напрокат вместе с персональным водителем. Вот мы и попросили шофера отвезти нас подальше в горы. По иссушенным солнцем склонам, мимо древних оросительных сооружений инков мы поднялись на 4 тысячи метров над верхушкой мачты «Кон-Тики». Здесь мы буквально пожирали глазами камни, утесы и зелень лугов, пытаясь пресытиться величественным зрелищем могучего отрога Анд. Мы внушали себе, что камень и суша нам осточертели, теперь нам не терпится поскорее узнать океан!

Через Тихий океан. I

Драматический старт. — На буксире в море. — Долгожданный ветер. — Поединок с волнами. — Обитатели течения Гумбольдта. — Самолет не находит нас. — Бревна впитывают воду. — Дерево и канаты — кто кого? — Летающие рыбные блюда. — Необычный сосед в постели. — Рыба-змея садится не в свои сани. — Глаз в океане. — Морские призраки. — Встреча с величайшей рыбой в мире. — Погоня за морской черепахой

28 апреля, в день, когда «Кон-Тики» должны были отбуксировать в море, в порту Кальяо царило оживление. Министр Нието распорядился, чтобы буксир военно-морского ведомства «Гуардиан Риос» вывел нас из бухты за пределы области прибрежного судоходства, туда, где некогда индейцы ловили рыбу с плотов. Газеты сообщили об этом большими красными и черными буквами, и с раннего утра к пристани устремился народ.

Конечно, в самую последнюю минуту у каждого из нас нашлись свои неотложные дела, и, когда я пришел на пристань, один только Герман нес вахту на плоту. Я нарочно остановил машину подальше от причала и прошелся пешком вдоль набережной — когда еще смогу вот так погулять! И вот я на палубе нашего плота. Что здесь творилось! Гроздья бананов, корзины с фруктами, мешки — все, что забросили на борт в последнюю минуту, чтобы потом, когда разберемся, расставить по местам и закрепить. Среди всей этой неразберихи в полном отчаянии сидел Герман, держа в руках клетку с зеленым попугаем — последний прощальный подарок какого-то доброжелателя из Лимы.

— Присмотри за попугаем, а я сбегаю в город, выпью

кружечку пива, — сказал Герман. — До прихода буксира еще несколько часов.

Только он исчез в толпе на пристани, как зрители приветственно замахали руками: из-за мыса показался идущий на всех парах «Гуардиан Риос». Он бросил якорь за лесом мачт, преграждавших путь к «Кон-Тики», и выслал мощный катер, чтобы тот провел нас между яхтами. Катер был битком набит матросами, офицерами и кинооператорами. Под звуки команды и стрекот съёмочных аппаратов к носу плота привязали прочный буксирный трос.

— Ун моменто, — завопил я, прижимая к себе клетку, — еще рано, и мы должны подождать остальных, там лос экспедиционерис!

Я указал в сторону города.

Но меня никто не понял. Офицеры вежливо улыбнулись и проследили за тем, чтобы трос был закреплен образцово. Я отцепил его и, усиленно жестикулируя, бросил за борт. Попугай воспользовался суматохой, просунул клюв наружу и открыл задвижку. Когда я обернулся, он уже бодро шагал по палубе. Я попытался схватить его, но тут он крикнул что-то нехорошее по-испански и взлетел над банановыми гроздьями. Не спуская глаз с матросов, которые опять взялись крепить трос, я ринулся за ним вдогонку. Попугай, крича, укрылся в хижине, где мне удалось загнать его в угол и схватить за ногу, когда он попытался прыгнуть через меня. Выскочив наружу и заточив отбивающегося попугая в клетку, я обнаружил, что матросы убрали все чалки плота и его теперь бросало взад и вперед на длинных валах, которые прорывались в гавань. Я схватил весло, чтобы предотвратить столкновение с приганью. Раздался глухой треск, но тут на катере заработал мотор, трос рывком натянулся, и «Кон-Тики» начал свое плавание. Моим единственным спутником был говорящий (только по-испански) попугай, который обиженно глядел на меня из своей клетки. Толпа кричала и махала нам вслед, а чернявые операторы на катере с риском для жизни старались запечатлеть на киноплёнку все подробности драматического старта экспедиции.

В полном отчаянии я стоял один на плоту, высматривая своих пропавших сподвижников. Они словно сквозь землю провалились. Тем временем мы уже подошли к «Гуардиан Риос», которому не терпелось сняться с якоря и двинуться в путь. Я взлетел вверх по веревочному трапу и поднял такой шум, что старт отложили и отправили к пристани шлюпку. Ее долго не было, наконец она вернулась, везя множество прелестных сеньорит и ни одного из членов

команды «Кон-Тики». Грациозные сеньориты наводнили плот, но мне от этого не стало легче, и шлюпка снова отправилась на поиски лос экспедиционариос норуэгос.

Пока все это происходило, Эрик и Бенгт явились на пристань, нагруженные свертками и книгами. Навстречу им валила расходящаяся по домам толпа, а затем они наткнулись на полицейское ограждение, где им вежливо объяснили, что больше смотреть не на что. Элегантно помахивая сигарой, Бенгт возразил, что они пришли не смотреть, они сами участники экспедиции.

— Поздно, — терпеливо сказал полицейский. — «Кон-Тики» ушел час назад.

— Но этого не может быть. — Эрик сунул ему под нос один из свертков. — Вот судовой фонарь!

— Да, да! — подержал его Бенгт. — Этот человек — штурман, а я стюард.

Они протиснулись к краю пристани, но плота в самом деле не было. Друзья растерянно забегали по набережной и встретили остальных участников, они тоже разыскивали пропавший плот. Тут показалась шлюпка, и наша шестерка наконец-то воссоединилась. Рассекая носом волны, «Кон-Тики» пошел на буксире в море.

Старт состоялся уже под вечер, и «Гуардиан Риос» должен был тащить нас до утра, когда мы выйдем из области каботажного судоходства.

Сразу за молом мы попали в легкую зыбь, и провожающие нас лодки одна за другой повернули назад. Лишь несколько больших увеселительных яхт последовали за нами до самого выхода из бухты, чтобы посмотреть, как поведет себя плот в море.

«Кон-Тики» тянулся за буксирным судном, словно сердитый бычок на привязи, и бодал волны так, что гребни захлестывали палубу. Не очень-то обнадеживающее начало, ведь здесь была тишь и гладь перед тем, что ожидало нас дальше.

Посреди бухты буксирный трос лопнул. Наш конец медленно пошел ко дну, а буксир как ни в чем не бывало продолжал идти своим курсом. Яхты поспешили на перехват «Гуардиан Риос», мы же бросились вылавливать трос. Вдоль плота качались в воде здоровенные, с таз, медузы, и все канаты обволокло жгучес скользкое желе. Волна задрала кверху нос плота. Перегнувшись через бортик, мы еле-еле дотянулись кончиками пальцев до троса. Но тут плот снова нырнул в очередную волну, и мы с головой окупались в воду, набрав полные пазухи огромных медуз. Мы плевались, чертыхались, вытаскивали из волос длинные

щупальца, зато, когда вернулся «Гуардиан Риос», трос был выловлен. Только мы приготовились подать его на буксир, как нас увлекло под ахтерштевень и чуть не прихлопнуло. Бросив все, мы схватили шесты и весла. Но что толку, когда плот скатывался в ложбину между волнами, мы не могли дотянуться до кормы «Гуардиан Риос», а когда нас поднимало на гребне, ахтерштевень судна, уходя в воду, грозил накрыть нас и раздавить о бревна плота. Матросы бегали, кричали, наконец пустили мотор, винт погнал воду назад, и мы в последнюю секунду выбрались из этой ловушки. Правда, нос плота от сильных ударов слегка покривился, но он сам же понемногу и выпрямился.

— Лиха беда начало, — бодро сказал Герман. — Только бы этот проклятый буксир не разорвал плот на части.

Нас буксировали малым ходом всю ночь, и обошлось без серьезных происшествий. Яхты давно распрощались с нами, скрылся за кормой последний маяк. В темноте лишь несколько раз промелькнули мимо судовые фонари. Мы разделили ночь на вахты, чтобы следить за тросом.

Когда рассвело, берег Перу был скрыт густым туманом, зато на западе нас встречало ослепительное синее небо. По океану катились длинные ленивые валы с мелкими барашками; одежда, бревна — все отсырело от росы. Было свежо, зеленая вода оказалась неожиданно холодной для 12° южной широты. Нас окружало течение Гумбольдта, которое несет холодную воду из антарктических областей на север вдоль побережья Перу, после чего, немного не доходя экватора, сворачивает на запад в океан. Именно здесь Писарро, Сарате и другие испанские путешественники впервые увидели большие парусные плоты инков, которые выходили на 50—60 миль, чтобы ловить в течении Гумбольдта тунца и корифену. Днем ветер дул с материка, под вечер он сменялся морским бризом, который помогал инкам возвращаться.

Здесь «Гуардиан Риос» остановился. Оберегая плот от новой встречи с ахтерштевнем, мы спустили на воду резиновую лодку. Прыгая по волнам, словно футбольный мяч, она доставила к буксиру Эрика, Бенгта и меня. Мы поднялись на борт по веревочному трапу, и капитан показал нам нашу позицию на карте. Мы находились в 50 морских милях от суши, к северо-западу от Кальяо. Чтобы на нас не наскочили ночью суда каботажных линий, лучше первое время ночью идти с зажженными фонарями. Дальше нам уже никто не встретится, в этой части Тихого океана нет паромных линий.

Торжественно попрощавшись с матросами «Гуардиан

«Рис», мы спустились в свою лодку и заскользили назад к плоту. Нас провожали взгляды, в которых были и тревога, и сочувствие. Отдан конец, теперь плот предоставлен самому себе. Вся команда «Гуардиан Риос», тридцать пять человек, выстроилась вдоль борта и махала нам, пока судно не скрылось из виду. На плоту шесть человек сидели на ящиках и не сводили глаз с удалявшегося парохода. Но вот уже и черный дымок растаял у горизонта; мы покачали головами и взглянули друг на друга.

— До свиданья, прощай... — произнес Торстейн. — Что ж, пускай мотор, ребята!

Мы рассмеялись и проверили, откуда дует ветер. Слабый южный бриз сменился юго-восточным. Мы подняли бамбуковую рею с большим квадратным парусом. Он вяло повис на мачте, Кон-Тики нахмурился и смотрел на нас явно неодобрительно.

— Старик недоволен, — заметил Эрик. — Видно, в его молодости ветерок был посвежее.

— Ух ты, лихо несемся! — сказал Герман и бросил бальсовую щепку в воду около носа. — Раз, два, три... тридцать девять, сорок один.

Щепочка лениво покачивалась у борта, она не прошла и половины длины плота.

— Не иначе через весь океан с нами поплывет, — бодро заключил Торстейн.

— Надеюсь, нас не пригонит обратно вечерним бризом, — забеспокоился Бенгт. — Боюсь, встреча будет не такой теплой, как проводы!

Щепка достигла кормы. Мы прокричали «ура» и принялись размещать все то, что было погружено в последнюю минуту. Бенгт разжег на дне пустого ящика примус, и вот уже мы пьем горячее какао с печеньем, закусываем свежим кокосовым орехом. Бананы еще не дозрели.

— А что, здорово, — решил Эрик.

Он расхаживал в огромной овчинной бурке, надвинув на глаза широкую индейскую шляпу и посадив на плечо попугая.

— Одно только мне не нравится, — продолжал он, — все эти мало изученные противотечения, как бы они не выбросили нас на береговые утесы, если мы тут застрянем надолго.

Мы обсудили, не пустить ли в ход весла, потом решили еще подождать ветра.

И ветер подул. Мало-помалу зюйд-ост набирал силу. Парус наполнился, выгнулся, словно грудь воина, и лицо Кон-Тики вспыхнуло задором. Плот зашевелился. Крича

«вперед, на запад!», мы тянули фалы и шкоты. Вот и рулевое весло установлено на место, вступает в силу вахтенное расписание. Мы бросали в воду щепки, бумажные шарики и подстерегали их на корме с секундомером в руках:

— Раз, два, три... восемнадцать, девятнадцать — есть!

Бумажки и щепки одна за другой проплывали мимо весла, и вскоре позади нас на волнах вытянулась длинная качающаяся цепочка. Метр за метром мы продвигались вперед. «Кон-Тики» не рассекал волны с лихостью быстрого катера. Широкий и тупоносый, тяжелый и крепкий, он плавно переваливался с волны на волну. Он никуда не спешил, но уже как пошел — все, не остановишь.

Поначалу мы долго мучились с рулевым устройством. Плот в точности отвечал записям испанцев, но в наше время не нашлось никого, кто бы мог на деле обучить нас, как управлять индейским плотом. Мы много говорили об этом с экспертами, но эти дискуссии почти ничего не дали: они знали столько же, сколько мы.

Зюйд-ост все крепчал, и нужно было следить за тем, чтобы плот шел в бакштаг. Стоило ему рыскнуть, как парус начинал полоскаться, избивая хижину, груз и людей, потом обстенивался, и плот, сделав полный оборот, шел задним ходом. И начиналась наша мука. Трое боролись с парусом, остальные трое наваливались на рулевое весло, чтобы правильно развернуть плот. Как развернешь, следи в оба, не то тут же опять обстенил.

Шестиметровое рулевое весло свободно лежало в уключине на здоровенной колоде на корме. Это было то самое весло, которым пользовались наши друзья в Эквадоре, когда мы справляли бревна вниз по реке Паленке: длинная жердь из мангрового дерева, на конце привязана лопасть — широкая сосновая доска. Весло было прочное, как железо, но зато такое тяжелое, что только урони за борт — сразу утонет. Как ударит по нему волной, держи что есть силы. Пальцы сводило судорогой от напряжения, настолько трудно было удерживать лопасть в нужном положении. Правда, эту задачу мы решили: привязали к веслу поперечную рукоятку и получилось что-то вроде рычага.

А ветер продолжал крепчать и во второй половине дня разгулялся вовсю. Он вспахал поверхность моря, и вдогонку нам катили бурлящие валы. Вот когда до нас понастоящему дошло, что кругом океан, а с ним шутки плохи. И нет возврата. Теперь все решают мореходные качества плота. Здесь уже не будет западного ветра, который позволил бы нам вернуться обратно. Мы вошли в полосу пассата, и он с каждым днем будет увлекать плот все

дальше в океан. Знай иди на всех парусах. Попробуешь развернуться — все равно плот пойдет тем же курсом, только вперед кормой. Для нас теперь есть лишь один курс: ветер — с кормы, нос — на закат. И ведь в этом и заключается цель экспедиции — идти за солнцем, как шел, по-моему, Кон-Тики со своей свитой солнцепоклонников, когда их вытеснили из Перу.

С радостью и облегчением мы смотрели, как легко переваливает плот через шипящие гребни, которые грозной чередой пошли на нас. Но одному человеку было не под силу удерживать руль, когда волны с ревом обрушивались на него и вышибали весло из уключины или могучим ударом заставляли руль разворачиваться так, что рулевой беспомощно тащился следом. Даже двое не могли справиться с веслом, если волны шли с кормы. И мы решили укрепить весло на растяжках, да еще привязали его к уключине. Обузданное весло могло сопротивляться любым волнам, только бы нас самих не смыло.

Ложбины между валами становились все глубже, очевидно, мы вошли в основную струю течения Гумбольдта. Это оно изрыло поверхность океана, не только ветер. Куда ни погляди, зеленая вода, холодная вода; зубчатые горы Перу скрылись за плотными облаками. Стемнело, и всерьез развернулась наша первая схватка со стихиями. Мы еще робели, мы не знали, как примет океан незваных гостей — как друг или недруг. Заслышав в крошечном мраке сквозь ровный гул океана рёв подкравшейся волны и завидев белый гребень вровень с крышей, мы цеплялись за что попало и мрачно ждали: сейчас вал захлестнет нас вместе с плотом. И каждый раз — приятная неожиданность. Чуть наклонившись, «Кон-Тики» легко взмывал вверх, и гребень катился вдоль борта. Потом мы сваливались в ложбину до следующей волны. Самые большие валы следовали по два, по три подряд, перемежаясь множеством волн поменьше. Лишь когда два вала шли совсем вплотную друг за другом, второй с грохотом обрушивался на корму, потому что нос еще был приподнят первым. Вахтенному строго предписывалось обвязать себя вокруг пояса канатом, второй конец которого крепился к бревнам, ведь поручней не было. Задача рулевого — держать корму к ветру и волнам, вести плот в океан. На ящик на корме мы поставили старый компас, чтобы Эрик мог проверять курс, исчислять наше местонахождение и снос. Но сейчас невозможно было определить, где мы: небо заволкло тучами, горизонт представлял собой хаос волн. Сразу двое несли вахту на руле, и то они едва управлялись с беснующейся

щимся веслом, пока остальные четверо пытались хоть немного вздремнуть в каюте. Когда надвигался особенно мощный вал, рулевые бросали весло, полагаясь на растяжки, и повисали на торчащем из крыши бамбуковом шесте. Рвущая волна падала на корму и уходила между бревнами или скатывалась через борт. Тут надо было, не мешкая, возвращаться к рулю, пока не развернуло плот и не обстенило парус. А то, как станет плот боком, волны и ворвутся в каюту. Идя с кормы, они мгновенно просачивались в щели, не дотягиваясь до хижины. В этом преимущество плота: чем больше дыр, тем лучше — вода только вытекает через них, но никогда не просачивается снизу вверх.

Ночью, часов около двенадцати, вдали на севере промелькнули огни какого-то судна. В три часа тем же курсом проследовал второй корабль. Мы размахивали керосиновым фонарем, сигналили карманным фонариком, но нас не заметили. Огни ушли на север. На борту судна не подозревали, что здесь на волнах качается настоящий инкский плот. Не знали и мы, что это последний корабль, последний на нашем пути через океан признак человека.

Во тьме мы, как клещи, впились по двое в кормовое весло. Соленая вода стекала с волос, весло колотило нас и спереди, и сзади, руки коченели от напряжения. Первые же дни и ночи оказались для нас хорошей школой, сухопутные крабы превратились в моряков. Сначала по нашему расписанию каждый человек два часа нес вахту у руля, три часа отдыхал. Через каждый час свежий человек сменял одного из вахтенных. Рулевые не знали ни минуты передышки, мышцы были напряжены до предела. Устал толкать весло — переходи на другую сторону и тяни; если грудь и руки болят от непрерывных усилий, — упираться в руль спиной. Синяков хватало кругом... Наконец вахта кончилась, ты заползаешь, совершенно одуревший, в хижину, обвязываешь ноги веревкой и засыпаешь прямо в мокрой одежде: нет сил забраться в спальный мешок. Не успел глаз сомкнуть, как уже дергают веревку: три часа прошло, пора на вахту.

На вторую ночь стало еще хуже, волнение только усилилось. Сражаться с веслом два часа подряд не было мочи, к концу вахты волны брали верх, шутя разворачивали плот и захлестывали палубу. Мы перешли на одночасовую вахту с полуторачасовым отдыхом. Первые шестьдесят часов прошли в непрерывной борьбе с нескончаемой чередой штурмовавших нас волн. Волны высокие, волны низкие, волны крутые и волны отлогие, косые волны и волны

на гребнях других волн. Хуже всего досталось Кнюту. Он был свободен от рулевой вахты, зато без конца приносил жертвы Нептуну. Страдалец молча лежал в своем уголке в хижине. Попугай уныло сидел в клетке, взмахивая крыльями всякий раз, когда плот вдруг подпрыгивал и в заднюю стену ударяла волна.

Вообще-то «Кон-Тики» не так уж сильно качался. Он был устойчивее любой лодки таких же размеров. Вот только никак нельзя было предугадать направление крена, потому что плот бросало во все стороны. Так мы и не научились пружинить ногами.

На третью ночь волны поумерились, хотя ветер дул с прежней силой. Часов около четырех вдруг нагрянул какой-то замешкавшийся вал, и не успели рулевые опомниться, как плот развернуло кругом. Парус захлопал по хижине, грозя разнести в клочья ее и себя. Все наверх — спастись груз, тянуть тросы и шкоты, чтобы плот вернулся на прежний курс, чтобы парус снова наполнился ветром и выгнулся гордой дугой! Но плот не слушался нас. Он продолжал идти задом наперед, и никаких гвоздей. Мы тянули, толкали, гребли, но достигли только того, что двое чуть не свалились за борт, их захватило парусом в темноте. И хотя море вело себя тише, мы не стоили ни гроша: окоченевшие, измученные, руки ободраны, глаза слипаются... Лучше уж побережь силы на тот случай, если резко испортится погода. Кто знает, что нас ждет впереди. И мы убрали парус, привязали его к рее. «Кон-Тики» повернулся бортом к волнам и скользил через них, как пробка. Надежно все укрепив, мы отменили вахты, вся шестерка втиснулась в бамбуковую каюту, и мы уснули мертвым сном.

Мы не подозревали, что самые тяжелые вахты позади. И лишь уйдя далеко в океан, мы догадались, как просто и гениально управляли своими плотами инки.

Проснулись мы днем от того, что попугай начал свистеть и гикать, прыгая взад и вперед на своей жердочке. Поверхность океана по-прежнему была изрыта высокими волнами, но теперь они шли длинной, ровной чередой, это была уже не та буйная мешанина, что накануне. И мы сразу увидели солнце, оно пригревало бамбуковую палубу, и в его лучах океан казался светлым и дружелюбным. Пусть волны бурлят и дыбятся — ведь они не трогают нас! Пусть перед самым носом у нас стеной вздымаются валы — через секунду плот одолеет пенистый гребень, примнет его, словно тяжелым катком, грозная водяная гора только поднимет нас кверху и прокатится, шипя и булькая, под бревнами! Древние перуанские мастера. неспроста

предпочли плот сплошному корпусу лодки, которую может наполнить вода, и недаром рассчитали длину так, что плот легко переваливал через волны. Дорожный каток из пробки — вот с чем можно было сравнить наш бальсовый плот.

Эрик измерил высоту солнца и установил, что в дополнение к ходу под парусом нас сильно сносит вдоль побережья на север. Мы все еще были в течении Гумбольдта, в ста милях от суши. Теперь главное — не попасть в беспорядочные стремнины южнее Галапагосского архипелага. Это может нам все испортить, если нас подхватят сильные течения, которые сворачивают в сторону Центральной Америки. Если же все пойдет, как задумано, основное течение увлечет нас на запад в океан раньше, чем мы пойдём к Галапагосу. По-прежнему дул юго-восточный ветер. Мы подняли парус, развернули плот правильно и возобновили вахты.

Кнют оправился от морской болезни. Вместе с Торстейном он забрался на качающуюся мачту, и, сидя там, они стали экспериментировать с разными антеннами, поднимая их в воздух то на шаре, то на бумажном змее. Вдруг один из них крикнул, что слышит вызов из Лимы. Радиостанция военно-морского ведомства сообщила, что самолет американского посла вылетел в море, чтобы проводить нас и посмотреть, как наш плот выглядит в океане. Потом нам удалось связаться с бортрадистом, и состоялся неожиданный разговор с секретарем экспедиции Герд Волд: она была на самолете. Мы сообщили свои координаты, постаравшись определить их возможно точнее, и долго передавали сигнал для пеленга. Самолет ходил сужающимися кругами, и голос в эфире звучал все громче и громче. Но гул мотора мы так и не услышали и не увидели самолет. Трудновато искать в волнах низенький плот... А наше поле зрения было сильно ограничено. Пришлось летчику сдаться и повернуть назад. После этого никто уже не пытался найти нас.

Волнение не прекращалось, но волны шли с юго-востока ровными шеренгами, так что рулить было легче. Мы правили так, чтобы принимать волны и ветер с кормы, немного слева, при этом рулевого окатывало не так часто, и плот лучше выдерживал курс. С каждым днем юго-восточный пассат и течение Гумбольдта относили нас все ближе к водоротам у Галапагоса. Мы быстро двигались на северо-запад, покрывая в среднем за сутки 50—60 морских миль, а рекорд составлял 71 милю (то есть больше 130 километров) в сутки.

— А как там, на Галапагосе, можно жить? — озабочен-

но спросил как-то Кнют, глядя на карту: значки, обозначающие нашу позицию, напоминали палец, который злобно указывал прямо на заколдованный архипелаг.

— Не очень-то,— признался я.— По преданиям, инка Тупак Юпанки незадолго до открытия Америки Колумбом ходил на бальсовых плотках из Эквадора на Галапагос, но не стал там задерживаться: нет питьевой воды. И после него никто там не селился.

— Понятно,— сказал Кнют.— Тогда и мы туда не пойдём. Надеюсь...

Мы уже настолько привыкли к беспрестанной пляске волн, что перестали с ней считаться. Подумаешь, качает и бросает, и что такое тысяча саженей — лишь бы мы вместе с плотом оставались на поверхности! Правда, в том-то и вопрос: долго ли мы останемся на поверхности? Одного взгляда было довольно, чтобы убедиться, что бальса впитывает воду. Особенно задняя поперечина; она так размокла, что кончик пальца легко входил в сырую древесину. Раз я потихоньку отковырнул от колоды щепочку и бросил ее в воду. Она медленно пошла ко дну. Потом я заметил, что и другие ребята, когда на них никто не смотрит, прдельывают этот опыт. Молча они смотрели, как щепочки исчезают в зеленой толще. На старте мы пометили осадку плота, но из-за волн нельзя было проверить, какая у нас осадка теперь. Правда, втыкая в бревна перочинный нож, мы узнали, что древесина отсырела всего на дюйм с небольшим. Расчеты показали, что, если бревна и впредь будут впитывать воду с такой же скоростью, палуба окажется под водой к тому времени, когда мы достигнем суши. Но мы надеялись, что смола все-таки затормозит этот процесс.

И еще одно заботило нас — канаты... В первые недели нам было не до них, слишком много дел, но, когда смеркалось и мы ложились спать, появлялось время осязать, размышлять и слушать. Лежа каждый на своей циновке, мы чувствовали, как палуба под нами колыхается вместе с бревнами. Мало того что весь плот качался, еще и бревна терлись друг о друга. Одно вверх, другое вниз, словно волна бежит по плоту. Конечно, они шевелились не сильно, но все же нам казалось, будто мы лежим на спине огромного мерно дышащего животного. Поэтому мы предпочитали ложиться вдоль бревен. Хуже всего были первые две ночи, но тогда нам из-за усталости было все равно. Потом канаты, отсырев, натянулись и немного усамирили бревна. Но и после этого на плоту нельзя было найти совсем неподвижной точки. Так как основа непрерывно колых-

халась и дергалась, все остальное тоже шевелилось. Палуба, двойная мачта, плетеные стены каюты, крыша из реек — все было скреплено только канатами, и все колебалось не в лад. Сразу, может быть, и не заметишь, но если приглядеться: один угол каюты поднимается, другой — опускается, половина крыши загнулась вверх, другая половина — вниз. А если посмотришь в дверь наружу, то и по давню все колышется: небо словно кружится, а море то и дело подпрыгивает.

Вся нагрузка ложилась на канаты. Ночь напролет были слышны скрип и шуршание, треск и визг. Словно жалобный хор звучал во мраке; у каждой веревки — свой голос. По утрам мы тщательно проверяли все канаты, даже под днищем: кто-нибудь, перегнувшись через край пюта, окунался с головой в воду, а двое других держали его за лодыжки.

Но снасти были в порядке. От силы две недели, говорили моряки, и все наши канаты перетрет. А мы, несмотря на жуткий концерт, не видели никаких повреждений. Потом-то мы поняли, в чем дело: канаты мало-помалу стирали мягкую бальсовую древесину, вот и вышло, что не бревна истерли их, а они ушли в дерево.

На восьмой-девятый день волны стали заметно меньше и море вместо зеленого стало синим. Мы теперь дрейфовали уже не на норд-вест, а на вест-норд-вест, — очевидно, вышли из прибрежного течения, можно надеяться, что нас вынесет в океан.

Уже в первый день, когда ушел буксир, мы видели около пюта рыбу, но ловить ее было некогда, все внимание было обращено на руль. На второй день мы попали в плотный косяк сардины, а затем восьмифутовая синяя акула сверкнула своим белым брюхом, проходя мимо кормы, где Герман и Бенгт стояли на руле, оба босые. Она покружила возле пюта, но ушла, как только мы приготовились пустить в ход гарпун.

На следующий день нас посетили тунцы, бониты и корифены. Воспользовавшись тем, что на палубе приземлилась большая летучая рыба, мы изрезали ее на наживку и живо выловили двух корифей по десяти — пятнадцати килограммов — обед на несколько дней.

Неся вахту у руля, мы частенько видели совсем незнакомых рыб, а однажды попали в косяк дельфинов, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Сплошной массив черных спин до самого пюта... Посмотришь с мачты — всюду, насколько хватает глаз, из воды выскакивают дельфины. И чем дальше мы уходили от материка к

экватору, тем больше было летучих рыб. Когда мы наконец вышли на голубые океанские просторы, где степенно катились, блестя на солнце и курчавясь барашками, могучие валы, целые стаи, словно серебристые снаряды, вырывались из воды и, пролётев, сколько позволял разгон, снова ныряли в воду.

Если ночью на палубе стоял наш маленький керосиновый фонарь, его свет притягивал гостей — летучие рыбы, большие и маленькие, пронеслись над плотом. Врежутся в каюту или парус и шлепаются на палубу. Они ведь только в воде могут разогнаться и взлететь, вот и лежат, беспомощно взмахивая длинными грудными плавниками, этикие большеглазые сельди. Частенько можно было услышать бранное слово, когда холодная, рыба с ходу награждала звонкой оплеухой кого-нибудь из членов команды. Рыбы летели довольно быстро. Как ткнет тебя мордой прямо в физиономию — получалось очень чувствительно. Впрочем, пострадавшие недолго обижались на незаслуженные зуботычины. Разве плохо, когда по воздуху летят отличные рыбные блюда, совсем как жареная птица в земле обетованной? Утром мы жарили нашу добычу, и то ли рыба была хороша, то ли кок молодец, то ли аппетит отличный, но очищенная от чешуи она напоминала вкусом форель.

Первой обязанностью кока, когда он вставал утром, было пройти по палубе и собрать всех приземлившихся за ночь летучих рыб. Обычно их было штук шесть — восемь, а один раз мы насчитали двадцать шесть жирных рыбин. Кнют просто огорчился, когда летучая рыба попала ему в руку, а не прямо на сковороду, на которой он только что расплавил сало.

Торстейн лишь тогда по-настоящему уразумел, что море — наш сосед, когда, проснувшись утром, нашел у себя на подушке сардину. В каюте было тесновато, так что он спал, высунув голову за дверь, и кусал за ноги каждого, кто, выходя ночью по своим делам, нечаянно наступал ему на нос. Подняв сардину за хвост, Торстейн доверительно сообщил ей, что вообще неравнодушен к сардинам. Мы старательно поджимали ноги, чтобы освободить ему место, но тут случилось такое, после чего Торстейн устроил себе постель на ящике с кухонной утварью возле нашей радиостанции.

Это было несколько дней спустя. Небо покрылось облаками, и ночью стоял непроглядный мрак, поэтому Торстейн поставил керосиновый фонарь около своей головы, чтобы вахтенные, входя и выходя, видели, куда ступать.

Часов около четырех Торстейн проснулся оттого, что фонарь упал и что-то холодное и скользкое хлестало его по ушам. Летучая рыба, решил он, и стал шарить кругом, чтобы схватить ее и швырнуть за борт. Ему попало что-то мокрое, длинное, змееподобное, и он отдернул руку, словно обжегся. Пока Торстейн возился с потухшим фонарем, невидимый ночной гость увильнул и заполз к Герману. Герман вскочил, тут и я проснулся, и мне сразу пришел на ум гигантский кальмар, который по ночам всплывает к поверхности как раз в этих широтах. Наконец зажегся фонарь, и мы увидели Германа: он сидел с торжествующим видом, сжимая в руке извивающуюся угрем тонкую рыбину. Она была длиной около метра, тело змеевидное, громадные черные глаза; длинные хищные челюсти усеяны острыми зубами, которые могли складываться назад пропуская пищу. Стиснутая рукой Германа хищница вдруг отрыгнула большеглазую белую рыбку сантиметров около двадцати, за ней — еще одну. Обе рыбы, явно глубоководные, были сильно искалечены зубами рыбы-змеи. Тонкая кожа хищницы отливала на спине сине-фиолетовым цветом, на брюхе — сине-стальным, от наших прикосновений она слезала большими лоскутами.

Вся эта возня разбудила Бенгта, и мы поднесли к его глазам фонарь и длинную рыбину. Он сел в спальном мешке и сонно произнес:

— Ерунда, таких зверей не бывает.

После чего повернулся и преспокойно уснул опять.

Бенгт был почти прав. Позже выяснилось, что мы шестеро, повстречавшие рыбу-змею в бамбуковой хижине при свете керосинового фонаря, первыми увидели ее живьем. До тех пор на побережье Южной Америки и на Галапагосских островах находили только ее скелеты, да и то всего несколько раз. Ихтиологи называли ее *Gempylus*, или змеевидная скумбрия, и считали, что она обитает в морской бездне, ведь никто не видел живую рыбу-змею. Возможно, *Gempylus* и в самом деле уходит на большую глубину, но только днем, когда солнце слепит его громадные глаза. А ночью — в этом мы лично убедились — *Gempylus* даже выходит из воды.

Через восемь дней после того, как редкая рыба попала в спальный мешок Торстейна, к нам явился еще один гость. Это опять случилось в четыре часа утра. Луна зашла, и хотя сияли звезды, было совсем темно. Плот хорошо слушался руля, и, когда моя вахта кончилась, я пошел вдоль борта, проверяя, все ли в порядке. Как всегда у вахтенного, у меня вокруг пояса была обвязана ве-

ревка. Держа в руке фонарь, я стал осторожно огибать мачту, ступая по самому краю. Бревно было мокрое, скользкое, и я не на шутку разозлился, когда кто-то сзади ухватился за веревку и дернул так, что я едва не шлепнулся в море. Я сердито обернулся и осветил фонарем — никого! Вдруг веревка опять натянулась и задергалась, и тут я разглядел, что на палубе извивается что-то блестящее. Это был новый *Geryulus*. Он с такой силой впился зубами в веревку, что некоторые из них обломились, прежде чем я сумел его оторвать. Вероятно, свет фонаря упал на белую веревку, и, когда она зашевелилась, гость из бездны прыгнул на плот, надеясь добыть этот длинный лакомый кусок. И кончил свой путь в банке с формалином.

Много неожиданностей готовит океан тому, кто выкладывает себе пол прямо на его поверхности и движется не спеша, бесшумно. Один охотник с шумом ломится сквозь лес, возвращается и заявляет, что там пусто, ни одной зверюшки нет. Другой тихо сядет на пенек и ждет — и вот уже со всех сторон доносятся шорохи, отовсюду выглядывают любопытные глаза. Вот и на море так. Мы бороздим волны под гул моторов и стук поршней, только брызги летят. А вернувшись, говорим, что в океане не на что посмотреть.

Не было дня, чтобы нас не навестили любопытные гости. Они сновали и кружились возле плота, а некоторые, скажем корифены и лоцманы, до того с нами свыклись, что шли следом, не покидая нас ни днем, ни ночью.

Когда спускалась ночь и в черном тропическом небе загорались яркие звезды, ночесветки словно соревновались с небесными огоньками. Некоторые виды светящегося планктона до того напоминали круглые угольки, что мы невольно поджимали босые ноги, когда волны подносили к нашим пяткам огненные шарики. Выловишь — оказывается: это маленькие рачки. В такие ночи нас пугали круглые светящиеся глаза; которые вдруг появлялись из воды у самого плота и гипнотизировали нас, будто это сам водяной поднялся из пучины. Обычно это были всплывавшие на поверхность огромные кальмары с мерцающими, точно фосфор, чудовищными зелеными глазами. Но иногда наш фонарь приманивал какую-нибудь глубоководную тварь, поднимающуюся из пучины только ночью, и она глядела, как завороченная, на свет.

В тихую погоду раза два случалось, что черную воду вокруг плота вдруг заполняли круглые головы шириной в два-три фута. Лежат и таращат на нас огромные светящиеся глаза... Или в толще воды появлялись световые ша-

ры диаметром в метр и больше. Они неравномерно мигали, словно кто-то включал и выключал электрические фонари.

Мало-помалу мы свыклись с тем, что у нас под полом водятся всякие чудовища. И все-таки каждый новый экспонат одинаково поражал нас. В одну пасмурную ночь, часов около двух, когда рулевой с трудом отличал черную воду от столь же черного неба, он заметил под водой тусклое зарево, которое постепенно приняло очертания животного. То ли планктон светился, соприкасаясь с животным, то ли само чудовище фосфоресцировало, во всяком случае, призрачное существо все время меняло свою форму. Оно было то круглым, то овальным, то треугольным, потом внезапно разделилось на две части, которые независимо друг от друга плавали взад и вперед под плотом. Под конец уже три огромных светящихся привидения медленно кружили под нами. Это были какие-то невероятные чудовища, одно туловище достигало шести — восьми метров в длину. Выскочив из хижины на палубу, мы все шестеро смотрели на танец привидений. А он продолжался не один час. Не отставая от плота, наши загадочные светящиеся спутники бесшумно кружили, держась довольно глубоко, преимущественно с правого борта, где стоял фонарь, но иногда появлялись и прямо под плотом или слева. Если судить по отсвечивающим спинам, они были больше слонов, но это были не киты, потому что они ни разу не поднялись к поверхности за воздухом. Может быть, это гигантские скаты поворачивались на бок и оттого меняли конфигурацию? Мы подносили фонарь к самой воде, надеясь приманить их и как следует рассмотреть, — тщетно. Как и положено настоящей нечисти, они на рассвете исчезли, словно в воду канули.

Мы так никогда и не получили удовлетворительного ответа, кем были три светящихся зверя, которые навестили нас ночью. Если только не считать ответом другой визит. Это было через тридцать шесть часов, днем 24 мая, когда ленивые валы доставили нас в точку с примерными координатами 95° западной долготы и 7° южной широты. Дело шло к обеду, мы только что выбросили за борт внутренности двух больших корифен, выловленных рано утром. Вот почему я, принимая освежающую ванну в море у носа плота, внимательно поглядывал по сторонам и не выпускал из рук каната. Вдруг я увидел толстую бурую рыбу длиной около двух метров, которая с любопытством плыла ко мне сквозь кристально прозрачную воду. Я живо влез на плот и, греясь на солнце, рассматривал неторопливо следующее вдоль плота существо. И тут с кормы, из-за

хижины, донесся дикий крик Кнюта... Он вопил «акула!» так, что глоб сорвался. Но ведь мы чуть ли не ежедневно видели у плота акул и не устраивали из-за этого шума. Значит, тут что-то особенное! И мы дружно бросились вырывать Кнюта.

Сидя на корточках, Кнют полоскал в волнах свои невыразимые, а когда поднял голову, узрел такую огромную и уродливую морду, какой никто из нас в жизни не видел. Голова принадлежала исполинскому чудовищу, и она была такая громадная, такая страшная, что сам морской змей, появившись он перед нами, не поразил бы нас так сильно. Маленькие глазки сидели по краям широкой и плоской морды, жабья пасть с длинной бахромой в уголках была не меньше полутора метров в ширину. Могучее туловище заканчивалось длинным тонким хвостом, острый вертикальный плавник свидетельствовал, что это во всяком случае не кит. Туловище в общем казалось в воде бурым, но и оно, и голова были усеяны маленькими белыми пятнами. Чудовище медленно, лениво плыло за нами, щурясь по бульдожьей и тихо работая хвостом. Большой округлый спинной плавник торчал из воды, иногда мелькал и хвостовой. А когда великан попадал в ложбину между волнами, высывалась широченная спина, словно риф, окруженный водоворотами. Прямо перед пастью веером плыла туча полосатых лоцманов; к огромной туше присосались здоровенные прилипалы и другие паразиты — ну прямо подводный камень с целой колонией морских животных!

За кормой у нас была в воде приманка для акул: корифена килограммов на десять, надетая на шесть здоровенных крючков. Лоцманы живо подлетели к ней, обнюхали, но не стали трогать, а тотчас вернулись к царю морей, своему господину и повелителю. Гигантская махина чуть прибавила ход и не спеша пошла к наживке, которая выглядела просто жалкой рядом с такой мордой. Мы стали выбирать леску — чудовище не отставало и подошло вплотную к плоту. Потыкалось носом в корифену и решило, что ради такой мелочи не стоит распахивать ворота настежь. Потом почесало спину о наше тяжеленное кормовое весло, отчего оно выскочило из воды. Теперь мы могли совсем близко рассмотреть этого исполина, так близко, что я испугался за рассудок команды: от столь невероятного зрелища мы принялись дико хохотать и орать что-то невразумительное. Даже богатое воображение Уолта Диснея не могло бы создать более страшного монстра, чем этот, который, ослабившись, разлегся в воде у нашего борта.

Это была китовая акула, крупнейшая из акул и вообще

крупнейшая современная рыба. Она встречается очень редко, лишь иногда в тропических морях наблюдают единичные экземпляры. Китовая акула достигает в среднем пятнадцати метров в длину; зоологи определяют ее вес в пятнадцать тонн. Говорят, что самые большие китовые акулы — около двадцати метров. У детеныша китовой акулы, убитого гарпуном, только печень весила триста килограммов, а в его широкой пасти насчитали три тысячи зубов.

Чудовище было таким огромным, что, когда ему вздумалось нырнуть под плот, мы увидели его голову с одного борта, а хвост — с другого. Морда у него была до того нелепая и тупая, что мы просто не могли удержаться от хохота, хотя отлично понимали: если эта гора мускулов вздумает напасть на нас, от наших бальсовых бревен одни щепки останутся. Китовая акула продолжала кружить под самым плотом, а мы гадали, чем это кончится. Вот опять скользнула под весло и подняла его спиной. Мы стояли наготове вдоль бортов, держа ручные гарпуны, которые казались зубочистками перед этим колоссом. Похоже было, что акула и не помышляет уходить от нас, она следовала за нами, как верный пес, держась у самого плота. Мы в жизни не то что не видели, даже не представляли себе ничего подобного. Встреча в упор с морским чудовищем была таким невероятным событием, что мы как-то не принимали происходящее всерьез.

Китовая акула плавала вокруг нас меньше часа, но нам этот час показался за десять. В конце концов Эрик — он стоял на корме, держа в руках гарпун длиной в 2,5 метра, — не выдержал и, подбадриваемый легкомысленными выкриками, занес свое оружие для удара. Вот голова акулы медленно скользнула под угол плота... В ту же секунду Эрик изо всех своих могучих сил ударил гарпуном вниз, прямо в хрящевой череп гиганта. Прошло несколько секунд, прежде чем до акулы дошло, что случилось. Вдруг ленивый дуралей, как по мановению волшебной палочки, превратился в сплошной сгусток железных мускулов, зашуршал по доскам линь, в воздух взметнулся каскад брызг — это гигант нырнул и ринулся вглубь. Три человека, которые стояли ближе других, были сбиты с ног линем, причем у двоих остались сильные ссадины и ожоги. И хотя линь был толстый, рассчитанный на немалую нагрузку, он, зацепившись за борт, лопнул, как бечевка. Тут же метрах в двухстах от нас к поверхности всплыл обломок гарпуна. Стая испуганных лоцманов сорвалась с места и ринулась вдогонку за своим господином и повелите-

лем. Мы долго ждали, что чудовище вернется и обрушится на нас, словно взбесившаяся подводная лодка, но китовая акула больше не показывалась.

Когда произошла эта встреча, наш плот, увлекаемый на запад южным экваториальным течением, находился примерно в 400 морских милях к югу от Галапагосских островов. Коварные течения остались в стороне, но архипелаг напоминал нам о себе: мы видели огромных морских черепах, которые забираются далеко в океан. Так, однажды мы заметили здоровенную черепаху, она отчаянно вертела головой и одним ластом. Ее приподняло на гребне волны, и в толще воды под ней замелькали зеленые, синие, желтые пятна: черепаха вела смертный бой с корифенами. Но бой, судя по всему, носил односторонний характер. Полтора десятка большеголовых красочных рыб атаковали шею и ласты черепахи, стремясь взять ее измором. Исход был предreshен, ведь она не могла без конца прятать свои конечности в панцире.

Заметив плот, черепаха нырнула и, преследуемая поблескивающими рыбами, направилась к нам. Подошла вплотную и только хотела взобраться на борт, как заметила нас. Будь у нас больше сноровки, мы легко могли бы набросить аркан на громадный панцирь, пока он тихо скользил мимо плота. Но мы слишком долго тарасили глаза на черепаху, и, когда мы приготовили аркан, она уже обогнала плот. Мы живо спустили на воду надувную лодку, и Герман, Бенгт и Торстейн бросились в погоню на этой скорлупке, которая была чуть больше преследуемой дичи. Наш стюард Бенгт в мечтах уже видел множество мисок с мясом и изысканным черепаховым супом. Но чем сильнее они налегали на весла, тем быстрее плыла черепаха. А когда они отошли от плота метров на сто, черепаха вдруг бесследно исчезла. Ничего, хоть сделали доброе дело: когда желтая лодчонка запрыгала обратно по волнам, все корифены ринулись за ней. Они кружили возле новой «черепахи», и самые смелые норовили цапнуть весла, которые разгребали воду, совсем как ласты. А миролюбивая морская черепаха благополучно ушла от всех коварных преследователей.

На полпути

Повседневная жизнь и эксперименты. —
Питьевая вода для плотогонов. — Картофель
и тыква — ключи к секрету. — Кокосовый
орех и крабы. — Юханнес. — Мы плывем по
ухе. — Планктон. — Съедобное пламя. —
Дружба с китами. — Муравьи и морские
желуди. — Домашние животные под
водой. — Наш спутник — корифена. —
Ловля акул. — «Кон-Тики» становится
морским чудовищем. — Лоцманы и
прилипалы в наследство от акулы. —
Летающие кальмары. — Неизвестный
посетитель. — Водолазная корзина. —
С тунцами и бонитами в их родной
стихии. — Ложный риф. — Шверт
подсказывает разгадку. — На полпути

Шли недели. Мы не видели ни судов, ни обломков —
никаких признаков того, что, кроме нас, на свете есть еще
люди. Весь океан — наш, все пути открыты, кругом без-
брежный простор, и сам небосвод словно излучал мир и
приволье.

Соленые брызги и чистая синева будто омывали нам
душу и тело. Здесь, посреди океана, большие проблемы
казались маленькими, надуманными. Только стихии были
реальностью. А стихиям не до нашего плота. Или, может
быть, он был для них частицей природы, ничуть не нару-
шающей гармонии моря, покорной волнам и теченьям, как
морские птицы, как рыбы. Из грозного врага, который с
ревом кидался на нас, стихии стали надежным другом,
они неутомимо, упорно увлекали с собой наш плот. Ветер
и волны толкали нас, океанское течение тянуло нас —
прямо к цели.

Попадись нам в океане судно, пассажиры увидели бы, как плот плавно переваливает через длинные валы, сморщенные барашками, и наполненный пассатом тугой оранжевый парус глядит туда, где Полинезия.

На корме они бы увидели человека — полуголого, смуглого, бородатого, — который то воевал с длинным рулевым веслом, подтягивая потрепанные фалы, то дремал на солнышке, сидя верхом на ящике и лениво подталкивая весло пальцами ноги.

Если это был не Бенгт, его скорее всего можно было найти в дверях каюты, где он лежал на животе, углубившись в один из семидесяти трех томов своей библиотеки. А вообще мы назначили его stewardом, это он отмерял нам дневной паек. Герман в любое время суток мог оказаться где угодно — то с метеорологическими приборами на мачте, то с подводными очками под плотом, где он проверял шверт, то за кормой, в надувной лодке, где он занимался воздушными шарами и какими-то непонятными приборами. Он был у нас начальником технической части и отвечал за метеорологические и гидрографические наблюдения.

Кнют и Торстейн без конца возились со своими отсыревшими сухими батареями, паяльниками и схемами. Вся их военная сноровка была нужна, чтобы заставить нашу маленькую радиостанцию работать наперекор соленому душу и сильной росе, меньше чем в полуметре над водой. Каждую ночь они поочередно дежурили и посылали в эфир наши рапорты и метеосводки. Случайные радиолюбители принимали эти сообщения и передавали дальше — в метеорологический институт в Вашингтоне или по другим адресам.

Эрик чаще всего латал парус, или сращивал канаты, или вырезал деревянные скульптуры, или рисовал бородатых людей и удивительных рыб. Точно в полдень он вооружался секстантом и взбирался на ящик, чтобы поглядеть на солнце и высчитать, сколько мы прошли за сутки. Сам я прилежно заполнял судовой журнал, составлял рапорты, собирал пробы планктона и рыб, снимал кинофильм. Каждый отвечал за свой участок и не вмешивался в дела других. Менее приятную работу, вроде рулевой вахты и дежурства на кухне, распределяли поровну. На руле каждый стоял по два часа днем и столько же ночью. Все по очереди были коками. Обязательных правил и постановлений было немного: на ночной вахте непременно обвязываться канатом, спасательная веревка должна всегда висеть на месте, стряпать и есть только на палубе, по нужде ходить на самый край кормы. Когда возникал важный вопрос, мы

по примеру индейцев созывали общее собрание и принимали решение сообща.

День на борту «Кон-Тики» начинался с того, что последний ночной вахтенный будил кока, который спросонок выбирался на увлажненную росой и залитую утренним солнцем палубу и начинал собирать летучих рыб. В отличие от полинезийцев и перуанцев мы не ели рыбу сырой, а жарили ее на маленьком примусе, который стоял на дне ящика, прочно привязанного к палубе у входа в хижину. Вся наша кухня помещалась в этом ящике. Каюта заслоняла его от юго-восточного пассата, и, только когда ветер и волны слишком уж небрежно подбрасывали плот, случалось, что ящик загорался. А один раз кок задремал, и кухня запылала ярким пламенем, которое перебросилось на хижину. Дым просочился сквозь стену внутрь, и пожар был мигом потушен, благо за водой на «Кон-Тики» было не далеко идти.

Запах жареной рыбы не мог разбудить храпящих в каюте субъектов, и коку приходилось колоть их вилкой и петь «бери ложку, бери бак» таким гнусавым голосом, что невозможно было его слушать. Если у бревен не мелькали акульки плавники, мы для начала освежались в Тихом океане, после чего завтракали под открытым небом.

Меню было безупречное. Две экспериментальные диеты: одна подсказанная квартирмейстером и двадцатым веком, вторая — Кон-Тики и пятым. Первую диету испытывали на Торстейне и Бенгте — они ограничивали свой стол хитроумными маленькими спецпайками, которые мы уложили между бревнами и бамбуковым настилом. Кстати, они вообще не очень-то любили рыбу и прочую морскую живность. А мы, остальные, ели все, чем нас могло снабдить море.

Со спецпайками дело обстояло просто. Раз в две или три недели мы поднимали настил и доставали несколько коробок, потом привязывали их к палубе перед каютой, чтобы были под рукой. Слой асфальта, которым мы залили коробки, вполне себя оправдал, а вот лежавшие тут же консервы разъезла и испортила морская вода.

Конечно, Кон-Тики, когда он вышел в океан, не располагал ни асфальтом, ни консервами, но он и без них мог решить проблему питания. Тогда, как и теперь, мореплаватели ели то, что брали с собой, и то, что добывали в пути. Покидая Перу после разгрома на озере Титикака, Кон-Тики мог выбирать между двумя маршрутами. Как посланец Солнца и вождь солнцепоклонников он скорее взял курс на запад, чтобы, идя за солнцем, найти новую страну, где

можно будет жить спокойно. У него был и второй вариант: плыть на плотках вдоль побережья на север и обосноваться где-нибудь подальше от тех, кто его изгнал. Но и в этом случае его все равно увлекло бы на запад. Стараясь держаться подальше от грозных скал и враждебных племен побережья, он, как и мы, оказался бы во власти юго-восточного пассата и течения Гумбольдта, которые понесли бы его в океан.

Какой бы путь ни избрали люди Кон-Тики, они, наверное, позаботились о провианте. Их главными продуктами питания были вяленая рыба, сушеное мясо и батат. Когда древние моряки ходили на плотках вдоль засушливых берегов Перу, они старались захватить с собой побольше воды. Глиняным сосудам они предпочитали не боящиеся ни толчков, ни ударов высушенные тыквы. Еще удобнее было возить на плоту толстые стволы гигантского бамбука; все перемычки внутри просверливали, наливали воду и дырочку на конце либо затыкали деревянной пробкой, либо замазывали смолой. Под палубой можно было разместить в длину тридцать — сорок таких сосудов. Здесь они были закрыты от солнца, их все время омывала морская вода, температура которой в экваториальном течении не превышала 26—27°C. Такой запас вдвое превосходил количество воды, которое израсходовали мы за все наше плавание, а ведь можно взять и больше, если привязать бамбуковые сосуды снизу к днищу плота, где они места не занимают и веса не прибавляют.

К концу второго месяца питьевая вода зацвела и стала противной на вкус. Но к этому времени плот давно миновал бедную дождями зону и вышел в такую область океана, где сильные ливни позволяли пополнять запасы. На каждого члена команды в день выдавался литр с четвертью, и далеко не всегда эта норма расходовалась полностью.

Если даже наши предшественники не успели захватить с собой достаточно провианта, голод им не грозил, пока их несло богатое рыбой морское течение. За все наше плавание не было дня, чтобы вокруг плота не ходила рыба, и ее было легко поймать, а летучая рыба сама прыгала к нам на палубу. Иногда волны забрасывали на корму здоровенных вкусных бонит, и они бились на бревнах. Нет, умереть с голоду было просто невозможно.

Древние хорошо знали то, в чем во время войны убедились жертвы кораблекрушений: хочешь пить — жуи сырую рыбу. Если завернуть куски рыбы в тряпочку, можно выжать из них сок, а у крупной рыбы достаточно вырезать

кусок в боку и ямка быстро заполнится лимфой. Не очень-то вкусно, если у нас есть что-нибудь получше, но солей в этой жидкости мало и можно вполне утолить жажду.

Еще одно средство борьбы с жаждой — почаще купаться и, не вытираясь, ложиться в тень. Когда вокруг плота лениво ходили акулы, не пуская нас в море, мы ложились на бревна на корме, крепко держась за веревки. И Тихий океан щедро поливал нас кристально чистой водой.

Когда в жару вас мучит жажда, вам кажется, что организму нужна вода. И вы пьете без конца, а толку чуть. В тропиках в жаркий день можно до отказа накачаться теплой водой, и все равно хочется пить. А дело в том, что организму нужна не жидкость, а соль. Недаром в наших спецпайках лежали таблетки соли, и они были очень кстати в жару, когда пот лил с нас градом и мы теряли много соли. Бывало так: ветра нет, и солнце жарит вовсю. Опрокидываешь кружку за кружкой, вода уже булькает и плещется в животе, а во рту все так же сухо. Тогда мы добавляли в пресную воду от двадцати до сорока процентов морской; солоноватая смесь отлично утоляла жажду. Правда, во рту долго пахло морем, но на здоровье это не отражалось, зато мы сберегали пресную воду. Однажды во время завтрака шальная волна разбавила нам овсянку, и мы нечаянно открыли, что овес почти начисто уничтожает тошнотворный привкус моря.

В интереснейших преданиях полинезийцев сообщается, что, когда предки нынешних островитян плыли через океан, они утоляли жажду, жуя листья какого-то растения, которое везли с собой. Благодаря этим же листьям можно было в крайнем случае пить морскую воду, не боясь отравиться. На островах Полинезии таких растений не было; значит, надо их искать на родине мореплавателей. Полинезийские историки так настойчиво об этом говорили, что современные ученые решили разобраться и пришли к выводу, что есть только одно растение с такими свойствами — кока, и растет оно исключительно в Перу. А в древнем Перу — об этом говорят раскопки — содержащее кокаин кока употреблялось не только инками, но и их предшественниками. В трудных горных переходах и далеких плаваниях они жевали листья кока, чтобы победить жажду и усталость. И эти самые листья позволяют недолго пить неразбавленную морскую воду.

На борту «Кон-Тики» не было кока, но в больших корзинах на носу мы везли другие растения, которые играли важную роль в жизни полинезийцев. Каюта надежно заклеивалась корзинками от ветра, и вскоре появились желтые

ростки и зеленые листья. Казалось, на плоту вырос небольшой тропический сад.

Когда европейцы впервые прибыли в Полинезию, на острове Пасхи, на Гавайских островах и на Новой Зеландии они увидели большие плантации батата. Он встречался и на полинезийских островах, но дальше на запад его не знали. На уединенных островах, где население в основном питалось рыбой, батат был одним из главных культурных растений. Ему посвящено немало преданий, и будто его привез сам Тики, когда вместе со своей женой Пани приплыл сюда, покинув родину, где сладкие клубни были важным продуктом питания. Новозеландские предания подчеркивают, что батат был привезен из-за моря не на пирогах, а на «связанных веревками бревнах».

Как известно, до плаваний европейцев Америка была единственным кроме Полинезии местом, где произрастал батат. Причем *Hipomoea batatas*, привезенный Тики на острова, — тот самый вид, который с древних времен выращивают индейцы Перу. Сушеный батат был основным провиантом как полинезийских мореплавателей, так и древних перуанцев. На островах Южных морей батат требует самого тщательного ухода, а так как он не переносит морской воды, то нелепо объяснять его появление здесь тем, что его будто бы принесло течением за 8 тысяч километров из Перу. Это тем более неубедительно, что на полинезийских островах батат называют «кумара», то есть так же, как называют его индейцы на севере Перу; это доказано языковедами. Название пришло из-за океана вместе с клубнями.

Бутылочная тыква *Lagenaria vulgaris* — второе важное для Полинезии растение, которое мы везли с собой на «Кон-Тики». Причем корка была не менее важна, чем мякоть. Полинезийцы высушивали ее над огнем и использовали как сосуд для воды. Это типично огородное растение, которое не может распространяться с морскими течениями, было известно и древнейшим полинезийцам и исконным жителям Перу. Калebasы найдены в древних могилах в приморских пустынях Перу; здешние рыбаки пользовались ими задолго до того, как в Полинезии появился человек. Полинезийское название бутылочной тыквы — «кими» — встречается в языке индейцев Центральной Америки, куда дотягиваются корни перуанской культуры.

Кроме разных южных фруктов, с которыми мы управлялись за неделю-другую, пока они еще не успели сгнить, у нас был с собой еще один плод — кокосовые орехи, ко-

торые наряду с бататом сыграли важную роль в истории тихоокеанских островов. Мы везли двести орехов — массаж для десен и запас освежающего напитка. Некоторые орехи быстро проросли, и через два с половиной месяца на плоту образовалась рощица — шесть-семь пальм ростом около фута, с плотными зелеными листьями. Еще до плаваний Колумба кокосовый орех рос и на Панамском перешейке, и в Южной Америке. Летописец Овьедо указывает, что испанцы застали на побережье Перу большие рощи кокосовых пальм. Задолго до этого кокосовый орех распространился на всех островах Тихого океана. Ботаники еще не знают точно, с какой стороны он сюда попал. Одно бесспорно: несмотря на свою мощную скорлупу, даже кокосовый орех не может без помощи человека переселиться через океан. Те орехи, которые мы везли в корзинах на палубе, благополучно добрались до Полинезии, их можно было есть, можно было сажать. А вот те, которые мы положили под палубу вместе с спецпайком, были испорчены морской водой. И ведь орех не поплывет быстрее, чем подгоняемый ветром бальсовый плот. Вода проникает внутрь через глазки, как только они загниют. К тому же в океане вдоволь «санитарных постов», они следят за тем, чтобы ничто съедобное не могло попасть своим ходом из одной части света в другую.

В тихие дни мы иногда встречали посреди океана одиноко плывущее на поверхности белое перышко. Буревестники и другие птицы умеют спать на воде, и мы видели их в тысячах миль от суши. Рассмотрешь перышко поближе, а на нем лихо плывут по ветру два-три пассажира. Присмотрев рядом Голиафа — наш «Кон-Тики», — они живо смекали, что на этом судне и места побольше, и ход лучше. И, бросив перо на произвол судьбы, они во всю прыть скользили боком по поверхности воды к плоту. Вскоре у нас набралось множество безбилетников, маленьких пелагических крабов величиной с ноготь, от силы с пятак, довольно приятных на вкус, когда удавалось их отведать. Они всегда были начеку, не пропускали ничего съедобного. Прозевает кок во время утреннего обхода летучую рыбу, и через несколько часов на ней уже сидят восемь — десять крабиков, которые отщипывают кусочки своими крохотными клешнями. Они были очень робки и, заметив нас, спешили спрятаться. Но около колоды на корме, в небольшой ямке, поселился один совсем ручной крабик, которого мы прозвали Юханнес. У нас уже был один любимец — попугай; теперь мы и крабика приняли в нашу команду. В ясные солнечные дни вахтенный, сидя возле руля за хи-

жиной, чувствовал себя совсем одиноким в голубом океане, если рядом с собой не видел Юханнеса. Остальные крабики шарахались от нас, не забывая захватить с собой крошки — совсем как тараканы на настоящем корабле. Не таким был Юханнес. Круглый, широкий, он восседал у входа в свое убежище и пристально наблюдал за сменой вахты. Каждый новый вахтенный приносил ему либо крошку галеты, либо кусочек рыбы, и стоило наклониться над его убежищем, как он выходил навстречу и протягивал свои кулачки. Взяв клешнями крошку, он бегом возвращался в дом, садился у входа и уплетал угощение совсем как мальчишка, который ест что-то, не снимая рукавиц, в студеной зимний день.

Стоило забродившему от сырости кокосовому ореху лопнуть, как крабики облепляли его словно слепни. Или же они охотились на планктон и всякую морскую мелюзгу, которую приносили волны. Надо сказать, что планктон, как он ни мелок, пришелся по вкусу и нам, гулливерам, как только мы научились ловить достаточно, чтобы получился добрый глоток.

Да и кто усомнится в том, что эти почти незримые организмы, которых в Мировом океане несметное количество, питательны. Ведь нет такого обитателя моря, который не был бы в конечном счете обязан своим существованием планктону. Птицы и те из рыб, которые не питаются им непосредственно, поедают других рыб или морских животных, которые живут планктоном, иначе говоря, тысячами видов мельчайших организмов. Одни из этих организмов относятся к растительному миру — это фитопланктон; другие — зоопланктон — представляют собой икринки и микроскопических животных. Зоопланктон живет за счет фитопланктона, а этот последний поглощает аммоний, нитриты и нитраты, выделяемые при разложении погибшего зоопланктона. Образуется цепь, в которой каждое последующее звено живет за счет предыдущего, а вместе они — пища всех, кто плавает в толще воды или летает над водой. Их размеры малы, зато велико их количество. Есть места в море, где в стакане воды вы насчитаете тысячи мельчайших организмов. Сколько раз люди погибали посреди моря, потому что ни острогой, ни сетью, ни крючком не могли добыть рыбу. А между тем они нередко плавали по ухе, пусть даже сырой и несколько жидковатой. Будь у них кроме крючка и сети приспособление, чтобы фильтровать эту уху, и осадок, планктон, стал бы их пищей. Это как с зерном — нужно собрать много, чтобы насытиться. Но может быть, рыбаки будущего научатся извлекать из моря

планктон, как некогда земледелец научился собирать урожай в поле.

Биолог А. Д. Байков подсказал нам эту мысль и даже снабдил нас сетью, рассчитанной как раз на такую добычу. Сеть необычная, из шелковой нити, около 3 тысяч ячеек на квадратный дюйм. Она была сшита в виде колпака и прикреплена к металлическому обручу диаметром в полтора фута. Этот колпак мы тащили на буксире за кормой. Улов колебался в зависимости от времени и места, как это всегда бывает. Чем дальше на запад, тем теплее была вода и меньше улов. Ночью мы ловили больше, чем днем: когда светит солнце, многие виды планктона уходят вглубь.

Даже если бы у нас не было других дел на плоту, мы не остались бы без развлечений — достаточно было заглянуть в планктонную сеть. Правда, запах был скверный. И аппетитным это зрелище тоже нельзя назвать — все вместе выглядело тошнотворно. Но если разложить добычу на доске и разглядывать каждую тварь в отдельности, глазу открывалось бесконечное разнообразие самых поразительных форм и красок.

Преобладали крохотные, напоминающие креветок, веслоногие рачки, а также икринки. Попадались эмбрионы рыб и моллюсков, удивительные миниатюрные крабы всех цветов радуги, медузы и бездна всякой мелочи, которая словно вышла из диснеевского фильма. Тут и какие-то трепещущие привидения, как будто вырезанные из целлофана, тут и миниатюрные красноклювые пичужки с панцирем вместо перьев. В мире планктона природа поистине дала волю своей безудержной фантазии; художник-сюрреалист не мог бы с ней сравниться.

Там, где холодное Перуанское течение, не доходя экватора, сворачивает на запад, мы за несколько часов вылавливали до двух килограммов планктонного киселя. А так как сеть за это время проходила через разные скопления, то осадок напоминал многослойный торт с коричневым, красным, серым, зеленым слоями. Ночью, когда светились ноктилюки, казалось, что сеть наполнена сверкающими драгоценностями. Вытащишь из воды этот пиратский клад — и он превращается в миллионы крохотных рачков и эмбрионов, которые мерцали во мраке, будто угольки. Из сети улов вытряхивали в банку, и казалось, что какая-нибудь ведьма приготовила этот кисель из светлячков. Насколько красиво наша добыча выглядела издали, настолько жуткой была она вблизи. Запах отвратительный, а вкус превосходный, стоило набраться храбрости и отправить в рот ложку этих углей. Когда в улове преобладали

малюсенькие рачки, он вкусом напоминал паштет из омаров, креветок или крабов. А иногда нам казалось, что мы едим икру или даже устриц. Растительный планктон был либо так мал, что уходил с водой через ячею, либо настолько велик, что его можно было выбрать руками. Сверху кисель покрывала «пенка» из организмов покрупнее — желеобразных простейших червей, напоминающих стеклянные ампулы длиной в сантиметр, и медуз. Они горькие на вкус, их надо выбрасывать. А все остальное можно есть или сырым, или сварив в пресной воде. Известно, на вкус и цвет товарища нет. Двоим из нашей шестерки планктон очень нравился, двое говорили — неплохо, а остальных двоих мутило от одного его вида. Питательностью планктон не уступает крупным моллюскам. Если умело приготовить его и подобрать приправы, получится первоклассное блюдо для тех, кто любит продукты моря.

Синий кит, самое большое животное в мире, — живое доказательство того, что в этой мелюзге предостаточно калорий, ведь он питается только планктоном. До чего же жалким и примитивным показался нам наш способ лова маленькой сетью, которую частенько рвали зубами голодные рыбы, когда мы однажды увидели пасущегося кита... Пуская вверх фонтаны, он преспокойно плыл мимо плота и процеживал воду с планктоном через свои усы. Они блестели, как целлулоидные.

— А вы бы тоже так попробовали, — ехидно предложили Торстейн и Бенгт, когда мы потеряли нашу планктонную сеть. — Вон какие бороды отрасли!

Я и раньше видел китов — издали, с парохода, а в музее — рядом, но там было чучело. Словом, настоящего контакта не было, и я никогда не воспринимал кита так, как воспринимаешь обычных теплокровных животных, скажем, лошадь или слона. Конечно, я знал, что биологически кит — самое настоящее млекопитающее, и все-таки для меня он всегда оставался громадной холодной рыбиной. Это восприятие разом переменялось, когда мы столкнулись с могучими китами нос к носу.

В этот день мы сидели и ели, как обычно, у самого борта — достаточно протянуть руку, чтобы сполоснуть в море посуду. Неожиданно, мы даже вздрогнули от испуга, послышалось громкое лошадиное пыхтение. Мы обернулись — огромный кит, да так близко, что видно, как дышало отликает внутри лаковым блеском. Услышать мощное дыхание в открытом море, где все плавающие твари беззвучно шевелили жабрами, было до того необычно, что мы прониклись теплым чувством к нашему древнему со-

родичу, которого, как и нас, занесло в океанские дали. От холодной, жабоподобной китовой акулы мы ни одного вздоха не слышали, то ли дело этот кит, напоминающий сытого, добродушного бегемота из зоопарка. Он опять запыхтел — ну до чего же симпатичное существо! — потом погрузился в воду и исчез.

Киты много раз навещали нас; чаще всего вокруг плота большими стадами резвились морские свиньи и косатки, но иногда, группами и поодиночке, подходили огромные кашалоты и усатые киты.

Порой они, как корабли, проплывали на горизонте, пуская вверх фонтаны, а порой шли прямым ходом на нас. В первый раз, когда здоровенный кит вдруг изменил курс и на всех парах пошел к плоту, мы решили, что сейчас произойдет страшное столкновение. Все ближе, ближе слышно мощное сопящее дыхание всякий раз, как голова высовывается из воды... Казалось, сквозь волны ломится громадное толстокожее наземное животное; и в самом деле — между китом и рыбой столько же общего, сколько между летучей мышью и птицей. Он шел к нам с левого борта, и мы столпились на краю плота, а наблюдатель крикнул с мачты, что за первым китом идут еще семь или восемь.

Всего каких-нибудь два метра отделяли от плота этот огромный, лосящийся черный лоб, когда кит нырнул. Мы смотрели, как широченная иссиня-черная спина не спеша скользнула под плот у наших ног. И застыла там... Затаив дыхание, мы разглядывали этот темный свод, который был куда длиннее нашего «Кон-Тики». Потом кит стал медленно погружаться в голубую толщу, пока совсем не исчез. Тут подошли и остальные, но их плот вовсе не заинтересовал. Известны случаи, когда киты обращали во зло свою колоссальную силу и ударом хвоста топили китобойные суда, но перед этим они сами подвергались нападению. Полдня вокруг нас то тут, то там раздавалось громкое сопение, и ни разу наши гости даже не задели плот. Они с явным наслаждением кувыркались в волнах, а в полдень, как по сигналу, дружно нырнули и уже больше не появлялись.

Не только китов можно было наблюдать под нашим плотом. Стоило приподнять циновки, на которых мы спали, и в щелях между бревнами видно голубую, кристально чистую воду. Приглядишься — то плавник мелькнет, то хвост, а то и целую рыбу рассмотришь. Будь щели на несколько дюймов пошире, мы могли бы лежать в постели прямо из-под матраца вытаскивать рыбу.

Особенно полюбился плот корифенам и лоцманам. Первые корифены подошли к нам недалеко от Кальяо, и с тех пор до самого конца путешествия не было дня, чтобы они не сновали вокруг нас. Поди, угадай, чем их так притягивал плот? То ли им нравилась плавающая крыша, то ли манил наш огород из водорослей и ракушек, свисавших гирляндами с бревен и рулевого весла. Сначала бревна обволокла зеленая скользкая тина, дальше обрастание усилилось, и вскоре «Кон-Тики» стал похож на косматого водяного. А среди водорослей обосновались мальки рыб и наши безбилетные пассажиры — крабикки.

Одно время нас совсем одолели маленькие черные муравьи. Они жили в срубленных нами бревнах, а когда мы вышли в море и древесина намокла, муравьи высыпали наружу и стали искать спасения в наших спальных мешках. Не было уголка, куда бы не проникали эти мучители, они кусали и преследовали нас, хоть прыгай за борт. Однако, чем дальше мы уходили в океан, тем сырее становилось на плоту, и муравьи поняли, что очутились не в своей стихии. К концу плавания их уцелело лишь несколько.

Наряду с крабами лучше всех чувствовали себя на плоту морские желуди, достигавшие трех-четырёх сантиметров в длину. Они сотнями облепили бревна, особенно густо — с подветренной стороны. Соберешь сколько надо для супа, а на этом же месте развиваются новые. У них был приятный свежий вкус, а из водорослей мы делали салат — тоже можно есть, хотя и не так вкусно. И постоянно в наш огород, мелькая золотистым брюхом, заходили корифены; правда, нам так и не удалось подсмотреть, что они там едят.

Корифена — ярко окрашенная тропическая рыба. Те, которых мы ловили, были в длину от 100 до 135 сантиметров, туловище плоское, очень высокая голова и спина. Один раз мы вытащили корифену длиной в 143 сантиметра, высота головы — 37 сантиметров. У этой рыбы великолепная расцветка: в воде чешуя переливалась сине-зеленым цветом, плавники сверкали золотом. А вытащишь ее на плот, и на твоих глазах происходит удивительное превращение. Засыпая, рыба сперва становилась серой с черными пятнами, потом сплошь серебристо-белой. Но через четыре-пять минут к ней постепенно возвращалась первоначальная окраска. Да и в воде корифена иногда меняет цвет, словно хамелеон. заметишь какую-то «новую» рыбу медного цвета, присмотришься, а это наша старая знакомая — корифена.

Высокая голова, из-за которой корифена напоминает

сплющенного с боков бульдога, всегда торчала из воды, когда хищница, словно торпеда, мчалась вдогонку за косяком летучей рыбы.

Когда корифена была в хорошем настроении, она поворачивалась на бок, разгонялась и выскакивала из воды высоко в воздух, потом шлепалась в море, как блин, только брызги летели. Тут же следовал новый прыжок, еще и еще, с волны на волну. Если же рыба была не в духе, — скажем, когда мы вытаскивали ее из воды, — она больно кусалась. Торстейн долго ходил с забинтованным пальцем ноги и прихрамывал: он зазевался и попал пальцем в рот корифене, а она как следует его цапнула. После плавания мы слышали, будто корифены нападают на купальщиков и пожирают их. Это было не очень-то лестно для нас, ведь мы ежедневно купались среди корифен, однако они упорно нас избегали... Но они настоящие хищники, это точно, мы находили у них в желудке и кальмаров, и целиком проглоченных летучих рыб.

Вообще летучая рыба — любимое блюдо корифен; они, как бешеные, бросаются на все, что шевелится у поверхности, только бы не упустить лакомый кусок. Сколько раз бывало: выползешь, сонный, из каюты, сунешь зубную щетку в воду, и сразу весь сон долой — рыбина килограммов на пятнадцать выскакивает из-под плота и разочарованно тычетя носом в щетину. Или сядешь с завтраком у борта — и вдруг тебя обдаёт фонтаном воды: это корифена исполнила свой любимый прыжок.

Торстейн однажды показал просто невероятный трюк — такие случаются только в рассказах хвастливых рыбаков. Мы сидели и обедали, вдруг он отложил в сторону вилку, окунул руку в воду, и не успели мы оглянуться, как море забурлило и к нам на палубу шлепнулась здоровенная корифена. Все объяснилось просто: Торстейн поймал обрывок лески, а на другом ее конце была слегка озадаченная корифена, которую Эрик упустил накануне.

Что ни день, вокруг плота и под ним кружили шесть или семь корифен. Очень редко их было только две-три; зато на следующий день мы могли насчитать и тридцать, и сорок. Если нам хотелось свежей рыбы, достаточно было, как правило, сдать заказ коку за двадцать минут до обеда. Он привязывал леску к короткой бамбуковой палке и наживлял крючок половинкой летучей рыбы. Тотчас, рассекая лбом воду, какая-нибудь корифена бросалась на добычу, спеша опередить других. Она сильная, тянуть ее из воды одно удовольствие. У корифены отличное плотное мясо, вкусом что-то среднее между треской и лососем. Оно

держалось свежим два дня, а нам дольше и не нужно было: рыбы в море хватало.

С рыбой-лоцманом мы познакомились иначе, через акул, после гибели которых осиротевшие лоцманы переходили к нам. Первые акулы навестили нас вскоре после начала путешествия, и потом мы их видели почти ежедневно. Иногда они подходили просто с проверкой — делают круг-другой возле плота и отправляются дальше искать добычу. Но чаще всего акулы пристраивались к нам в кильватер за рулевым веслом и бесшумно шли там, смещаясь то влево, то вправо, изредка чуть шевеля хвостом, чтобы не отстать от неторопливо скользящего по волнам плота. Они держались у самой поверхности, качаясь вместе с волнами, и спинной плавник зловеще торчал из воды, а серо-синее туловище казалось бурым в лучах солнца. Большие валы поднимали их выше плота. Смотришь на гребень, а там, словно за стеклянной стеной, прямо на тебя не спеша идет акула, и лоцманы снуют у нее перед мордой. Так и кажется, что сейчас она вместе со своей полосатой свитой очутится на палубе. Но тут же плот, накренившись, взмывал на гребень и переваливал через него.

Первое время мы относились к акуле с большим почтением — такая уж у нее слава, да и вид грозный. Железные мускулы веретенообразного туловища обладают невероятной силой, а широкая плоская голова с кошачьими глазками и громадной — футбольный мяч войдет — пастью олицетворяет беспощадную кровожадность. Заслышав крик рулевого «акула слева!» или «акула справа!», мы хватали гарпуны и остроги и становились вдоль борта. Хищницы частенько подходили вплотную к бревнам, но остроги гнулись, как лапша, от встречи с наждачной спиной акулы, а гарпуны обламывались, и наше почтение к противнику только росло. Когда же нам все-таки удавалось пробить эту толстую кожу и поразить мускулы или хрящевой череп, это приводило лишь к тому, что после короткой ожесточенной схватки акула срывалась и уходила, окатив нас с ног до головы водой, и только жирное пятно расплывалось на поверхности моря.

Не желая терять последний гарпунный наконечник, мы связали гроздь из самых больших рыболовных крючков и наживили их корифеной. Из многожильного стального канатика сделали поводок, для лесы отрезали кусок от нашей спасательной веревки и закинули приманку. Акула уверенно, не спеша, подошла к ней, распахнула огромную полукруглую пасть, так что рыло высунулось из воды, и

корифена целиком исчезла в ее глотке. Попалась, проклятая! И давай отбиваться, вода в пену превратилась, но мы крепко держали веревку и подтянули зверюгу к корме. Она лежала в воде, разинув пасть, словно хотела нас напугать видом своих зубов, которые торчали, как пилы, но тут мы, улучив миг, с помощью набежавшей волны затащили добычу волоком на скользкие от тины бревна. Набросили ей на хвост петлю, чтобы не ушла, и отскочили в сторону, пока длился воинственный танец.

В хрящевом черепе первой добытой нами акулы мы обнаружили один из наших гарпунных наконечников и решили, что именно эта рана помогла нам одержать сравнительно легкую победу. Но за первой последовала вторая, третья, и каждый раз все шло как по маслу. Конечно, акулы бились и вырывались, и тянуть их было тяжело, но, если мы не отпускали лесу ни на дюйм, хищницы быстро падали духом и сдавались. Мы ловили бурых и синих акул длиной от 2 до 3 метров. У бурых шкура настолько крепкая, что мы еле-еле могли ее проткнуть острым ножом. Причем на брюхе кожа такая же прочная, как на спине, и единственное уязвимое место хищницы — жаберные щели позади головы, по пяти с каждой стороны.

Вытащишь из воды акулу, а на ней сидят скользкие черные прилипалы. Овальный присосок на макушке плоской головы позволял им буквально прирастать к акуле, сколько ни тяни за хвост — не оторвешь. А сами они мгновенно отцеплялись и перескакивали на другое место. Когда до них доходило, что «хозяин» уже не вернется в родную стихию, прилипалы сквозь щели в плоту ныряли в море и шли искать другую акулу. Не найдет акул — на время прицепится еще к какой-нибудь рыбе. Нам попадались прилипалы длиной от десяти до тридцати сантиметров. Мы решили испытать старую уловку полинезийцев: поймав живьем прилипалу, они привязывали ему за хвост веревку и пускали обратно в воду. Прилипала присасывался к первой попавшейся рыбе, да так крепко, что удачливый рыбак мог вытащить за веревку обоих. Но у нас ничего не получилось. Каждый раз, когда мы выпускали в воду прилипалу, он немедленно присасывался к ближайшему бревну нашего плота, должно быть, принимая его за редкостно крупную акулу. И сколько ни тяни — не оторвешь. Постепенно среди ракушек на днище плота собралась целая колония небольших прилипал, и они прошли так с нами через весь Тихий океан.

Но прилипала глуп и безобразен, и как домашнее животное нам гораздо больше нравился веселый лоцман.

Это небольшая сигаровидная рыбка, полосатая, как зебра; лоцманы стаями вертятся перед носом акулы, образуя ее свиту. Свое название они получили потому, что их долго считали как бы проводниками плохо видящих акул. На самом деле лоцманы сами лишь слепо следуют за акулой и уходят вперед только тогда, когда в поле зрения появляется что-то съедобное. Лоцманы тоже до последней секунды оставались верны своему господину и повелителю. Но ведь они в отличие от прилипалы не могут судорожно уцепиться за хозяина и совсем терялись, когда тот вдруг возносился в воздух и больше не возвращался. Они ошалело металась взад-вперед, искали акулу, снова и снова возвращались к тому месту, где потеряли ее. А акулы нет как нет, и приходилось им искать себе нового покровителя. Кстати, под рукой был наш «Кон-Тики».

Окунешь голову в чистую, как стеклышко, воду, и днище плота предстает твоему взгляду, словно брюхо морского чудовища. Вон там хвост (рулевое весло), вот тупые плавники (шверты), а между ними бок о бок плавали усыновленные нами лоцманы. Булькающая пузырями человеческая голова их ничуть не смущала, разве что один два разведчика подойдут, обнюхают вам нос и тотчас возвращаются в строй.

Наши лоцманы составили два отряда: большинство держались между швертами, остальные шли веером перед носом плота. Иногда, завидев что-нибудь съедобное, они бросались вперед. А когда мы после еды споласкивали посуду, можно было подумать, что кто-то высыпал в воду целый ящик живых полосатых сигар: каждая крошка тщательно исследовалась, и все, кроме растительной пищи, исчезало в желудках лоцманов. Причудливые рыбешки с таким чисто детским доверием искали у нас защиты, что мы испытывали к ним какое-то отеческое чувство. Строгое табу охраняло этих подводных домашних животных «Кон-Тики» от посягательств со стороны членов команды.

Среди наших лоцманов были еще совсем юные, меньше дюйма в длину, но преобладали полуфутовые. Когда китовая акула, которую поразил гарпуном Эрик, молнией ринулась прочь, часть ее лоцманов переметнулась к победителю; они были около двух футов в длину. После серии побед над акулами свита «Кон-Тики» выросла до сорока — пятидесяти лоцманов. Многим из них наш неторопливый ход и крошки с нашего стола настолько пришлись по вкусу, что они плыли за нами много тысяч километров.

Но не все оставались нам верны. Однажды, когда я стоял на руле, море к югу от плота закипело: косяк кори-

*В Нью-Йоркском Клубе
исследователей. Тур Хейердал —
второй справа*

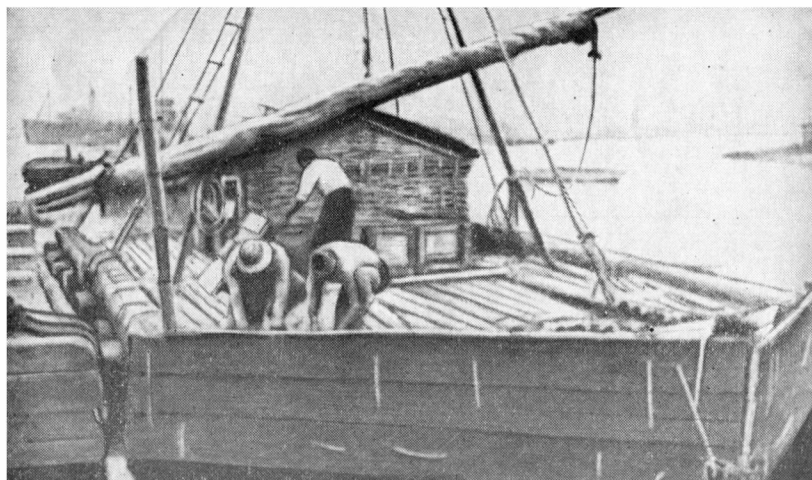

*Бальса сплавляется по реке
к морю*

Девять бревен в порту Кальяо

Скоро плот будет готов

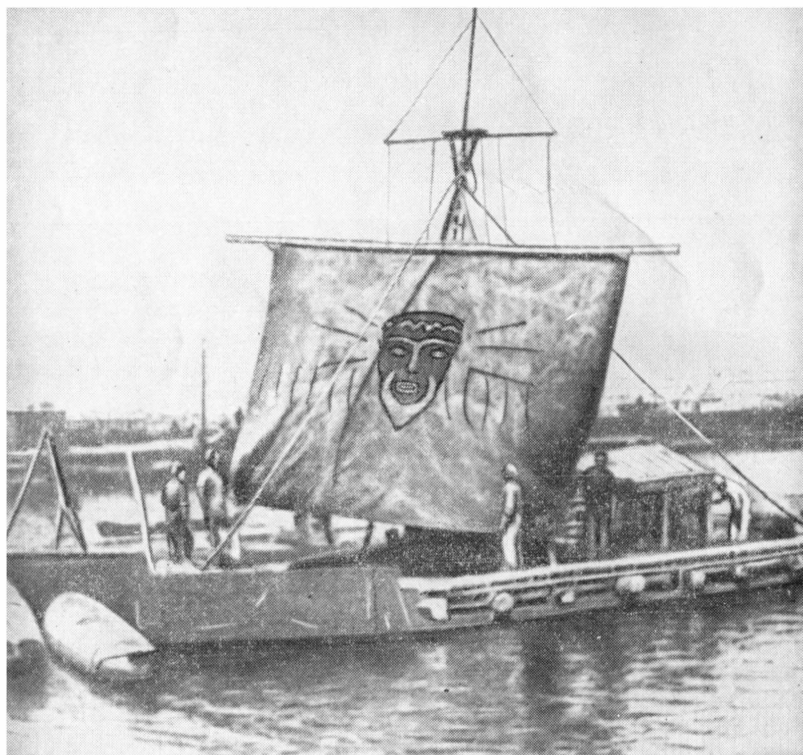

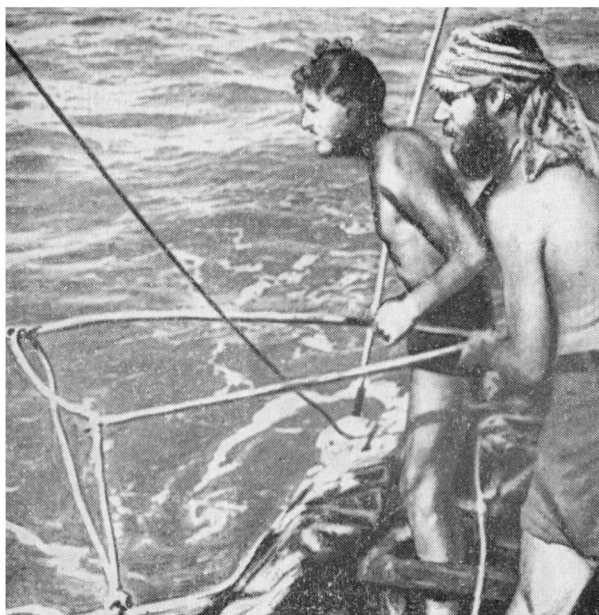
Мы увидели китовую акулу

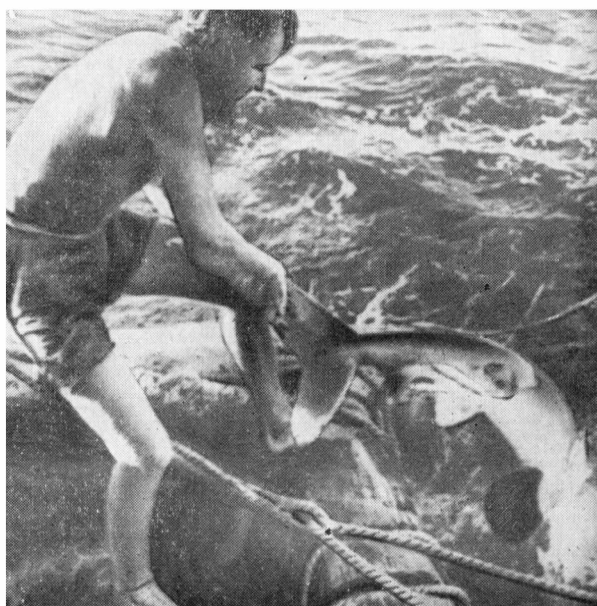

*Вот такие тунцы нам
попадались!*

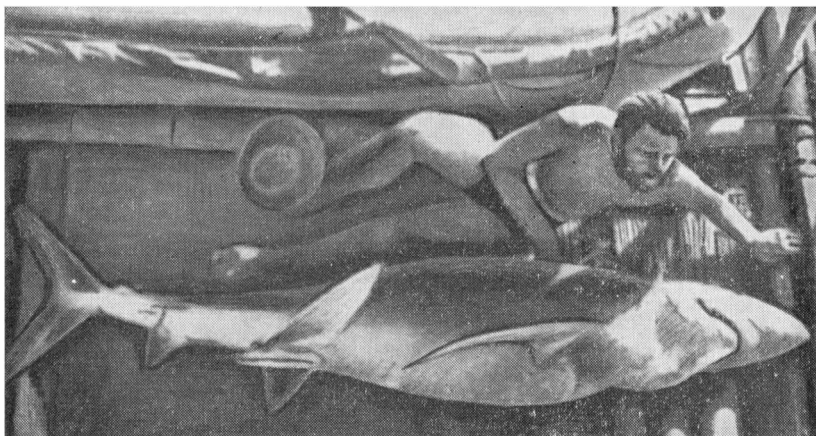
*На парусе — голова древнего
бога Кон-Тики*

Рекордный трофей

Хессельберг часто брал в руки гитару

Акул мы вытаскивали из воды за хвост

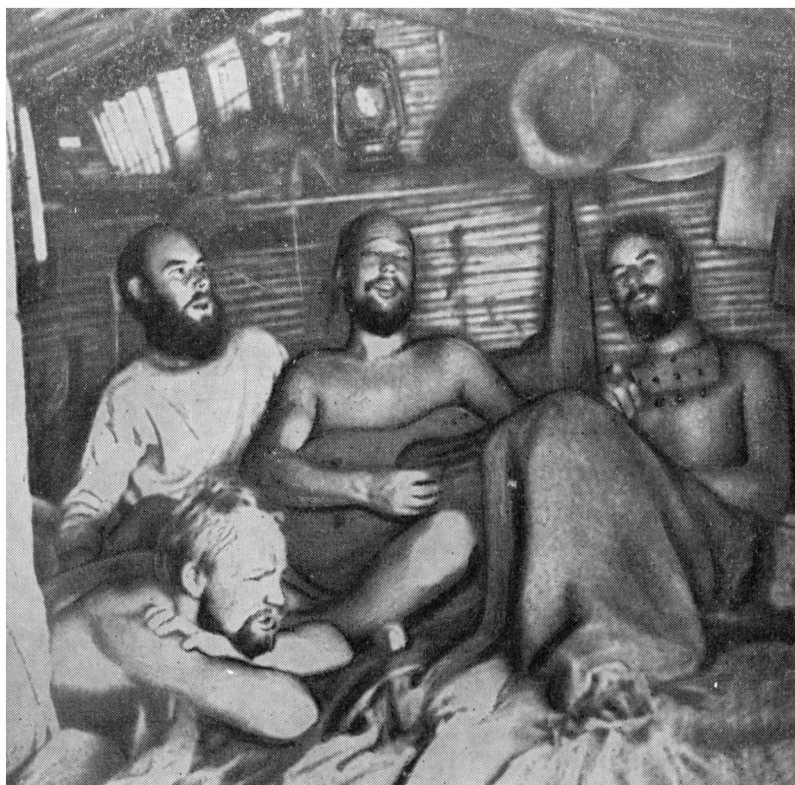

На руле

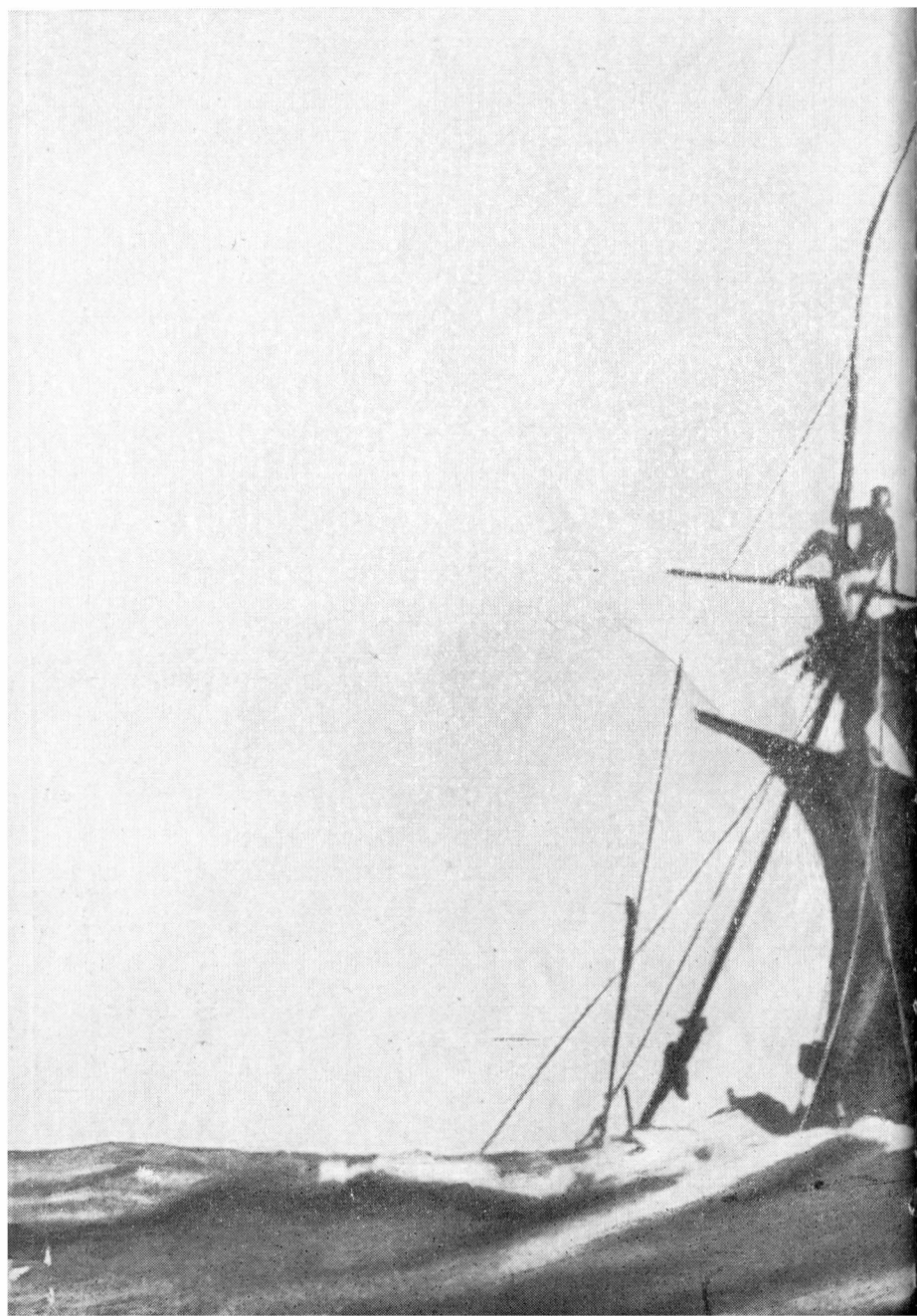
С мачты виднее

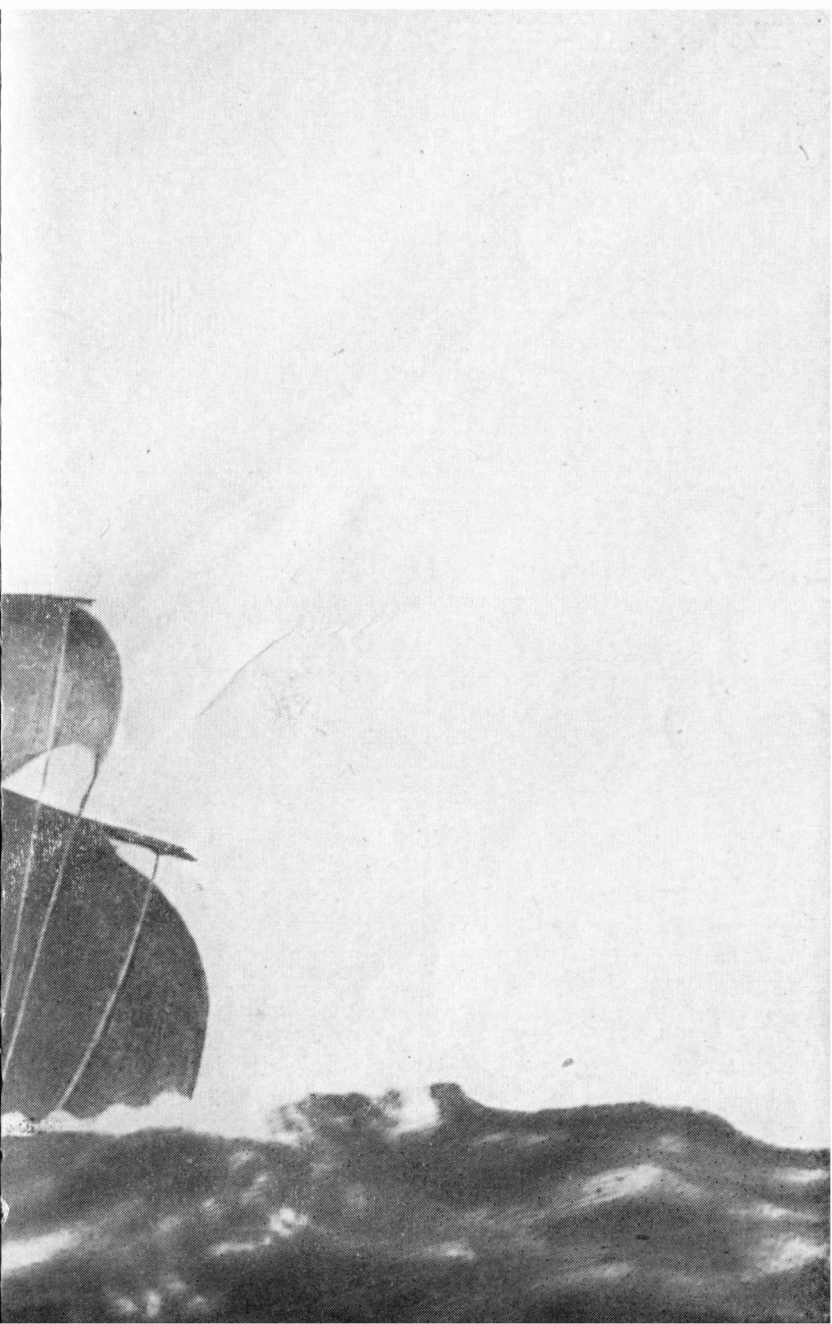

Бенгт Даниэльссон (сидит первый слева) считал наш рейс лучшим отпуском в своей жизни

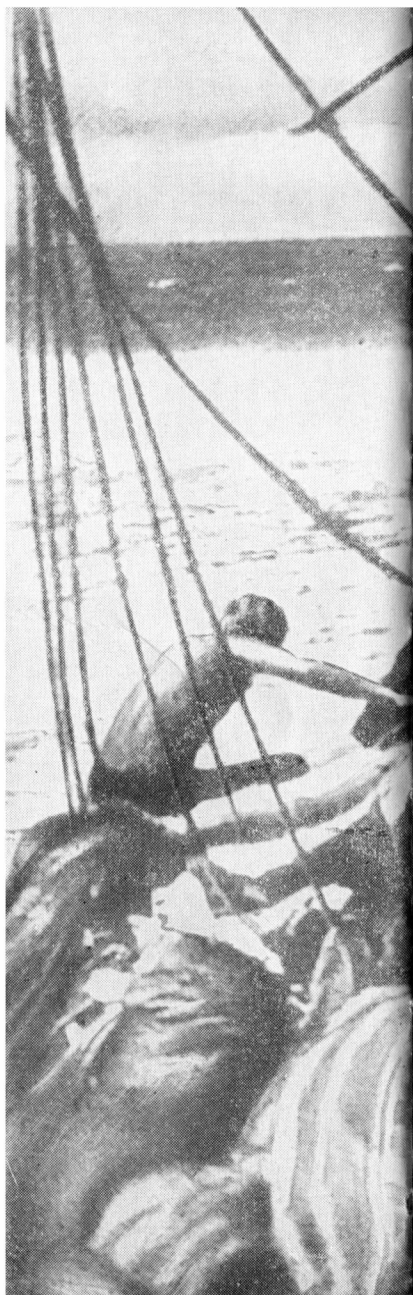

В открытом океане

«Кон-Тики» на рифе

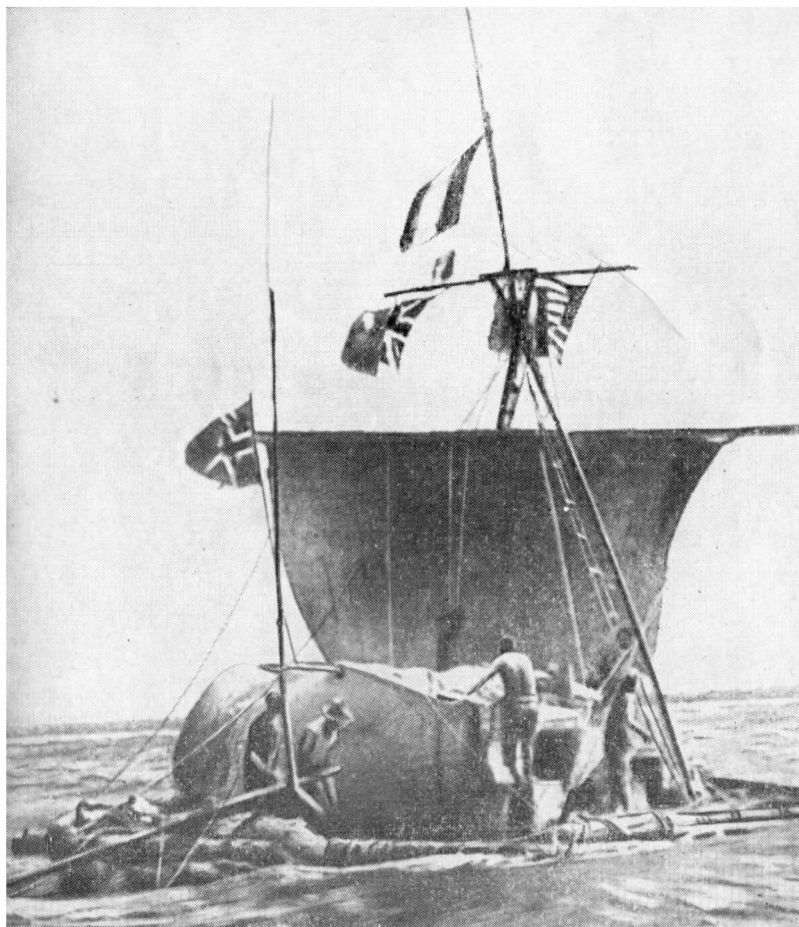
До острова рукой подать

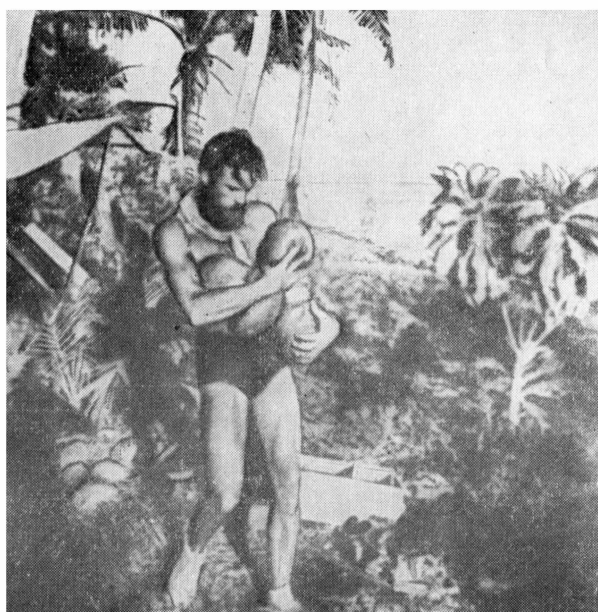
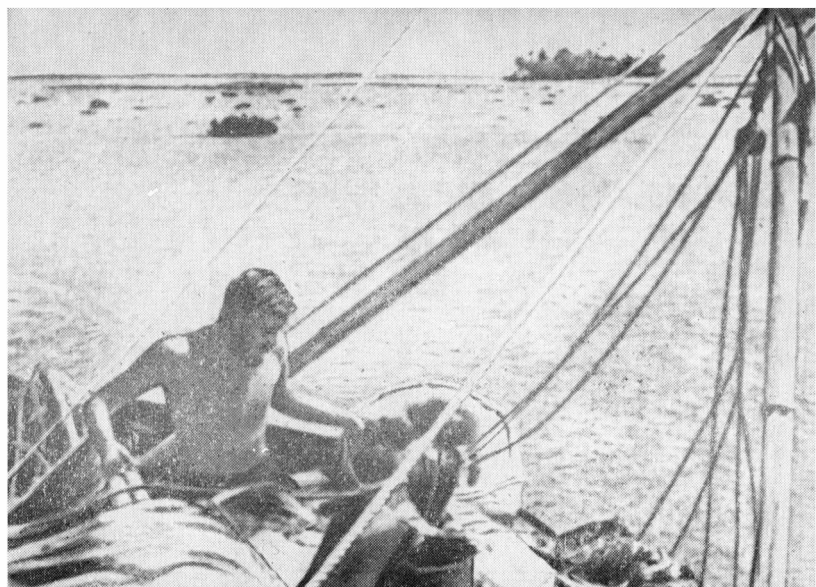

*Эти орехи мы привезли с собой
из Южной Америки*

*Подходим к полинезийским
островам*

Последние метры

фен пронизывал волны, словно серебристые торпеды. Они не плескались игриво, а неслись, как безумные, больше по воздуху, чем по воде. Спасаящиеся бегством корифены вспенили голубые валы, а следом, словно глиссер, зигзагами мелькала над водой черная спина. Возле плота объятые ужасом корифены ушли вглубь, но около сотни из них, идя плотным слоем, свернули на восток, и море за кормой вспыхнуло яркими красками. Лоснящаяся спина изогнулась в воздухе, красиво нырнула под плот и стрелой метнулась вдогонку за косяком. Мы успели разглядеть здоровенную синюю акулу длиной в 5—6 метров. Через минуту она исчезла вдали, и с ней — многие наши лодманы, которым новый герой показался интереснее, чем наш «Кон-Тики».

Но изо всех морских чудовищ нам особенно советовали остерегаться гигантского кальмара, который был способен забраться на плот. В Географическом обществе в Вашингтоне мы видели отчеты и драматические фотографии, снятые в одном из районов течения Гумбольдта, где в огромном количестве водились чудовищные кальмары, ночью всплывающие к поверхности. Мол, они настолько прожорливы, что, если один попадет на крючок, соблазненный куском мяса, другие тотчас принимаются поедать своего незадачливого сородича. Своими громадными ручищами кальмар может задушить самую большую акулу, его присоски оставляют страшные следы на коже кита, да еще в основании щупалец скрыт грозный, хищный клюв. Всплывает ночью и лежит на воде, сверкая своими светящимися глазами, а щупальца у него такие длинные — весь плот обшарят, а то и сам на палубу влезет. Проснуться ночью от того, что холодная рука тянет тебя за шею из спального мешка, нам вовсе не улыбалось, и мы запаслись острыми, как сабля, мачете, на случай если попадем в объятия кальмара. Эта угроза казалась нам всего страшнее, когда мы собирались в путь, тем более что перуанские океанологи тоже говорили об этом и даже показали на карте самый опасный участок — как раз посреди течения Гумбольдта.

Мы долго не замечали никаких кальмаров ни на плоту, ни в море. Но вот однажды утром мы получили первый сигнал. Когда рассвело, на плоту лежал детеныш кальмара, величиной с кошку. За ночь он неведомо как взобрался на плот и теперь лежал мертвый перед входом в хижину, обхватив щупальцами бамбуковые жерди. Возле него чернела лужица густой жидкости, и по палубе тянулась дорожка того же цвета. Заполнив несколько страниц

в судовом журнале этими чернилами, напоминающими тушь, мы выбросили гостя за борт, к большой радости корифен.

Этот скромный эпизод мы восприняли как предупреждение. Теперь жди посетителей поздоровее... Если детеныш смог влезть на плот, то и его прозорливые родители сумеют. Должно быть, наши предки, викинги, когда сидели в своих ладьях и ждали, что вот-вот встретят морского змея, чувствовали примерно то же самое.

Но то, что произошло дальше, нас озадачило. Рано утром мы нашли совсем маленького кальмаренка на крыше каюты. Головоломка! Сам он туда не влез, это видно по тому, что нигде не было чернильных пятен, только черное кольцо вокруг самого «младенца». Его не уронила на крышу морская птица, иначе мы нашли бы метки от клюва или когтей. Видимо, его забросило туда волной, хотя никто из ночных вахтенных не мог припомнить такой здоровенной волны. И пошло: что ни утро — новые находки, причем самые маленькие кальмарята были длиной с палец.

Стало обычным, что мы по утрам вместе с летучей рыбой подбирали на палубе одного-двух маленьких кальмаров, даже если ночью не было никакого волнения. Вот уж поистине дьявольское отродье: восемь длинных рук, усевянных присосками, да еще два ловчих щупальца с крючками на концах. Но крупные кальмары не делали попыток забраться на плот. В темные ночи мы наблюдали на поверхности моря светящиеся глаза, а однажды днем вода вдруг забурилась, закипела, и в воздухе будто завертелись большие колеса, при этом часть наших корифен бросилась наутек, выскакивая из воды. Но только через два насыщенных событиями месяца после того, как мы вышли из пресловутого кальмарового района, мы получили ответ, почему взрослые не поднимались на борт, хотя их потомство каждую ночь навещало нас.

Мы по-прежнему собирали на палубе кальмарят. И вот в одно солнечное утро мы все увидели, как что-то вырвалось из воды и с шумом взлетело в воздух, словно большие капли дождя, спасаясь от вспенивших море корифен. В первую минуту мы подумали, что это еще какой-то вид летучей рыбы; мы уже познакомились с тремя. Но когда рой блестящих капель приблизился к плоту, летя на высоте полутора метров, что-то ударило Бенгта в грудь, шлепнулось на палубу и обернулось... маленьким кальмаром. Мы немало удивились и поместили малыша в брезентовое ведро с морской водой. Он напрягся и пошел вверх, но в ведре не мог хорошенько разогнаться и лишь напо-

ловину выскочил из воды. Известно, кальмар перемещается по тому же принципу, что реактивный самолет. С огромной силой он проталкивает воду через канал внутри тела и быстрыми рывками плывет задом наперед, а собранные в гроздь щупальца тянутся за головой, делая кальмара обтекаемым. Две округлых, мясистых кожных складки по бокам работают как рули и как весла, когда кальмар не торопится. А теперь мы еще узнали, что не умеющие постоять за себя кальмарята, любимое блюдо многих крупных рыб, уходят от погони, взлетая в воздух, как и летучие рыбы. Они освоили реактивное движение задолго до того, как до этого додумался человеческий гений. Прокачивая сквозь себя воду, они набирают хорошую скорость и, действуя кожными складками как крыльями, под острым углом выскакивают из воды. И парят над волнами, сколько хватит разгона. Мы часто видели, как маленькие кальмары пролетали сорок — пятьдесят метров, либо в одиночку, либо по двое, по трое. Зоологи, которым мы потом рассказывали об этом, никогда раньше не слышали, что кальмар умеет планировать в воздухе.

На тихоокеанских островах меня часто угощали кальмаром: на вкус это помесь омара с резиной. Но на «Конттики» кальмар занимал в меню самое последнее место. И когда на палубу свалился такой неожиданный дар, мы спешили обменять его на что-нибудь другое. Обмен происходил просто: забросишь крючок, наживленный кальмаром, и вытащишь хорошую рыбину. Даже тунцы и бониты жадно брали такую приманку, а они у нас шли по высшему разряду.

Дрейфуя с волнами, мы встречали не только знакомые виды. В нашем дневнике много записей такого рода.

«11/V. Сегодня вечером, когда мы ужинали на краю плота, рядом с нами два раза всплыло какое-то громадное морское животное. Вспенит всю воду и исчезнет. Мы не могли понять, что это такое».

«6/VI. Герман видел толстую рыбу с темной спиной и белым брюхом, у нее был тонкий хвост и много шипов. Она выскакивала из воды справа от плота».

«16/VI. Слева по носу замечена странная рыба. Длина — 2 метра, ширина — один фут, коричневая, длинное, тонкое рыло, на спине около головы большой плавник, посередине — второй, поменьше, огромный серповидный хвостовой плавник. Держалась у поверхности, иногда плавала, как угорь, извиваясь всем туловищем. Ушла вглубь, когда мы с Германом взяли гарпун и сели в надувную

лодку. Потом появилась опять — и снова нырнула, уже насовсем».

На следующий день:

«В полдень Эрик с верхушки мачты заметил тридцать—сорок длинных, тонких бурых рыб такого же рода, как виденная нами вчера. Они шли очень быстро с левого борта и исчезли вдали за кормой, слившись в сплошное бурое пятно».

«18/VI. Кнют наблюдал какое-то тонкое, похожее на змею животное, длиной в два-три фута, оно стояло в воде торчком у самой поверхности, потом ушло вглубь, извиваясь по-змеиному».

Два или три раза мы проплывали мимо чего-то темного, громадного, неподвижно застывшего у самой поверхности, ну прямо подводный риф. Наверное, это был грозный гигантский скат; но сам он не двигался с места, а мы не могли подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть его.

Понятно, в таком обществе мы не могли пожаловаться на скуку. Но иногда мы не были ему рады, скажем, когда надо было самим лезть в воду, чтобы осмотреть днище. Как-то раз одна из швертовых досок отвязалась и ушла в щель под плот. Там она за что-то зацепилась, и мы никак не могли ее вытащить. Лучшими ныряльщиками считались у нас Герман и Кнют. Дважды Герман нырял под плот и, окруженный корифенами и лоцманами, тянул и дергал доску. Только он вынырнул после второго захода и сел на краю плота перевести дух, вдруг мы в каких-нибудь 3 метрах увидели восьмифутовую акулу, которая шла откуда-то снизу курсом на ноги Германа. Возможно, мы ее зря обидели, но нам показалось, что акула замыслила недоброе, и мы всадили ей в голову гарпун. Акула вознегодовала, и завязалась лихая схватка. В итоге хищница ушла, оставив на поверхности воды маслянистое пятно, а доска осталась лежать под плотом.

И тут Эрику пришлось в голову смастерить водолазную корзину. Мы не были богаты сырьем, но нашелся бамбук, нашлись веревки и старая корзина из-под кокосовых орехов. Мы надставили корзину бамбуковыми жердями и заплели веревками пространство между ними. Теперь можно было спускаться под воду. Наши ноги — приманка для морских хищников — были скрыты в корзине. Правда, веревочная сетка была скорее психологической, чем реальной защитой, но в крайнем случае можно было, заметив что-то опасное, присесть и сжаться в комок, а друзья на палубе мигом вытянут тебя из воды.

Эта водолазная корзина сочетала в себе полезное и приятное. Постепенно она стала для команды своего рода увеселительным учреждением, ведь мы теперь могли вволю изучать плавающий аквариум под нашим «Кон-Тики».

Когда по поверхности океана катили длинные, длинные валы, мы поочередно спускались в корзине и сидели под водой, сколько хватало дыхания. Здесь царило своеобразное освещение, приглушенное и без теней. И не поймешь, откуда свет идет, не то что в надводном мире. Блики сверкают и вверху, и внизу; и солнце не где-то в определенной точке, а словно равномерно разлито повсюду. Днище плота купалось в ярком магическом свете — вот они, девять могучих бревен и сеть веревочных креплений, а по краям и вдоль рулевого весла колышутся светло-зеленые гирлянды водорослей. Идут, послушно держа строй, лоцманы — эти зебры в рыбьем обличье; вокруг них нервно скользят прожорливые корифеи. Светится розовая древесина торчащих из щелей швертов, усеянных мирными колониями светлых морских уточек, которые мерно взмахивают желтой бахромой жабр, добывая себе пищу и кислород. При опасности они тотчас захлопывали створки с желтоватой или розовой каймой и не открывали дверь, пока враг не уйдет. После яркого тропического солнца подводный свет казался нам удивительно мягким, чистым и приятным. Даже если смотреть вниз, где в пучине таится вечная ночь, глаз ласкает голубое сияние пронизанной солнцем толщи. И на самом дне этой хрустальной толщи можно различить рыб — то ли бониты, то ли еще кто-то, не опознать: уж очень глубоко. Иногда они шли огромными косяками. Может быть, в полосе течения всегда много рыбы? Или их привлек наш «Кон-Тики» и они решили несколько дней провести в нашем обществе?

Мы особенно любили спускаться в корзину, когда нас навещали щеголяющие золотистыми плавниками огромные тунцы. Иногда они ходили косяками, но чаще всего по двое, по трое, и несколько дней подряд мерно скользили вокруг плота, если только не попадались на наши крючки. Смотришь с плота — неуклюжие бурые туши, никакого изящества. А окунешься в их родную стихию — что за штука: и цвет не тот, и рыба не та! До того разительная перемена, что мы возвращались на плот проверить, не обознались ли. А они на нас ноль внимания, плывут как ни в чем не бывало, но до чего же изящные, элегантные, никакая другая рыба с ними не сравнится. Цвет металлический, с фиолетовым отливом. Этакая увесистая торпеда из сверкающей стали и серебра, идеально обтекаемая

форма, безусловно отрегулированная плавучесть. Чуть шевельнет одним, другим плавником, и 70—80-килограммовая туша удивительно легко рассекает воду.

И чем ближе мы соприкасались с морем и его обитателями, тем лучше его понимали, тем увереннее себя чувствовали в нем. Мы прониклись уважением к первобытным людям, которые жили в Тихом океане, жили Тихим океаном, а потому воспринимали его совсем не так, как мы. Спору нет, мы определили солевой состав, дали тунцу и корифене латинские имена. Древние до этого не додумались. И все-таки, сдается мне, их представление о море было вернее нашего.

Океан не баловал нас твердыми ориентирами. Волны и рыбы, солнце и луна — все непрерывно перемещалось. Мы с самого начала зарубили себе на носу, что на протяжении всех восьми тысяч километров от Перу до островов Южных морей суши не будет. Тем сильнее мы удивились, когда, подойдя к 100° западной долготы, прямо по курсу увидели на карте пунктирный кружочек, обозначающий риф. И так как карта была совсем свежая, мы поспешили раскрыть «Лоцию для Южной Америки», где прочли:

«В 1906 году, а затем в 1926 году были получены сообщения о бурунах, наблюдавшихся примерно в 600 морских милях к юго-западу от Галапагосских островов, на 6°42' южной широты и 99°43' западной долготы. В 1927 году с судна, проходившего в одной морской миле к западу от этой точки, ничего не было замечено, в 1934 году другое судно прошло в миле к югу и также не обнаружило бурунов. В 1935 году теплоход «Каури» производил в этой точке промеры до глубины 160 саженей, но дна не достал».

Судя по карте, район этот все еще считался ненадежным, и мы решили идти прямо к загадочной точке и обследовать ее, ведь плот не корабль, ему мели не так страшны. Риф был помечен чуть севернее предполагаемой линии нашего дрейфа, поэтому мы повернули парус и руль так, чтобы нос плота смотрел на север. Теперь мы принимали ветер и волны с правого борта, а тут еще посвежело, и в итоге Тихий океан чаще обычного совал нос в наши спальные мешки. Нас утешало то, что «Кон-Тики» доказал свою способность уверенно идти под неожиданно большим углом к ветру. Правда, стоило нам выйти из бакштага, как начиналась потасовка, чтобы снова подчинить себе плот. Двое суток шли мы курсом норд-норд-вест. А ветер дул то с востока, то с юго-востока, стройные шеренги волн поломались, гребни норовили подмять нас, но плот переваливал через них. На мачте постоянно кто-ни-

будь сидел, ловя секунды, когда «Кон-Тики» взлетал на высокой волне и кругозор увеличивался. Валы вздымались на два метра над каютой, а когда две волны сталкивались, они, борясь между собой, поднимались еще выше, и невозможно угадать, куда обрушится шипящий гребень... На ночь мы нагромодили ящики у входа в каюту, но это нас не спасло. Только уснули, вдруг на стену обрушился первый удар, тысячи струек прорвались сквозь щели, а через ящики внутрь ринулся пенящийся каскад.

— Позвоните водопроводчику, — послышался чей-то сонный голос. Но водопроводчик не пришел, и как мы ни жалась к стенкам, чтобы вода могла стекать через пол, за ночь к нам в постели натекло столько воды, что купаться не надо. А во время вахты Германа волна забросила на плот здоровенную корифену.

На следующий день пассат решил, что хватит метаться, лучше дуть прямо с востока, и волны утихомирились. Плот должен был достичь заветной точки еще до полудня, и мы то и дело сменялись на мачте. В этот день мы наблюдали особенно много разных рыб, может быть, потому, что смотрели внимательнее.

Утром увидели большую рыбу-меч, которая мчалась прямо на плот. Между двумя острыми плавниками, торчавшими из воды, было метра два; меч казался таким же длинным, как туловище. У самой кормы плота рыба-меч заложила крутой вираж и скрылась за гребнями. А когда мы принялись за обед, приправленный морской водой, конусовидная волна рядом с нами подняла вверх большую черепашу, широко растопырившую свои ласты. Через секунду волна схлынула и черепаха пропала так же внезапно, как появилась. Мы успели только заметить, что под ней бледно-зелеными молниями сверкали корифены. Здесь было на редкость много крохотных, не больше дюйма, летучих рыб. Они целыми косяками взлетали в воздух и часто приземлялись на плоту. Появились поморники, то и дело над плотом кружили фрегаты — хвост, как ножницы, этакие здоровенные ласточки. Принято считать, что фрегат не улетает далеко от суши, поэтому настроение на борту сразу поднялось.

— Глядишь, найдем песчаную косу или хотя бы подвойный камень, — мечтали ребята.

А самый главный оптимист сказал:

— Вдруг там зеленый бугорок торчит, здесь же почти никто не бывал! Откроем остров и назовем его Кон-Тики!

Начиная с полудня, Эрик все чаще взбирался на кухонный ящик и колдовал секстантом. В 18.20 он объявил, что

наши координаты — 6°42' южной широты и 99°42' западной долготы. Всего одна миля отделяла нас от помеченного на карте рифа. Мы спустили рею и убрали парус. Ветер восточный, он приведет нас точно в нужное место. Солнце нырнуло в океан, и луна включила на полную мощность свой прожектор, осветив морскую гладь: от края до края — черные тени, серебряные блики. Видимость с мачты была хорошей. Куда ни погляди — длинные шеренги волн, и всюду рушатся гребни, но нигде не видно бурунов, указывающих на отмель или риф. Спать не хотелось, все жадно всматривались в горизонт, на мачте висело сразу по два, по три человека. Мы медленно проходили над заветным местом, непрерывно промеряя глубину. Весь наш запас свинцовых грузил был привязан к восьмисотметровому шелковому канатику в пятьдесят четыре нитки. Даже если считать наклон из-за сноса, наш лот достигал глубины не меньше шестисот метров. Но ни к востоку от помеченной точки, ни в ней самой, ни к западу от нее мы не нащупали дна. Напоследок еще раз внимательно осмотрели все до самого горизонта, убедились, что можно считать район обследованным и свободным от каких-либо мелей, потом подняли парус и легли на прежний курс, заданный самой природой. Опять наш плот шел в левый бакштаг, опять волны обрушивались на корму и здесь же уходили в щели между бревнами. Можно было спать в сухой постели и есть, не опасаясь душа, хотя ветер снова принялся метаться от востока к юго-востоку и волны затеяли лихую потасовку.

Разыскивая мнимый риф, мы узнали кое-что о том, как работают наши шверты. Позднее Герман и Кнют, вместе нырнув под плот, вытащили наконец пятую доску, и мы совсем приблизились к разгадке секрета этих приспособлений, который был утрачен, когда индейцы перестали ходить на плотках. Нетрудно было сообразить, что эти доски — своего рода шверткиль, позволяющий идти под углом к ветру. Но ведь первые испанские путешественники сообщали, что индейцы, выйдя в море, «управляли» плотом «с помощью досок, которые они просовывали в щели между бревнами». Это казалось непостижимым всем, кто занимался загадкой швертов, в том числе и нам. Ведь доска плотно зажата в щели, ее нельзя повернуть, какой же это руль?..

Вот как раскрылся секрет.

Дул ровный ветер, волны улеглись, и «Кон-Тики» уже несколько дней выдерживал курс при закрепленном рулевом весле. Тут мы просунули выловленную доску в щель

на корме — в ту же секунду плот рыснул на несколько градусов к северо-западу и пошел новым курсом. Вытянули доску обратно — «Кон-Тики» вернулся на прежний курс. Опустили — опять повернул; вытянули наполовину — пошел средним курсом. Не трогая рулевого весла, а только маневрируя швертом, мы могли менять курс. В этом и заключалась гениальная идея индейцев. Они создали простую систему равновесия, где мачта и парус играли роль опорной точки, фиксированной давлением ветра. Плечами рычага служили передняя и задняя части плота. Если общая площадь швертов в задней части «перевешивала», плот рыскал, если же «перевешивали» носовые доски, плот уваливался. Меньше всего, естественно, влияют шверты, расположенные ближе к мачте, они образуют более короткое плечо. Если идти точно по фордевинд, доски перестают действовать, но тогда все время надо рулить веслом, чтобы выдерживать курс; к тому же, идя перпендикулярно волне, плот не так легко переваливал через гребни, сказывалась его длина. А так как вход в каюту и кухня-столовая были в правой части плота, мы предпочитали идти левым бакштагом.

Конечно, можно было так и продолжать плавание — пусть рулевой маневрирует швертом, вместо того чтобы тянуть весло. Но мы уже приновились к веслу и рулили им, а швертами только задавали общий курс.

Следующая важная веха на нашем пути была такой же невидимой, как таинственный риф.

На сорок пятый день плавания мы прошли 108° западной долготы и завершили первую половину нашего путешествия. Позади, в 4 тысячах километрах на восток, лежала Южная Америка, и ровно столько же осталось до Полинезии на западе. Ближайшая суша — Галапагосские острова, направление ост-норд-ост, и остров Пасхи точно на зюйд, но и до них не близко: 2 тысячи километров. За все эти дни мы не встретили ни одного судна и, как видно, не встретим, ведь мы идем вдали от обычных путей.

Но мы не чувствовали этих огромных расстояний, потому что наш кругозор не менялся, горизонт перемещался вместе с нами, и мир наш ограничивался все той же полусферой небосвода с плотом в центре, и каждую ночь над головой загорались одни и те же звезды.

Через Тихий океан. II

Потешное судно. — Прогулка на надувной лодке. — К чему приводит развязность. — Без ориентиров. — Бамбуковая хижина в океане. — На долготе острова Пасхи. — Загадка острова Пасхи. — Боги-великаны и каменные исполины. — Парики из красного камня. — Творения «длинноухих». — Тики — связующее звено. — Красноречивые наименования. — Мы ловим акул руками. — Попугай. — Вызывает L12B. — Звездный компас. — Три волны. — Шторм. — Кровь в воде, кровь на палубе. — Человек за бортом. — Еще один шторм. — «Кон-Тики» становится разболтанным. — Привет из Полинезии

Если море вело себя смирно, мы садились в надувную лодку и отправлялись на прогулку с фотоаппаратом. Никогда не забуду первый раз, когда двое из команды, видя, что погода тихая, решились спустить на воду этот резиновый пузырь и прогуляться на нем по волнам. И только отъехали от плота, как выпустили из рук маленькие весла и покатались со смеха. Лодка то поднималась на гребне, то ныряла в ложбину, а они, глядя на нас, хохотали так, что гул стоял над Тихим океаном. Мы растерянно посмотрели налево, направо... Ничего смешного, разве что наши обросшие физиономии, но к ним-то они давно должны были привыкнуть. Постой, уж не сошли ли они с ума? Очень просто — солнечный удар и все такое... Между тем двое приятелей до того обессилели от смеха, что еле добрались обратно до «Кон-Тики». Вытерли глаза, перевели дух и предложили нам самим сесть в лодку и полюбоваться.

Мы с Кнютотом прыгнули в качающуюся резиновую лодку; в ту же минуту нас отнес в сторону могучий вал.

Теперь уже мы расхохотались, да как! Пришлось, срочно грести к плоту, чтобы успокоить последнюю двойку, пока они не решили, что мы все безнадежно свихнулись.

А смеялись мы потому, что очень уж дико и слепо выглядело со стороны наше гордое судно со своей командой. До сих пор мы просто не знали, как все это смотрится в открытом море, а зрелище было презабавное. Малейшая волна заслоняла бревна, и мы видели, да и то не всегда, лишь торчащую из воды низенькую хижину с широким входом и лохматой крышей. Словно в океан невесть откуда занесло старый норвежский сарай — скособочившийся сеновал, занятый загорелыми бородатыми бродягами. Наверно, точно так же мы бы смеялись, увидев, что за нами гонится корыто, полное гребцов. Гребни волн катили чуть не вровень с крышей, и казалось, что вода без помех вторгается прямо в дверь, захлестывая глазающих бородачей. Но вот сарайчик снова всплыл, и бродяги лежат как лежали — все такие же косматые и невозмутимые. За волнами повыше исчезала не только хижина, но и мачта, и парус, а схлынет — сеновал тут как тут, никуда не делся.

Поглядишь так со стороны на это хлипкое сооружение, и даже удивительно, что до сих пор все обходилось благополучно.

Но в следующий раз, когда мы вышли на лодке за порцией здорового смеха, чуть не случилась беда. Мы недооценили силу ветра и волн, «Кон-Тики» рассекал волны гораздо быстрее, чем мы думали. Пришлось нам крепко поработать веслами, чтобы догнать своенравный плот, который не мог остановиться и подождать нас, не говоря уже о том, чтобы развернуться и подойти к нам. Ребята спустили парус, но каюта-то оставалась; и ветер гнал плот на запад с такой скоростью, что мы на круглой пляшущей лодчонке еле-еле поспевали за ним, орудуя крошечными веслами. Только бы не потерять друг друга — эта мысль владела всеми. Немало неприятных минут мы пережили, прежде чем нагнали отбившийся от рук плот и воссоединились с товарищами.

С того дня было строго-настрого запрещено выходить на надувной лодке, не привязавшись к плоту длинным канатом, чтобы в случае чего ее можно было подтянуть обратно. И лишь когда ветер совсем стихал и волны вели себя смиренно, мы решались отойти подальше. Несколько таких дней выдалось примерно на полпути, среди простершегося во все стороны могучего океана. Мы спокойно покидали «Кон-Тики» и гребли в голубую даль между небом и морем. Посмотришь — плот все меньше и меньше, парус

словно непонятная клеточка на горизонте; и в душе закрадывается чувство предельного одиночества. Под нами синее море, над нами синее небо, и, встречаясь, они незаметно сливались воедино. И вот уже кажется, что мы свободно парим в воздухе, и ничего кругом, только синева, ни единого ориентира, кроме жгучего тропического солнца. Маленький парус вдали тянул нас к себе, будто магнит. Мы наваливались на весла, спешили забраться на плот, возвращаясь в родной и близкий мир, и словно обретали твердую почву под ногами. А в хижине — тень, запах бамбука и увядших пальмовых листьев. И солнечная прозрачная синева заключена в рамки открытой двери. Так-то лучше, привычнее, пока опять не начнет манить голубая безбрежная даль...

Удивительно, как влияла на душу наша хрупкая бамбуковая хижина. Размеры — 8×14 футов; чтобы уменьшить напор ветра, мы ее сделали такой низкой, что в рост не встанешь. Стены и крыша связаны из толстого бамбука, крытого бамбуковой плетенкой; каркас укреплен растяжками. Желто-зеленые рейки и свисающая между ними бахрома листьев куда приятнее для глаза, чем белые переборки; и хотя правая стена на одну треть была открыта, хотя стены и потолок пропускали и солнечный, и лунный свет, в этом примитивном убежище мы чувствовали себя надежнее, чем в настоящей каюте с задраенными иллюминаторами. Чем это объяснить? Мы решили вопрос так: в нашем сознании бамбуковая хижина совсем не связывалась с морским путешествием. Что общего между бесполой исполкином океаном и качающейся на волнах щелеватой хижинной? Либо хижина должна казаться неуместной среди волн, либо волны — чужеродными рядом с бамбуковой стенкой. На плоту преобладало второе впечатление, на лодке — наоборот.

Бальсовый плот чайкой взмывал на любую волну, вода захлестывала только нос и корму и тут же уходила между бревнами, поэтому мы с непоколебимым доверием относились к сухому прямоугольнику в середине плота, где стояла наша хижина. С каждым днем мы все более надежно чувствовали себя в своем уютном убежище, а на громоздвигавшиеся перед дверью буйные валы смотрели, как на кадры из фильма, нам они ничем не грозили. Всего пять футов было от входа до края плота, и лишь полтора фута отделяло нас от воды внизу, однако стоило нам забраться в хижину, и казалось, что мы сидим в шалаше среди джунглей, за сотни километров от океана со всеми его опасностями. Лег на спину — и смотри на колышущуюся, словно

ветви на ветру, крышу, вдыхай запах леса, источаемый сырыми бревнами, бамбуком и пальмовыми листьями.

Раз мы вышли на лодке ночью. Кругом вздымались угольно-черные валы; мириады ярких звезд перемигивались с фосфоресцирующим планктоном. Все ясно, все просто, есть ночь, есть звезды — больше ничего. 1947 год до или после рождества Христова, какая разница? С небывалой силой ощущали мы полноту жизни. И сознавали, что вот так, даже еще насыщеннее, жили люди до эры техники. Время перестало существовать, все сущее было таким и будет всегда, поток истории, влекущий нас, вливается в этот безбрежный девственный мрак под звездным росом. Из моря медленно всплывал «Кон-Тики» и опять пропадал за черной громадой волн. Свет луны придавал плоту необычный вид. Огромные, блестящие бревна с гирляндой водорослей, квадратный силуэт варяжского паруса, косматая бамбуковая хижина, озаренная тусклым светом керосинового фонаря, будто картинка из сказки. Плот поминутно исчезал за черными валами, но тотчас появлялся вновь, четко вырисовываясь на фоне звезд, и с бревен срывались серебряные струи.

Глядя на этот одинокий плот, легко было представить себе целую флотилию, идущую веером, чтобы вернее обнаружить землю. Именно так шли первые покорители этого океана.

Незадолго до прихода испанцев инка Тупак Юпанки, владыка Перу и Эквадора, во главе многотысячной армии вышел на бальсовых плотках в Тихий океан искать острова, о которых он знал понаслышке. Инка нашел два острова, — в Галапагосском архипелаге, считают некоторые, — и через восемь месяцев вернулся в Эквадор. А за несколько сот лет до инки таким же веером, наверное, шел Кон-Тики со своими людьми, только им незачем было пробиваться обратно.

Вернувшись на плот, мы садились в кружок на палубе у керосинового фонаря и вспоминали мореплавателей из Перу, которые шли здесь пятнадцать столетий назад. На парусе колыхались громадные тени бородатых голов, и я представлял себе белокожих бородатых людей, которые присутствуют в мифологии и в декоративном искусстве от Мексики, через Центральную Америку и северо-западные области Южной Америки вплоть до Перу, где их загадочная культура вдруг, как по волшебству, исчезает, уступая место инкской, чтобы затем столь же неожиданно появиться на уединенных островах на востоке Полинезии. Может быть, это представители одной из Средиземноморских куль-

тур, которые на таких же нехитрых судах, как и мы, в незапамятные времена с ветром и течением прошли от Канарских островов до Мексиканского залива? Для меня океан перестал быть преградой, разделяющей народы. Многие исследователи считают, что великие индейские культуры, начиная с ацтекской в Мексике и кончая инкской в Перу, были вызваны к жизни внезапными импульсами с востока, из-за океана: ведь обычные индейцы в нашем представлении — это охотничьи и рыбацкие племена из Азии, которые 20 тысяч лет назад, если не раньше, начали переселяться в Америку из Сибири. Характерно для всех высокоразвитых культур, некогда существовавших в огромной области от Мексики до Перу, что мы не видим признаков их постепенной эволюции. Чем глубже зарываются археологи, тем совершеннее раскапываемая культура, и так до какого-то слоя, свидетельствующего, что древняя цивилизация появилась вдруг, среди примитивных племен.

Причем возникли эти культуры как раз там, где к берегам подходят атлантические течения, среди одуряюще жарких пустынь и дебрей Центральной Америки, а не в умеренных поясах, где условия намного благоприятнее.

То же самое можно сказать про острова Южных морей. Древняя культура оставила наиболее глубокие следы на острове Пасхи, хотя он безводный, беден растительностью и больше других тихоокеанских островов удален от Азии.

Пройдя половину маршрута, мы покрыли такое же расстояние, какое отделяет остров Пасхи от Перу, и легендарный остров лежал теперь прямо на юг от нас. Мы нарочно вышли из точки, расположенной посередине побережья Перу, чтобы возможно точнее повторить статистически средний путь древних плотов. Если бы мы стартовали южнее, в районе, над которым в горах находятся развалины Тиауанаку, древнего города Кон-Тики, ветер был бы тот же, но течение слабее, и оно увлекло бы нас к острову Пасхи.

Миновав 110° западной долготы, мы очутились в Полинезии, и теперь полинезийский остров Пасхи оказался ближе нас к Перу. словно некая нить протянулась к форпосту царства Южных морей, центру древнейшей островной культуры. И когда наш огненный проводник, покинув небо, исчезал в море на западе вместе со всеми красками, ласковый пассат как бы вдыхал жизнь в рассказы об удивительной загадке острова Пасхи. В ночном небе растворялось понятие времени, на парусе снова возникали тени огромных бородатых голов.

А далеко на юге, на острове Пасхи, стояли, охраняя

вековые тайны, еще бóльшие головы — настоящие исполины, с острой бородкой и чертами белого человека, только высеченные из камня. Они стояли там, когда европейцы впервые увидели остров в 1722 году, причем успели уже пережить двадцать два поколения полинезийцев, после того как предки современного населения высадились на берег со своих лодок и перебили всех до единого взрослых мужчин таинственного народа, который еще до них принес на остров высокую культуру. Со времен открытия Пасхи головы идолов стали в ряд самых ярких символов неразрешимости загадок прошлого. На косогорах безлесного острова высятся эти громадные истуканы — монолиты высотой в трех-, четырехэтажный дом, которым рука мастера придала подобие человека. Как могли люди прошлого обрабатывать, перемещать и устанавливать этих каменных исполинов высотой до двенадцати метров? Мало того, они еще ухитрились увенчать многие головы своего рода огромными париками из красного туфа. В чем смысл этих фигур? И какие тонкости механики знали исчезнувшие каменотесы, ведь они решали задачи, которые заставили бы призадуматься лучших современных инженеров?

Впрочем, если вспомнить перуанские плоты и сложить вместе все кусочки мозаики, загадки острова Пасхи окажутся, пожалуй, не такими уж неразрешимыми. Творцы древней культуры оставили на острове следы, которые время не смогло начисто стереть.

Остров Пасхи — макушка давным-давно потухшего вулкана. До наших дней сохранились проложенные древним народом мощные дороги, которые ведут к пристаням на побережье, свидетельствуя, что уровень моря на острове был в ту пору таким же, как теперь. Перед нами не остаток затонувшего материка, а пустынный островок, такой же маленький и уединенный, как и тогда, когда он был культурным центром Тихого океана.

Посреди этого конусообразного острова расположен кратер потухшего вулкана, а внутри кратера находятся поразительные мастерские и каменоломни древних скульпторов. Все здесь выглядит так, как много сотен лет назад, когда ваятели и архитекторы поспешно бежали к восточной оконечности острова, где, по преданию, новые пришельцы всех их перебили. Внезапно покинутая мастерская являет нам картину обычного рабочего дня в кратере острова. Разбросанные кругом твердые каменные рубила показывают, что этот народ не знал железа, как не знали его изгнанные из Перу скульпторы Кон-Тики, после которых на Андском плоскогорье тоже остались каменные ис-

полины. Как и там, здесь можно увидеть каменоломни, где легендарные белые бородатые люди вырубали из горного массива двенадцатиметровые глыбы, орудуя рубилами из более твердой породы. И в обоих местах многотонные монолиты перетаскивали по пересеченной местности на много километров, чтобы либо воздвигнуть в виде огромных истуканов, либо уложить друг на друга, сооружая загадочные стены и террасы.

Немало незавершенных фигур и поныне лежит там, где их начали высекать, в нишах по склонам пасхальского кратера, это позволяет изучить разные этапы работы. Самый большой идол, почти законченный к тому времени, когда художникам пришлось бежать, достигает 22 метров в длину; поставленный прямо, он сравнялся бы с восьмизэтажным домом. Каждую фигуру высекали из одного монолита, причем, судя по рабочим местам скульпторов, над статуей работало одновременно не так уж много людей. Истуканы лежали на спине, и руки у них были сложены на животе, как у перуанских исполинов; после того как каменотесы полностью завершали работу, готовую статую из мастерской перемещали туда, где для нее было приготовлено место. На последнем этапе работы только узкая полоска камня вдоль спины соединяла идола с горой, потом и ее удаляли, одновременно подмащивая великана булыжником.

Множество фигур спустили на дно кратера и расставили там. Но немало могучих статуй подняли из кратера и перенесли на много километров по пересеченной местности, чтобы установить их на каменных платформах и водрузить им на макушку обтесанные глыбы застывшей красной лавы. Как их переносили, уже само по себе может показаться загадкой, но факт остается фактом. А ведь исчезнувшие из Перу архитекторы оставили в Андах таких же колоссов, то есть они были специалистами именно в этой области. Правда, на Пасхе статуи больше и многочисленнее, и здесь сложился свой, самобытный стиль, но тот же самый исчезнувший народ, носитель древней культуры, воздвиг подобные фигуры и на других ближайших к Америке тихоокеанских островах, и везде скульптуры переносили на алтари из отдаленных каменоломен. На Маркизских островах мне довелось слышать легенды, как справлялись с такими глыбищами. То же самое рассказывали островитяне на Тонгатабу о переноске каменных колонн для исполинских ворот на этом острове. Значит, можно предположить, что тот же народ применял и на Пасхе те же способы.

Работа над статуей в мастерской отнимала много вре-

мени, но в каждом случае ею было занято лишь несколько специалистов. Переноска готовой фигуры происходила гораздо быстрее, зато требовалось гораздо больше людей. Тогда островок был хорошо обеспечен рыбой; земля была возделана и занята обширными плантациями перуанского батата. Исследователи считают, что в пору расцвета остров легко мог прокормить семь-восемь тысяч человек. Тысячи человек было вполне достаточно, чтобы извлечь каменных исполинов из кратера с его крутыми склонами; дальше тащить статую могли пятьсот человек.

Из луба и растительного волокна сплетали прочнейшие канаты; каменного богатыря одевали в раму из бревен и волокни по деревянным каткам и валунам, смазанным соком корней таро. Хорошо известно, что древние жители островов Южных морей мастерски делали веревки и канаты, а в Перу первые гости из Европы увидели переброшенные через ущелья и водопады стометровые висячие мосты из канатов толщиной с человека.

После того как великан был доставлен на место, возникла следующая проблема — надо было его установить. Для этого из камня и песка соорудили насыпь и втащивали статую наверх по пологому склону, ногами вперед. Перевалив через гребень, статуя съезжала по второму, более крутому склону вниз, так что основание попало в заранее вырытую яму. Вершина насыпи оказывалась вровень с затылком истукана, и напрашивалась мысль вкатить наверх каменный цилиндр и увенчать им голову статуи, прежде чем разбирать насыпь. Такие насыпи до сих пор стоят во многих местах на Пасхе, дожидаясь великанов, которых так и не доставили. Словом, работа этих людей и впрямь достойна восхищения, но ничего загадочного тут нет, стоит лишь перестать недооценивать ум древнего человека и запас времени и рабочей силы, которым он располагал.

Для чего же делали эти статуи? И почему надо было отправляться в совсем другую каменоломню, в семи километрах от мастерской, за особым, красным камнем, который водружали на голову скульптуры? В Южной Америке и на Маркизских островах подчас делали всего идола из красного камня, хотя бы его приходилось доставлять издалека. Как в Полинезии, так и в Перу по красным головным уборам узнавали высокопоставленных лиц.

Посмотрим сперва, кого изображают статуи. Когда на Пасху впервые пришли европейцы, они увидели там таинственных «белых людей», встретили также необычный для полинезийских народов тип мужчин с длинными рыжими

бородами, потомков уцелевших женщин и детей народа, который первым заселил остров. Жители острова рассказывали, что среди их предков были и белокожие и смуглые. По их подсчетам, смуглые предки пришли из других частей Полинезии двадцать два поколения тому назад, а белокожие приплыли с востока на больших судах целых пятьдесят семь поколений назад (то есть в V—VI веках нашей эры). Людей, пришедших с востока, прозвали «длинноухими», потому что они подвесками растягивали мочки ушей так что те свисали до плеч. Вот эти загадочные «длинноухие» и были истреблены, когда на остров пришли «короткоухие». И у всех каменных истуканов Пасхи длинные, свисающие до плеч уши — такие же, какие были у ваятелей.

Но ведь легенды перуанских инков как раз говорят о том, что король-солнце Кон-Тики правил боролатыми белокожими людьми, которых инки прозвали «большеухими», потому что их искусственно удлиненные уши доставали до самых плеч. По словам инков, огромные заброшенные статуи в Андах были воздвигнуты именно этими «большеухими» до того, как их часть изгнали, часть истребили в битве на острове посреди озера Титикака.

Итак, белокожие «большеухие» подданные Кон-Тики, мастера вытесывать огромные статуи из камня, уходят из Перу на запад и белокожие «длинноухие» подданные Тики, такие же мастера ваяния, приходят на остров Пасхи с востока и сразу же начинают вытесывать скульптуры, и мы не находим на островке никаких намеков на какое-либо предшествующее развитие этого искусства.

Подчас между каменными идолами в Перу, с одной стороны, и на некоторых островах Океании — с другой, больше сходства, чем между фигурами с разных островов. На Маркизах и на Таити все такие статуи назывались одинаково — Тики — и изображали славных предков, которых после смерти возвели в ранг богов. Вот вам и ответ на загадку красных колпаков, которыми венчали статуи Пасхи. Как уже говорилось, на всех полинезийских островах попадались люди, даже целые семьи, с рыжеватыми волосами и светлой кожей, а сами островитяне называли их потомками первого, белокожего, населения. На некоторых островах устраивали религиозные празднества, участники которых окрашивали кожу в белый цвет, а волосы в красный, чтобы быть похожими на своих древнейших предков. Во время ежегодных церемоний на Пасхе главного героя ритуала остригали наголо, чтобы покрасить кожу на голове в красный цвет. А огромным цилиндром из красного

камня на головах идолов Пасхи старательно придавали форму прически местных мужчин, которые носили круглый пучок на макушке.

У статуй острова Пасхи были длинные уши, потому что такие уши были у ваятелей. Идолов снабжали красными шапками, потому что у скульпторов были рыжеватые волосы. У истуканов выступающие, с острой гранью подбородки, потому что ваятели были бородатыми. У них прищипанные европеоидной расе черты лица — узкий, сильно выступающий нос, тонкие, четко очерченные губы, потому что сами скульпторы не принадлежали к монголоидной расе. А если у статуй огромные головы, крохотные ноги и сложенные на животе руки, это потому, что так их делали ваятели еще в Перу. Высеченный на животе пояс — единственное украшение исполинов на острове Пасхи. Тот же символ видим на всех без исключения статуях в развалинах древнего города вождя Кон-Тики у озера Титикака. Это радуга, таинственная эмблема бога-солнца. На Мангареве был миф, по которому бог-солнце, сняв с себя свой магический пояс-радугу, спустился по нему с неба на остров, чтобы населить его своими белокожими детьми. На всех этих островах, как и в Перу, некогда считали Солнце своим древнейшим родоначальником.

Сидя в кружок на плоту под звездным небом, мы словно переживали удивительную историю Пасхи, хотя течение влекло плот в сердце Полинезии, так что заветный остров остался для нас лишь названием на географической карте. Даже название этого острова, где столько следов связи с востоком, может кое-что подсказать.

На карте написано «остров Пасхи», потому что какис-то голландцы случайно «открыли» его в день пасхи. И мы забыли, что его обитатели называли свою землю куда более содержательными и выразительными именами. У любимого дитяти, гласит пословица, много имен, так и у этого острова целых три полинезийских названия.

Одно из них — Те-Пито-те-Хенуа, что означает «пуп островов». Это поэтическое название, которое сами полинезийцы считают наиболее древним, явно выделяет Пасху из ряда других островов, лежащих дальше к западу. В его восточной части, недалеко от места, где, по преданию, впервые высадились «длинноухие», лежит тщательно обтесанный круглый камень, так называемый «Золотой пуп», который считается пупом самого острова Пасхи. Каждый, знакомый с поэтичной душой полинезийцев, поймет, что символ этот подразумевает «рождение», то есть открытие островного царства, причем крайний на восток остров

Пасхи, «Пуп островов» почитался как связующее звено с родиной первооткрывателей.

Второе полинезийское название — Рапа-нуи, или «Большой Рапа»; есть еще Рапа-ити, или «Малый Рапа», он примерно такой же величины, но лежит гораздо дальше на запад. И ведь так принято у всех народов — называть свое первоначальное место жительства, скажем, «Большой Рапа», а следующее — «Новый Рапа» или «Малый Рапа», хотя бы «малый» на деле был ничуть не меньше «большого». Вот и предания туземцев «Малого Рапы» говорят, что первые жители острова пришли с лежащего ближе других к Америке острова «Большой Рапа» (остров Пасхи) на востоке.

И третье название этого острова, занимающего ключевую позицию, — Мата-Ките-Рани — «Глаз, смотрящий в небо». На первый взгляд это непонятно, ведь относительно низкий остров Пасхи устремлен к небу не больше, чем другие гористые острова, скажем, Таити, Маркизские или Гавайи. Но в слове «Рани» («небо») для полинезийцев был заключен и другой смысл, оно обозначало также исконную родину предков, священную страну бога-солнца, покинутое горное царство Тики. И если из тысячи островов в океане именно остров Пасхи назван «глазом, смотрящим на родину», это, конечно, неспроста. Тем более что на тихоокеанском побережье Перу, напротив острова Пасхи, у подножия гор, в которых найдены развалины древнего города Тики в Андах, мы видим старое перуанское название «Мата-Рани», означающее на полинезийском языке «Глаз Неба».

Сидя на палубе под звездным небом, мы без конца говорили об острове Пасхи и чувствовали себя как бы причастными к его сказочной истории. И нам уже казалось, что со времен Тики плывем мы то под солнцем, то под звездами по океану в поисках земли.

Волны и сам океан уже не вызывали в нас прежней робости. Мы хорошо с ними познакомились, знали, чего можно ждать от них. Акула, и та стала для нас обыденным существом, с тех пор как мы изучили ее повадки. Мы перестали хвататься за гарпун, даже не отодвигались от края плота, когда она подходила вплотную к плоту. Больше того, мы позволяли себе подергать ее за спинной плавник, меж тем как она невозмутимо скользила вдоль бревен. Постепенно из этой игры развился небывалый вид спорта: кто кого перетянет — акула или человек.

Началось с малого. Мы сплошь и рядом вылавливали

больше корифен, чем могли съесть. И чтобы не переводить зря пищу, мы придумали развлечение себе и корифенам — обманную ловлю без крючка. Привяжешь за веревочку ненужную летучую рыбу и тянешь по воде. Корифена тут же подлетает к поверхности и хватает приманку. Каждый тянет к себе, и начинается потеха. Одна корифена сорвется — ее место тут же займет другая. Нам веселье, а корифене в конечном счете доставалась добыча.

Потом мы затеяли такую же игру с акулами. Привяжем к веревке либо кусок рыбы, либо мешочек с остатками обеда и закинем в воду. Акула не переворачивалась на спину, она высовывала нос из воды и шла вперед с разинутой пастью, нацеливаясь на лакомый кусок. Только приготовится схватить его, как мы поддергиваем веревку. И до чего же глупая и терпеливая морда была у акулы, когда она снова и снова тянулась за приманкой, которая всякий раз выскакивала у нее из самой пасти. И вот уже акула, подплыв к бревнам, прыгает, будто собачонка, пытается схватить мешочек, болтающийся у нее перед носом. Все равно, что кормить бегемота в зоопарке.

В конце июля, когда мы провели на плоту уже три месяца, в дневнике появилась такая запись:

«Сегодня мы отлично ладили с сопровождавшей нас акулой. За обедом выливали ей остатки прямо в разинутую пасть. Плывет рядом с нами, словно пес, во праве которого столько же свирепости, сколько добродушия. Право же, акула может производить симпатичное впечатление, пока не попал к ней в зубы. Во всяком случае общество акул нас развлекает, когда мы не купаемся».

Однажды у нас на краю плота лежала бамбуковая удочка с привязанным на веревке мешочком, в котором лежало угощение для акул. Набежала волна и смыла все за борт. Удочка уже отстала от плота на несколько сот метров, вдруг она встала в воде торчком и помчалась вдогонку за нами, будто задумала сама лечь на место. Когда она приблизилась, мы разглядели трехметровую акулу, над которой удочка торчала, словно перископ. Хищница проглотила мешочек, но веревку не перекусила. Удочка быстро догнала плот, обошла его и скрылась впереди.

Но хотя наш взгляд на акулу переменялся, уважение к притаившимся в пасти острейшим зубам в пять-шесть рядов осталось.

Кнюту пришлось как-то раз совершить невольный заплыв в обществе акулы. Отплывать в сторону от плота строго запрещалось, во-первых, из-за опасности отстать, во-вторых, из-за акул. Но в тот день выдалась на редкость

тихая погода, и так как акулий эскорт только что был выловлен, команда получила разрешение быстро искупаться. Кнют прыгнул в воду и довольно далеко проплыл под водой, наконец вынырнул и повернул обратно. В ту же секунду наблюдатель увидел с мачты, что позади Кнюта в глубине возник длинный, длиннее нашего товарища силуэт. Спокойно, чтобы не было паники, мы позвали Кнюга, и он рванулся к плоту. Но силуэт в толще воды принадлежал более искусному пловцу, который ринулся вдогонку, быстро настигая Кнюта. Они одновременно подошли к плоту. Кнют вскарабкался на бревно, и в ту же секунду у него под животом проскользнула акула. Она заняла пост возле плота, и мы ей выдали лакомую голову корифены в благодарность за то, что она не пустила в ход свои зубищи.

Вообще-то хищный инстинкт акулы пробуждается скорее запахом, чем видом добычи. Мы иногда на пробу опускали ноги в воду — акулы подплывали на полметра-метр и преспокойно отворачивались. А вот стоило хоть капле крови попасть в воду, — скажем, когда мы чистили рыбу, — и тотчас поверхность моря вспарывали острые плавники, хищницы мчались отовсюду, будто мясные мухи. Если же мы выбрасывали внутренности акулы, они приходили в бешенство и остервенело метались вокруг плота. Жадно глотали печень, и уж теперь, стоило нам окунуть ноги, ракетой бросались вперед и с ходу вонзали зубы в бревно. Да, акула акуле рознь, все зависит от настроения хищницы в эту минуту.

Кончилось тем, что мы стали тянуть акул за хвост. Говорят, дергать животных за хвост — недостойный спорт, но вы померяйтесь силой с акулами, это совсем другое дело.

Чтобы добраться до акульего хвоста, сперва надо хорошенько угостить зубастую. Ради лакомого куска она не поленится высунуть голову из воды. Обычно мы подносили угощение на веревочке. Ибо, кто однажды кормил акулу из рук, больше не захочет так развлекаться. Если кормишь пса или ручного медведя, он хватает зубами мясо и треплет его, пока не откусит или не вырвет из руки весь кусок. А когда вы держите на почтительном расстоянии от акульего рыла большую корифену, хищница подскакивает, захлопывает пасть, и рыбы как не бывало, один хвост остался, и никакого рывка не слышно. Сколько мы возились, чтобы разрезать ножом корифену, а вот акула одним движением треугольных зубов рассекала рыбу, что твой резак для колбасы.

Поворачиваясь, чтобы уйти вглубь, акула скидывала над водой хвост — хватай, чего проще. Акуля кожа на

ощупь будто наждак, а на конце верхней лопасти хвостового плавника есть выемка, словно созданная для того, чтобы можно было взяться покрепче. И уж как ухватился, рука не сорвется. Тяни живей, пока акула не опомнилась, затаскивай ее подальше на бревна. На секунду-другую акула терялась, потом начинала извиваться: без помощи хвоста ей не набрать ход, остальные плавники служат только для баланса и управления. Несколько отчаянных рывков — тут важно не выпустить хвост, — и ошарашенная акула буквально падает духом. Внутренности смещаются к голове, и в конце концов акулу будто сковывает паралич. Вот тут, когда она висит, как бы выжидая, надо опять тянуть изо всех сил. Нам редко удавалось вытащить тяжеленную рыбину больше чем наполовину, но она, ожив, оставалое доделывала сама. Яростно дергаясь, акула закидывала голову на бревна — тогда уж не зезай, дерни еще раз посильней напоследок и отскакивай в сторонку, да поживей, коли ноги дороги. Потому что теперь от акулы милости не жди. Она скачет, колотит стену хижины хвостом, точно кувалдой, пуская в ход всю свою страшную силу. Огромная пасть разевается во всю ширь, частокол зубов устрашающе щелкает в воздухе, норовя кого-нибудь или что-нибудь ухватить. Иногда воинственная пляска кончалась тем, что акула, более или менее невредимая, возвращалась в море и после пережитого позора исчезала навсегда. Но чаще всего пленница бестолково билась на бревнах на корме, пока мы не ухитрились набросить ей на хвост петлю или пока она сама не переставала скалить свои дьявольские челюсти.

Попугай буквально приходил в неистовство, когда у нас на палубе оказывались акулы. Он выбегал из хижины и стремглав взбирался по стене на крышу. Облюбует себе удобный и безопасный наблюдательный пост и сидит, наклоня голову то влево, то вправо. Или носится по коньку, хлопая крыльями и визжа от восторга. Он очень скоро стал у нас заправским моряком, и его всегда раширало веселье. Мы так и считали, что нас на борту семеро, включая зеленого попугая в это число. Что до нашего краба Юханнеса, то ему приходилось мириться с ролью холоднокровного довеска. На ночь попугай забивался в свою клетку под крышей хижины, но днем он важно расхаживал по палубе или выполнял на вантах и штагах голловолонные акробатические упражнения.

Поначалу мы натягивали ванты винтовыми стяжками, но они сильно истирали такелаж, и мы перешли на петлюудавку. Когда от солнца и ветра такелаж ослабевал, при-

ходилось общими силами натягивать ванты, чтобы тяжеленные мангровые мачты не свалились. И в самую горячую минуту попугай вдруг начинал кричать клоунским голосом: «Раз-два — взяли! Раз-два — взяли! Хо-хо-хо-хо, ха-ха-ха!» Рассмешит нас, и сам хохочет, как безумный, довольный своим остроумием, и вертится волчком на штагах.

Первое время попугай строил козни радистам. Сидят они, зажав уши магическими наушниками, в своем уголке, с головой ушли в переговоры, скажем, с каким-нибудь радиолюбителем из Оклахомы. Вдруг звук пропадает, и сколько ни дергай проволочки, ни крути ручки, в наушниках безмолвие. Ну конечно, опять попугай напроказил, перекусил антенный провод. Особенно он увлекался этим в начале плавания, когда мы подвешивали антенну к воздушному шару. Но однажды попугай серьезно заболел. Угрюмо сидел он в клетке, двое суток не притрагивался к пище, и в помете его поблескивали кусочки золотистого антенного канатика. Радисты поспешили взять обратно все бранные слова, попугай тоже раскаялся и с той поры считал Торстейна и Кнюта своими лучшими друзьями, не соглашался спать нигде, кроме радиоугла. Его родным языком, когда он впервые попал к нам на плот, был испанский, но, если верить Бенгту, попугай начал говорить с норвежским акцентом задолго до того, как усвоил любимые, сугубо норвежские обороты Торстейна.

Два месяца зеленый попугайчик радовал нас своим ярким нарядом и веселым нравом. А потом... В ту минуту, когда он слезал по штагу с мачты, большая волна захлестнула корму. Мы хватились его, но было уже поздно: попугай исчез. И ведь «Кон-Тики» ни повернуть, ни остановить; сколько раз уже мы убеждались: что улетело за борт, того не вернешь.

В тот вечер на плоту царило подавленное настроение, мы отлично знали, что такая же участь ждет любого из нас, упади он за борт во время ночной вахты, когда остальные спят.

Мы ввели еще более строгие правила предосторожности, сменили предохранительную веревку для ночной вахты и постарались внушить друг другу, что два месяца удачного плавания еще не залог безопасности. Неосторожный шаг, необдуманное движение — и можно даже среди бела дня последовать за попугаем.

Много раз мы видели качающиеся на голубых волнах яйца кальмара, с виду похожие не то на страусово яйцо, не то на череп. Однажды под таким яйцом барахтался и

сам кальмар. Заметишь такой белоснежный шар на гребне, на уровне глаз, и кажется, ничего не стоит сходить за ним на лодке и забрать его. Впрочем, так же мы судили в тот раз, когда лопнул тросик планктонной сети, и она поплыла без привязи в кильватере. Спустили на воду надувную лодку с веслами и с удивлением обнаружили, что ветер и волны не хотят пускать лодку назад, да и канат, связывающий ее с плотом, тормозит, никак не удастся догresti до точки, которую плот уже прошел. Порой всего несколько метров отделяло нас от заманчивого предмета, но тут кончался канат, и «Кон-Тики» тащил нас за собой на запад. И мало-помалу мы твердо усвоили истину: что за борт упало, то пропало. Не хочешь отстать — держись за «Кон-Тики», пока он не врежется носом в берег по ту сторону океана.

Без попугая в радиоуглу стало пусто, но на следующий день тропическое солнце быстро развеяло нашу грусть. Вылавливая в последующие дни акул, мы находили в их желудках среди тунцовых голов и прочей снеди черные, кривые, как у попугая, клювы. Но эти черные клювы представляли собой остатки переваренных кальмаров.

С самого начала плавания наши радисты почти не знали передышки. Только мы вошли в течение Гумбольдта, как аккумуляторы залило морской водой, и пришлось им, защищаясь от волн, накрыть брезентом уязвимый радиоугол. А сколько они помучились, чтобы натянуть на маленьком плоту достаточно длинную антенну. Попробовали запустить змея на антенном проводе, но от порывистого ветра змей нырнул в волну и утонул. Тогда они попытались счастья с воздушным шаром — тропическое солнце прожгло его, он испустил дух и упал в море. И попугай поморочил им голову. К тому же плот две недели шел с течением Гумбольдта в образуемой Андами мертвой зоне, где эфир на коротких волнах был нем и безжизнен, как воздух в пустой жестянке.

Но вот однажды ночью короткая волна, наконец, пробила и какой-то любитель в Лос-Анджелесе, который в это время пытался наладить связь с одним шведским коротковолновиком, услышал вызов Торстейна. Первым делом американец осведомился, какая у нас станция. Затем, удовлетворив свое любопытство по этой части, поинтересовался, кто его корреспондент и где он живет. Узнав, что Торстейн сидит в бамбуковой хижине на плоту посреди Тихого океана, он изобразил телеграфным ключом что-то странное, и Торстейн поспешил уточнить, что он подразумевает. Придя в себя от изумления, человек в эфире со-

общил, что его зовут Гал, а его жену — Анна, она шведка родом и передаст нашим семьям, что мы живы-здоровы.

Как-то чудно было думать о том, что в городе с миллионным населением, вообще во всем мире только один, совершенно чужой нам человек по имени Гал, кинооператор, знал, где мы и что с нами.

С этой ночи Гал (Гарольд Кэмпел) и его друг Фрэнк Кевэс поочередно дежурили, ловя сигналы с плота, и Герман стал получать телеграммы с благодарностью от директора американской метеослужбы за передаваемые два раза в сутки сводки из неизученной области. Потом Кнют и Торстейн уже чуть не каждую ночь связывались и с другими радиолюбителями, они передавали наши приветы в Норвегию через коротковолновика Эмиля Берга в Нутоддене.

Только один раз посреди океана мы на несколько дней остались без связи, когда радиостанция нахлебалась соленой воды и отказала. Наши корреспонденты решили, что плоту пришел конец, но оба радиста день и ночь орудовали отвертками и паяльниками, и наконец в эфире снова зазвучали позывные L12B. Тотчас наш радиоуголок загудел, словно потревоженный улей: сотни американских радиолюбителей лихорадочно выстукивали ответ.

Кстати, если во владения радистов забредал непосвященный, ему и впрямь могло показаться, что он сел на осиное гнездо. Все дерево отсырело, и хотя на бревне у радиостанции лежала каучуковая подушка, смельчака, коснувшегося телеграфного ключа, сразу с двух сторон поражали электрические жала. Если кто-нибудь пытался стащить карандаш из радиоугла, у него волосы вставали дыбом, а между пальцами и карандашом проскакивали длинные искры. Только Торстейн и Кнют, да еще попугай ухитрились пробираться невредимыми среди аппаратуры; для прочих вывесили картонку, обозначающую опасную зону.

Однажды ночью Кнют, орудовавший при свете фонаря в своем углу, вдруг дернул меня за ногу и сообщил, что связался с неким Христианом Амундсеном, живущим под Осло. Это был своего рода рекорд, ведь наш передатчик, работавший на частоте 13990 килогерц, обеспечивал мощность от силы шесть ватт, примерно столько, сколько берет лампочка от карманного фонаря. Дело происходило 2 августа, мы прошли с востока на запад больше шестидесяти градусов, так что наша столица была на противоположном конце земного шара. На следующий день норвежскому королю исполнялось 75 лет, и мы послали ему поздравление

с плота, а 4 августа Христиан опять появился в эфире и передал ответную телеграмму короля, который желал нам дальнейшего счастливого плавания.

Еще один эпизод выделяется на фоне нашей повседневной жизни на плоту. У нас было два фотоаппарата, и Эрик захватил химикаты, чтобы еще в пути проявлять пленки и, если что-нибудь не получилось, сделать новые снимки. После встречи с китовой акулой он не выдержал — вечером развел в воде порошки точно по рецепту и проявил две пленки. Негативы получились похожими на старое телефото, одни точки да морщинки. Пленка была испорчена. Мы запросили по радио совета у своих друзей; один коротковолновик в Голливуде услышал наш запрос, позвонил в лабораторию и сообщил нам, что раствор был слишком теплым. Чтобы эмульсия не сморщилась, температура воды не должна превышать шестнадцати градусов.

Мы поблагодарили за совет и установили, что в наших условиях самая низкая температура — это температура несущего нас на запад течения, а именно двадцать семь градусов. Вспомнив, что Герман специалист по холодильникам, я в шутку поручил ему раздобыть воды с температурой не выше шестнадцати градусов. Он выпросил баллончик с углекислотой из комплекта надувной лодки (все равно она уже была надута), накрыл котелок с водой нижней рубашкой и спальным мешком, поколдовал, и вдруг в воздухе появились снежинки, а в котелке засверкал кусок белого льда. Эрик развел новый проявитель и получил отличные негативы. Конечно, радиоволны, которые Торстейн и Кнют вылавливали из эфира, были неземной роскошью во времена Кон-Тики, но морские волны под нами ничем не отличались от тогдашних, и бальсовый плот упорно шел на запад, как и его предшественники пятнадцать столетий назад.

Теперь, когда мы приблизились к Полинезии, погода стала покапризнее, иногда шел дождь, и пассат изменил направление. Прежде он дул с юго-востока, но чем дальше нас уносило Экваториальное течение, тем больше он смещался к востоку. 10 июня мы прошли крайнюю северную точку нашего пути: 6°19' южной широты. В это время мы так близко подошли к экватору, что казалось — нас пронесет севернее Маркизского архипелага, и мы затеряемся в океане, не обнаружив земли. Но пассат с востока переместился к северо-востоку и повлек плот по широкой дуге к островам.

Случалось, ветер и волны день за днем не менялись, и мы даже забывали, кому стоять на руле, исключая ночь,

когда вахтенный оставался один на палубе. Потому что при постоянном ветре кормовое весло закрепляли в одном положении, и от нас не требовалось никаких усилий, чтобы парус с изображением Кон-Тики оставался наполненным. Ночью вахтенный мог спокойно сидеть в дверях хижины и любоваться звездами. Если созвездия вдруг смещались, вот тогда уж выходи и проверяй, в чем дело — то ли весло сдвинулось, то ли ветер переменялся.

Это удивительно, до чего просто держать курс по звездам, после того как ты несколько недель наблюдал их движение по небосводу. Да и на что еще смотреть ночью? Мы точно знали, где и какие созвездия появятся с наступлением темноты. Когда мы приблизились к экватору, Большая Медведица поднялась так высоко над северным горизонтом, что мы уже боялись, как бы не показалась Полярная звезда, встречающая того, кто пересекает экватор с юга. Но пассат подул с северо-востока, и Большая Медведица опять сползла вниз.

Древние полинезийцы были замечательными навигаторами. Днем они ориентировались по солнцу, ночью — по звездам. Поражают их познания о небесных телах. Они знали, что земля круглая, у них были свои слова для таких сложных понятий, как экватор, эклиптика, северный и южный тропики. Жители Гавайских островов вырезали на бутылочных тыквах карты прилегающих областей; на некоторых других островах карты сплетали из прутьев, обозначая раковинами жемчужниц острова, а прутьями — течения. Полинезийцы знали пять планет, они называли их блуждающими звездами в отличие от настоящих звезд, тремстам из которых дали свои названия. Хороший навигатор в древней Полинезии отлично знал, где в разные времена года покажется с приходом темноты та или иная звезда, как она перемещается за ночь. Полинезийцы запоминали, какие созвездия кульминируют над данным островом, и случалось, он носил то же название, что звезда, которую из ночи в ночь, из года в год можно было наблюдать над ним.

Глядя на звезды, полинезийцы определяли, как далеко на юг или север забрались они во время плавания. Исследовав и покорив ближайшие к Америке архипелаги, они из поколения в поколение поддерживали связь между отдельными островами. По преданию, когда вожди из Таити отправлялись в гости на Гавайские острова, лежащие в 2 тысячах морских миль к северу и на несколько градусов западнее, кормчий сперва правил по солнцу и звездам прямо на север, пока звезды у него над головой не говорили

ему, что он достиг широты Гавайского архипелага. Тогда он поворачивал под прямым углом и шел на запад, пока птицы и облака не указывали ему цель.

Откуда у полинезийцев такое знание астрономии, откуда тщательно разработанный календарь? Во всяком случае не от меланезийских или малайских народов на западе. А вот у «белых бородатых людей», когорые передали свою замечательную культуру ацтекам, майя и инкам в Америке, был сходный календарь и такое знание астрономии, каким никто в Европе не обладал в ту пору.

В Перу, где южноамериканский материк спускается к Тихому океану, по сей день в песчаной пустыне можно увидеть древнюю астрономическую обсерваторию, памятник времен все того же таинственного народа, который высекал исполинских идолов, строил пирамиды, разводил батат и бутылочную тыкву.

2 июля мирному озерцанию звездного неба пришел конец. Вместо слабого норд-оста подул сильный ветер, и пошли высокие волны. Ночью, при свете яркой луны, мы лихо неслись вперед. Чтобы определить скорость, мы считали, за сколько секунд плот проходит мимо щепки, брошенной в воду у носа. И вот оказалось, что «Кон-Тики», так сказать, побил свой личный рекорд. Обычно мы, выражаясь нашим языком, шли со скоростью «двенадцати — восемнадцати щепок», теперь же достигли «шести щепок», и за кормой вихрилась сверкающая попутная струя.

Четыре человека крепко спали в бамбуковой хижине, Торстейн стучал телеграфным ключом в своем углу, я нес вахту на руле. Близилась полночь, когда я увидел нагнавшую нас сзади громадную волну, гребень которой терялся за пределами поля зрения, а сразу за ней пенились еще два таких же исполинских вала. Если бы мы только что не прошли это место, я был бы уверен, что это высокие буруны над коварной банкой. Первый вал могучей стеной катился за нами в свете луны. Я крикнул товарищам, чтобы побереглись, и повернул плот, готовясь принять удар.

Вот волна настигла нас, плот вильнул кормой и взмыл над гребнем, который только что обрушился, так что все кругом клокотало и пенилось. Мы лихо перевалили через бурлящую крутоверть, пропуская под собой могучий вал, нос плота задрался, и мы кормой вперед покатались вниз, в широкую ложбину. А там уже наступала следующая стена. Снова мы легко взмыли вверх и срезали гребень вала, приняв на себя сверкающий каскад воды. Удар раз-

вернул плот боком, и уже не было времени повернуть его обратно. Третья волна догнала плот, над ключьями пены выросла блестящая стена и начала рушиться. Не видя другого выхода, я ухватился крепче за торчавший из крыши бамбуковый шест и затаил дыхание: нас бросило вверх, и все скрылось в кипящем водовороте. В следующую секунду «Кон-Тики» вынырнул на поверхность и медленно заскользил вниз по отлогому скату волны. И сразу море угомонилось. Три исполинских вала умчались вперед, а за кормой у нас в лунном свете качались, вытянувшись цепочкой, кокосовые орехи.

Последняя волна здорово потрянула нашу хижину, так что Торстейн в своем радиоуглу шлепнулся на пол, да и остальные проснулись от устрашающего грохота и пробившихся снизу и сбоку холодных струй. В палубном настиле на носу слева зияла дыра, водолазную корзину сплющило о бревно, но все остальное было в сохранности. Мы так и не смогли выяснить, откуда явились эти могучие валы, разве что они были вызваны довольно обычными для этой области колебаниями океанского дна.

А два дня спустя мы попали в первый с начала плавания шторм. Началось с того, что пассат вдруг стих, а к легким, как пух, пассатным облачкам в бездонной сини над нами присоединилась, выйдя из-за южного горизонта, плотная черная туча. Отовсюду стали налетать неожиданные шквалики, и рулевой никак не поспевал за ними. Только развернет корму к ветру и наполнит парус, как новый порыв с другой стороны сминая гордую дугу, и обмякший парус неистово бьется, угрожая целостности людей и груза. Внезапно на смену шкваликам подул со стороны тучи устойчивый ветер. Черные пряди нависли над плотом, одновременно ветер стал крепким, переходящим в штормовой.

Не успели мы оглянуться, как волны кругом достигли высоты пяти метров, а отдельные гребни шипели в шести, даже в семи метрах над ложбинами, вровень с топом нашей мачты. Согнувшись в три погибели, мы под вой и свист ветра в штагах выбрались из поскрипывающей хижины на палубу.

Чтобы защитить радиостанцию, мы накрыли хижину сзади и слева парусиной. Все, что лежало на палубе, хорошенько принатовили, парус спустили и закрепили на рее. Под сумрачным небом и океан стал темным и грозным, и, куда ни глянь, всюду белели барашки. Ключья пены длинными полосами расписали валы в направлении ветра, и всюду, где рушились гребни, на иссиня-

черной поверхности бурлили зеленые шрамы. Ветер подхватывал брызги и нес соленый дождь. И когда каскады тропического ливня прийялись хлестать океан, струйки, стекавшие у нас по лицу, тоже казались солоноватыми на вкус. Полуголые, продрогшие, мы возились на палубе, готовя плот к схватке со штормом.

Естественно, мы волновались, даже слегка оробели, когда увидели грозную тучу и ощутили ее дыхание. Но вот разыгрался шторм, и оказалось, что «Кон-Тики» играючи перелетает через любую волну. И поединок с непогодой вылился в увлекательный спорт, мы любовались яростью океана, с которой наш плот лихо справлялся, пробкой взлетая на гребни волн, так что бушующая стихия все время на несколько дюймов не дотягивалась до нас. В шторм у океана было много общего с горами. Как будто буря застигла нас среди голых седых вершин. Хотя мы находились в сердце тропиков, пляска плота на волнах, в вихрях водяной пыли, напоминала нам скоростной спуск по исчерченному сугробами склона.

От рулевого в такую погоду требовалось предельное внимание. Когда гребень волны поднимал нос плота, корма зависала в воздухе, чтобы в следующую секунду шлепнуться вниз и карабкаться на очередной вал. И если этот вал настигал нас прежде, чем предыдущая волна отпустила нос, могучие каскады с грозным ревом обрушивались на рулевого, но тут же корма опять взмывала вверх и бурлящая вода уходила в щели меж бревен, словно сквозь сито.

Мы подсчитали, что при обычной погоде, когда интервал между волнами составлял в среднем семь секунд, корма принимала в сутки около 200 тонн воды, которой мы почти не замечали, потому что она спокойно омывала босые ноги рулевого и так же спокойно уходила вниз между бревнами. Во время шторма на корму обрушилось за сутки больше 10 тысяч тонн воды — каждые пять секунд от нескольких десятков литров до двух-трех кубометров, когда и больше. С грохотом гребень падал на бревна, и рулевой оказывался по пояс в воде, чувствуя себя так, будто попал в бурную горную реку. Плот на секунду словно замирал на месте, весь дрожа, но тут же беспокойный груз, бурля, низвергался в море.

Герман то и дело выскакивал со своим анемометром из хижины, измерял силу шторма, иногда даже карабкался на качающуюся мачту, чтобы высоченные волны не мешали.

Только через сутки шторм понемногу сменился крепким

ветром. Море по-прежнему кипело, и мы быстро шли на запад, почти все время под дождем.

Наконец ветер стих, зато рыба, казалось, осатанела. Море вокруг плота кишело акулами, тунцами, корифенами, у самых бревен мелькали ошарашенные бониты. На глазах у нас развернулась ожесточенная борьба за существование. Крутые спины вспарывали поверхность воды и ракетой неслись одна за другой; поминутно в волнах расплывались густые пятна крови. Схватка шла главным образом между тунцами и корифенами, причем корифена шла большими косяками и двигалась куда более прытко, чем обычно. Нападали тунцы. Глядишь — летит по воздуху семидесяти — восьмидесятикилограммовая зверюга, зажав в зубах кровавую голову корифены. Но хотя с каждой минутой становилось все больше корифен с зияющей раной в передней части спины, лишь некоторые из них спасались бегством, преследуемые тунцами, косяк в целом не отступал. Порой и на акул находило бешенство, они бросались на огромных тунцов и направлялись с ними.

Мирные лоцманы словно в воду канули. То ли их сожрали разъяренные тунцы, то ли они попрятались в щелях между бревнами, а может быть, просто улепетнули подальше от поля битвы. Опустить голову в воду и посмотреть, куда они подевались, мы как-то не решались.

Пройдя на корму по сугубо личному делу, я пережил немалый испуг, после чего от души смеялся над собой. Мы давно привыкли к волнам в нашем ватерклозете, но когда вместе с волной меня шлепнуло сзади что-то большое, увесистое и холодное, я перестал соображать. И опомнился уже на штаге, по которому лез вверх, не сомневаясь, что на ягодице у меня висит акула. Корчась от смеха, рулевой Герман рассказал, что мне вlepил хороший шлепок здоровенный тунец килограммов на семьдесят. Потом и Герман, и сменивший его Торстейн видели, как тот же упитанный баловник норовил вскочить на корму вместе с волной. Дважды он был уже на бревнах, но оба раза срывался за борт прежде, чем мы успевали поймать скользкую тушу.

А одна волна внесла прямо на палубу ошалевшую толстую бониту. С этой добычей и пойманым накануне тунцом мы решили порыбачить, чтобы навести хоть какой-то порядок в окружающем нас кровавом хаосе.

Слово дневнику:

«Первой схватила крючок и была извлечена на палубу шестифутовая акула. Только крючок забросили снова, его заглотала восьмифутовая акула, и мы вытащили ее. Опять забросили крючок, и опять подцепили шестифутовую аку-

лу, уже подтянули ее к бревнам, но тут она сорвалась и ушла. Тотчас закинули снова, и началась схватка с восьмифутовой акулой. Мы втащили ее голову на бревна, но тут она перекусила все четыре жилы стального тросика и нырнула в глубину. Привязали новый крючок и вытащили на палубу семифутовую акулу. Теперь уже было опасно продолжать лов со скользких бревен на корме, ведь три акулы, которым давно полагалось испустить дух, все еще бились и щелкали зубами. Мы перетащили их за хвост на нос, и вскоре клюнул здоровенный тунец, с которым нам пришлось повозиться больше, чем с любой акулой, чтобы извлечь его из воды. Он оказался таким тяжелым, что никому из нас не было под силу поднять его за хвост.

А море по-прежнему кишело мечущимися рыбьими спинами. Еще одна акула попала на крючок, но сорвалась прежде, чем мы смогли ее вытянуть. Зато потом мы успешно втащили на плот шестифутовую акулу. За ней последовала пятифутовая. Снова попала шестифутовая, и мы ее вытащили. Забросили опять и вытянули семифутовую акулу».

После этого, куда ни ступи, на каждом шагу лежали акулы, которые судорожно колотили хвостом по палубе или стенкам хижины и яростно щелкали зубами. Усталые, измотанные после шторма, мы совсем запутались — какие акулы уже издохли, какие могли еще сомкнуть свою пасть, если их заденешь, и какие, сохранив силы, стерегли нас зелеными кошачьими глазами. Пять часов мы сражались с акулами и с тяжелым тросом, наконец устали и сдались; к этому времени вокруг нас на палубе валялось девять акул.

На следующий день было меньше тунцов и корифен, но акул не убавилось. Мы снова начали их вылавливать; но вскоре бросили, поняв, что стекающая с плота свежая акулья кровь только привлекает новых хищниц. Тогда мы выбросили в море все акульи туши и смыли с палубы кровь. Бамбуковые циновки были изодраны клыками и жесткой шкурой акул; мы отправили за борт те из них, которые сильнее всего пострадали, и настелили новые, чистые, золотистые из запаса, сложенного на носу.

В эти дни, ложась вечером спать, мы и с закрытыми глазами продолжали видеть кровь и свирепые, хищные акульи пасти. В ноздрях прочно засел запах акульего мяса. Кстати, это мясо можно было есть, оно напоминало треску, если сутки вымачивать его в морской воде, чтобы удалить аммиачный привкус. Но бониты и тунцы были несравненно вкуснее.

Впервые за все плавание я услышал, как кто-то из ребят, ложась вечером спать, заметил, что хорошо бы вытянуться на траве под пальмами на островке, а то уже надели эти волны да холодные рыбины.

Погода, хотя и улучшилась, не была такой устойчивой, как прежде. То и дело внезапные резкие шквалики приносили бурные ливни, которым мы только радовались, потому что запасенная нами пресная вода протухла и отдавала болотом. В сильный дождь мы собирали воду с крыши, а сами выстраивались нагишом на палубе, наслаждаясь возможностью смыть с себя всю соль.

Рыбки-лоцманы суетились под плотом, как прежде, то ли наши старые знакомые, то ли новые спутники, приставшие к нам после побоища, — поди, угадай.

Двадцать первого июля вдруг опять заштилело. Стояла духота, полное безветрие, а по прошлому разу мы уже знали, чем это грозит. И в самом деле, после сильных шквалов с востока, запада и юга установился крепкий южный ветер, и снова из-за моря появились грозные черные тучи. Герман по минутно измерял скорость ветра, и прибор уже показывал 14—16 метров в секунду; внезапно спальный мешок Торстейна улетел за борт. Дальше все происходило куда быстрее, чем об этом можно рассказать.

Герман попытался схватить мешок на лету, сделал неверный шаг и сам упал в воду. Сквозь плеск волн мы услышали слабый голос, зовущий на помощь, потом увидели слева от плота голову Германа и машущую руку, а в море вокруг него извивалось что-то зеленое и непонятное. Он натрягал все силы, борясь с высокими волнами, которые отнесли его от плота. Торстейн — он в это время стоял на руле — и я, чем-то занятый на носу, первыми заметили Германа и похолодели от ужаса. С криком: «Человек за бортом!» — мы бросились к спасательным средствам. Остальные из-за шума волн даже не слышали голоса Германа, но все, как один, выскочили на палубу. Герман отлично плавал, и хотя нам было ясно, что дело идет о жизни и смерти, мы всей душой надеялись, что он сумеет догнать плот.

Торстейн, стоявший ближе всех, кинулся к бамбуковому вороту, на котором был намотан конец от спасательной лодки. Но конец заело — первый и единственный раз за все плавание. Все решали секунды. Германа отнесло к корме, теперь его единственной надеждой было подплыть к рулевому веслу и зацепиться за него. Увы, он попытался поймать лопасть, но она ушла вперед. И вот он уже барахтался там, откуда нам еще ни разу не удавалось что-

нибудь выручить. Пока мы с Бенгтом спускали на воду лодку, Кнют и Эрик попытались бросить Герману спасательный жилет, который висел наготове на углу крыши. Но в этот день напор ветра был таков, что, как они ни старались, жилет относилось обратно на плот. Одна тщетная попытка следовала за другой, а Герман уже был довольно далеко. Как ни силился он не отстать, с каждым новым порывом ветра расстояние росло. Он понял, что просвет будет неумолимо расти, но еще продолжал надеяться на лодку, которую нам наконец-то удалось столкнуть в воду. Пожалуй, без тормозящего линя мы сумели бы пробиться к нему навстречу, но возникал вопрос: сможет ли лодка потом догнать «Кон-Тики»? Так или иначе втроем на лодке еще можно на что-то рассчитывать, а одинокий пловец в океане заведомо обречен...

И вдруг мы увидели, как Кнют присел и бросился в воду. Держа в одной руке спасательный жилет, он плыл изо всех сил. Когда голова Германа показывалась на гребне, Кнюта не было видно, а когда появлялся Кнют, Герман пропадал из виду. Но вот две головы вместе поднялись на волне, друзья встретились, и оба крепко держались за жилет. Кнют помахал рукой. Мы уже успели вытащить обратно надувную лодку и теперь принялись лихорадочно выбирать лить спасательного жилета, не спуская глаз с темного силуэта, который корчился в воде позади наших друзей. Когда Кнют еще только пробивался к Герману, загадочное чудовище крепко его напугало, высунув из волны темно-зеленый треугольник. Один Герман знал, что это не акула и не какой-либо другой хищник, просто наполненный воздухом угол непромокаемого спального мешка. Впрочем, мешок недолго плавал, после того как мы благополучно вытащили Германа и Кнюта на плот.

Тот, кто похитил его, явно упустил добычу поценнее...

— Спасибо меня не было внутри, — сказал Торстейн и занял свое место у руля.

А вообще-то в тот вечер мы не были расположены острить. Еще долго нас не покидало чувство ужаса, правда, к нему примешивалась благодарность providению за то, что нас на борту по-прежнему шестеро.

И Кнют услышал немало добрых слов не только от Германа — от всех нас.

Впрочем, долго размышлять над случившимся было некогда. Небо опять почернело, ветер дул все сильнее, и еще до ночи мы встретили новый шторм. Теперь спасательный жилет плыл на длинном лине за кормой плота, и. ес-

ли кого-нибудь вдруг снесет за борт, будет, за что ухватиться. Потом спустилась ночь, и в кромешном мраке мы уже ничего не видели, только слышали, как завывает в снастях ветер, под напором которого хижина скрипела так, что казалось — она вот-вот улетит. Но хижина была накрыта брезентом и хорошо укреплена растяжками. Мы чувствовали, как «Кон-Тики» взлетает на шипящих гребнях, при этом бревна ходили ходуном, будто клавиши пианино. Нас всегда удивляло, почему из широких щелей между бревнами не бьет фонтаном вода, хотя они работали, словно могучие мехи, качая влажный воздух.

Пять суток шторм чередовался с крепким ветром, море вспахали глубокие борозды, полные водяной пыли, сорванной с гребней бурлящих серо-голубых валов, словно сплюснутых могучими порывами ветра. Наконец среди туч появились синие просветы, а затем зловещие черные тучи и вовсе уступили место вечно побеждающему синему небу, шторм прошел дальше. На память о себе он оставил поломанное весло и лопнувший парус; гуары оборвали канаты снизу и болтались между бревнами. Но сами мы и весь наш груз были в полной сохранности.

Два шторма заметно расшатали плот. Большая нагрузка на крутых волнах растянула канаты, а непрерывное трение заставило их глубоко врезаться в бальсовую древесину. Мы были рады, что последовали инкским образцам, а не воспользовались стальным тросом, который в шторм попросту перепилил бы все бревна. И возьми мы для основы высушенную бальсу с максимальной плавучестью, плот давно затонул был под нами, пропитавшись морской водой. А так сок свежерубленных стволов играл роль пропитки, которая не пускала воду внутрь. Правда, крепления настолько ослабли, что приходилось следить, как бы нога не угодила в щель между бревнами, где ее вполне могло раздавить, когда бревна сталкивались с огромной силой. На носу и на корме, где не было настила, приходилось пружинить ногами, когда мы стояли на двух соседних бревнах. К тому же на корме обросшие влажной зеленью бревна были скользкими, как листья банана. И хотя мы протоптали тропку, а для рулевого положили широкую доску, не так-то просто было устоять на ногах под ударами волн. Один из девяти стволов-великанов с левого борта день и ночь глухо бился о поперечины. И отчаянно скрипели канаты в месте скрещения мачт, которые опирались каждая на свое бревно и все время качались не в лад.

Кормовое весло мы скрепили длинными шинами из

твердого мангрового дерева, а Эрик и Бенгт выступили в роли парусных мастеров. И вот уже голова Кон-Тики опять решительно смотрит в сторону Полинезии, и руль приплясывает на присмиривших волнах. Только гуары не хотели работать, как прежде. Ведь нижние крепления лопнули, поэтому гуары не могли противостоять напору воды и болтались под плотом туда-сюда. Добраться до канатов снизу было невозможно, они совсем обросли. Сняв палубный настил, мы обнаружили, что из главных канатов, скреплявших основу, лишь три не выдержали, да и то их перетерло неудачно уложенным грузом. Сразу было видно, что бревна впитали изрядно воды, зато груз в целом убавился и выходило примерно так на так. Мы уже израсходовали большую часть провианта и пресной воды, а радисты, кроме того, заметно сократили запас сухих батарей.

Подводя итоги после шторма, мы заключили, что плот не утонет и не рассыплется на отрезке, который еще отделял нас от островов. Теперь нас больше всего занимала совсем другая проблема: каким будет финиш нашего путешествия?

«Кон-Тики» будет упорно пробиваться на запад, пока не боднет носом скалу или что-нибудь еще, что преградит нам путь. Но плавание можно считать законченным лишь после того, как вся команда благополучно высадится на один из многочисленных полинезийских островов.

Пока что невозможно было сказать, где именно плот пристанет к суше. Мы находились одинаково далеко от Маркизского архипелага и от островов Туамоту и вполне могли пройти между ними, не увидев ни того, ни другого. Ближайший из Маркизских островов был в 300 морских милях на северо-запад, ближайший из группы Туамоту — в 300 милях на юго-запад, а ветер и течение в основном держались западного направления.

Между прочим, на северо-западе ближе всех был Фату-Хива, тот самый лесистый горный островок, на берегу которого, живя в свайной хижине, я услышал яркие рассказы старика о главном боге его племени — Тики. Если «Кон-Тики» прибудет к этому берегу, я встречу немало знакомых, но старик вряд ли будет среди них. Он, наверное, давно покинул этот мир, в душе надеясь увидеть самого Тики. Да, если нас понесет к Маркизскому архипелагу, мои друзья убедятся, что там от острова до острова довольно далеко и волны с ревом разбиваются об отвесные скалы, вся надежда на узкие долины, заканчивающиеся тесными бухтами.

Если же мы пойдем к Туамоту, там острова густо рас-

сыпаны на большой площади. Правда, этот архипелаг еще называют «Низкие», или «Опасные острова», потому что он весь сложен из кораллов, представляя собой коварные рифы и поросшие пальмами атоллы, которые возвышаются всего на 2—3 метра над поверхностью моря. Кольцевые рифы ограждают барьером каждый атолл, затрудняя судоходство в этой области. Но хотя атоллы Туамоту сооружены коралловыми полипами, а Маркизские острова представляют собою потухшие вулканы, оба архипелага населяет один и тот же полинезийский народ, тут и там вожди считают Тики родоначальником.

Уже 3 июля, когда до Полинезии была еще тысяча миль, природа подсказала нам, как она некогда подсказывала первым выходцам из Перу, что впереди в океане где-то лежит суша. Покинув берег Перу, мы наблюдали небольшие стаи фрегатов, пока не ушли примерно на тысячу морских миль от материка. Около 100° западной долготы они исчезли, и после этого мы встречали качурок. И вот 3 июля, у 125° западной долготы, снова появились фрегаты. С этого дня мы часто их видели, когда высоко в небе, а когда над гребнями волн, где они перехватывали летучих рыбок, спасающихся от корифен. Эти фрегаты прилетели не из Америки, оставшейся у нас далеко за кормой, их дом был где-то впереди.

Шестнадцатого июля природа послала еще более яркое свидетельство: мы выловили девятифуттовую акулу, и та оторгнула большую непереваренную морскую звезду, которую недавно подобрала у какого-то берега.

А на следующий день нас навестили гости прямо из Полинезии. Торжественная минута — две крупные олуши появились над горизонтом на западе и вскоре очутились над нашей мачтой. Сделали несколько кругов, потом сложили свои полутораметровые крылья и закачались на воде рядом с плотом. Тотчас подскочили любопытные корифены и заметались вокруг плавающих птиц, однако ни одна из сторон не задевала другую. Первые живые посланцы как бы желали нам «добро пожаловать» в Полинезию. Вечером олуши не улетали, они остались отдыхать на море, и после полуночи мы слышали их хриплые крики, когда они парили вокруг мачты.

Летучая рыба, которую мы теперь собирали на палубе, принадлежала уже к другому, куда более крупному виду, знакомому мне по той поре, когда я ловил рыбу вместе с островитянами у берегов Фату-Хивы.

Трое суток несло нас к этому острову, но тут подул сильный норд-ост, и мы повернули в сторону атоллов Туа-

моту. Плот вышел из Южного экваториального течения, и сразу в мире течений начался ералаш. Сегодня они есть, завтра невесть куда пропали. Течения напоминали невидимые реки, разветвляющиеся в океане. Как течение по сильнее, смотришь — и волна покруче, и температура воды всего градус пониже. О его направлении и силе мы могли также судить по разнице между счислимой и действительной позицией нашего плота, ежедневно определяемой Эриком.

На самом пороге Полинезии ветер вдруг спал, передав нас слабому течению, которое, к нашему ужасу, держало курс на Антарктиду. Правда, мертвого штиля не было не только в этот раз, но и вообще за все плавание, а при слабом ветре мы ставили все паруса, чтобы использовать малейшее дуновение. Не было дня, когда бы нас несло обратно к Америке, и самый маленький суточный переход составлял 9 морских миль (около 17 километров), средняя же скорость была 42,5 морских мили (78,5 километров) в сутки.

Но совесть не позволила пассату совсем бросить нас на финише. Он снова заступил на вахту и принялся подталкивать разболтанный плот, который готовился к завершающему броску в незнакомой части света.

С каждым днем росло количество морских птиц, бесцельно круживших над нашим плотом. Однажды вечером, когда солнце готовилось нырнуть в море, мы заметили, что птицы вокруг сильно прибавили ходу. Они спешили на запад, не замечая ни нас, ни летучих рыб. С верхушки мачты мы убедились, что, пройдя над нами, птицы дальше летят одним курсом. То ли им сверху было видно что-то, чего мы не могли разглядеть, то ли они просто следовали инстинкту. Во всяком случае они целеустремленно летели к ближайшему острову, к своим гнездам.

Мы повернули кормовое весло, чтобы плот шел туда же, куда исчезали птицы. И после того как стемнело, мы слышали крики отставших, которые шли под звездным небом тем же курсом, что и плот. Ночь выдалась чудесная, в третий раз после нашего старта была почти полная луна.

На следующий день в воздухе над нами стало еще больше птиц, но на этот раз нам не надо было дожидаться вечера, чтобы они указали путь, это сделало за них появившееся над горизонтом неподвижно стоящее облако. Остальные облака легкими хлопьями возникали на небе на востоке, увлекаемые пассатом, пересекали небосвод и исчезали за краем моря на западе. Так вели себя пассат-

ные облака, когда я познакомился с ними на Фату-Хиве, и ту же картину мы день и ночь наблюдали в небе над «Кон-Тики». А одинокое облако над горизонтом на юго-западе не трогалось с места, торчало, будто столб пара, пропуская мимо пассаты. По-латыни такие неподвижные облака называют кумулюнимбус. Полинезийцы этого не знали, зато они знали, что под такими облаками находится суша. Тропическое солнце раскаляет песок, получается восходящий поток горячего влажного воздуха, который, достигнув более холодных слоев атмосферы, конденсируется.

Мы правили на это облако, пока оно не скрылось после заката. Ветер был ровный, и с закрепленным рулем «Кон-Тики», как всегда в хорошую погоду, сам держал курс. Теперь задачей вахтенного было сидеть, сколько хватит выдержки, на истертой до блеска дощечке на мачте, высматривая признаки земли.

Всю ночь в воздухе над нами стоял оглушительный птичий крик. И с неба светила почти полная луна.

Встреча с Полинезией

Первая встреча с землей. — Нас относит от Пука-Пука. — Праздник у рифа Ангатау. — У врат рая. — Первые полинезийцы. — Новая команда «Кон-Тики». — Кнют получает увольнение на берег. — Неравная схватка. — Нас опять относит в море. — Опасные воды. — От Такуме до Раоиа. — Нас несет к чертовой мельнице. — Во власти прибоя. — Крушение. — На коралловом рифе. — Мы находим необитаемый остров

В ночь на 30 июля на «Кон-Тики» царило какое-то особенное пасмурное настроение. Возможно, неумолчный гомон морских птиц вызвал у нас ощущение, что назревает что-то необычное. Три месяца мы кроме шума моря слышали только монотонный, безжизненный скрип канатов, после этого многоголосый птичий хор казался таким зёмным и пылким. И луна, плясавшая вокруг впередсмотрящего на мачте, выглядела небывало большой и круглой. Глядя на нее, мы представляли себе пальмовые кроны и тропическую романтику; луна не была такой желтой, когда свет ее падал на холодных рыб в пустынном океане.

В 6 утра Бенгт покинул наблюдательный пункт, разбудил Германа и лег спать. Когда Герман полез на скрипучую, шаткую мачту, уже светало. А десять минут спустя он скатился вниз по веревочному трапу и дернул меня за ногу.

— Вставай, погляди на свой остров!

Лицо его сияло, и я выскочил на палубу, а за мной — Бенгт, который еще не успел по-настоящему заснуть. Один за другим мы вскарабкались на мачту. Кругом метались птицы. В воде отражалась сине-фиолетовая мгла — след отступающей ночи, но восточный горизонт весь зарделся, и румяное зарево быстро росло, а на юго-востоке на багро-

вом фоне зари протянулась слабая тень, будто начерченная синим карандашом.

Земля! Остров! Мы пожирали его глазами, потом растормошили остальных членов экипажа, они ошалело выскочили из хижины и завертели головами в разные стороны, словно ожидали, что плот сейчас врежется в берег. Голосистые морские птицы перекинули в небе мост к далекому острову, который все яснее вырисовывался на горизонте, по мере того как заря из красной становилась золотой.

Нам сразу бросилось в глаза, что остров лежит не там, где он должен быть. Но острова не дрейфуют, значит, плот ночью попал в течение, идущее на север. Одного взгляда на море было достаточно, чтобы по ходу волн убедиться, что этот шанс уже упущен. Отсюда ветер не позволит нам пробиться к острову. Известно, в архипелаге Туамоту хватает сильных местных течений, которые сплошь и рядом меняют направление, столкнувшись с сушей, да еще на них влияют мощные приливы и отливы, устремляющиеся через рифы и лагуны.

Мы переложили руль, хотя отлично знали, что это ни к чему. В половине седьмого солнце вынырнуло из моря, и как всегда в тропиках, пошло прямо вверх. До острова теперь было несколько морских миль, над горизонтом словно ползла полоска леса. Деревья сплошной стеной выстроились вдоль узкого светлого бережка, такого плоского, что он поминутно пропадал за волнами. По вычислениям Эрика, это был Пука-Пука, первый из островов Туамоту. Лоция 1940 года, обе наши карты и обсервации Эрика совсем по-разному указывали координаты острова, но других островов по соседству не было, а потому не приходилось сомневаться в том, что это в самом деле Пука-Пука.

Никто на борту не давал волю своим чувствам. Развернув парус и переложив руль, мы молча смотрели, кто с мачты, кто с палубы, на эту землю, которая вдруг появилась на горизонте среди могучего, необозримого океана. Наконец-то перед нами было наглядное доказательство, что мы все эти месяцы продвигались вперед, а не просто качались вверх и вниз в центре одного и того же водного диска. Все мы были очень довольны, что достигли Полинезии, но все-таки было чуточку досадно, что манящий остров недосыгаем, наш долгий дрейф на запад продолжается.

Сразу после восхода солнца над деревьями в левой части острова поднялся к небу столб черного дыма. Мы

смотрели на него и представляли себе, как люди на Пука-Пука, проснувшись, готовят завтрак. Никто из нас тогда не подозревал, что островитяне заметили плот и дым был сигналом, приглашением пристать к берегу. Около семи часов наши просоленные ноздри уловили слабый запах горящих сучьев борао. Я сразу вспомнил костер на берегу Фату-Хивы... Еще через полчаса к нам донесся аромат сырых дров и леса. Остров уходил назад, и ветер приносил его дыхание. Мы с Германом минут пятнадцать висели на мачте, упиваясь запахом листьев и трав. Да, это Полинезия, чудесное благоухание плодородной земли после 93 суток среди волн, во власти соленого ветра. Бенгт уже храпел в своем спальном мешке, Эрик и Торстейн, лежа в хижине, предались размышлениям, а Кнют выбежал на палубу понюхать запах листьев, потом опять брался за дневник.

В половине девятого Пука-Пука канул в воду за кормой, но с мачты мы еще до половины одиннадцатого видели на горизонте синеватую полоску. Наконец и она исчезла, только застывший в небе кумулюнимбус говорил, где лежит Пука-Пука. Птицы отстали. Им больше нравилась наветренная сторона острова: вечером, набив живот, возвращаешься домой с попутным ветром. Заметно поредел ряды корифен, гораздо меньше лоцманов стало под плотом.

Ночью Бенгт заявил, что соскучился по столу и стульям, дескать, уже все бока протер, читая лежа. А вообще-то он был даже рад, что мы промахнулись на этот раз, ему еще осталось прочитать три книги. Торстейну вдруг захотелось яблока, а я проснулся среди ночи оттого, что ощутил чудесный запах котлет с луком. Увы, это была всего-навсего чья-то грязная рубаха.

На следующее утро мы увидели над горизонтом сразу два облака, словно два паровозных дымка. На карте мы прочли названия островов — Фангахина и Ангатау. При господствовавшем ветре Ангатау нас больше устраивал, и мы взяли курс на него. Закрепили весло и наслаждались привольем и покоем тихоокеанских просторов. В хорошую погоду жизнь на бамбуковой палубе «Кон-Тики» была так хороша! И мы жадно впитывали впечатления, сознавая, что так или иначе путешествию скоро конец.

Трое суток мы держали курс на облако над Ангатау, погода стояла великолепная, рулевое весло само вело плот, и течения не строили нам никаких козней. Утром четвертого дня, сменив Германа, который нес вахту с че-

тырех до шести, Торстейн услышал от него, что в лунном свете на горизонте можно было различить что-то вроде низкого острова. Тут и солнце взошло, и Торстейн разбудил нас криком:

— Земля прямо по курсу!

Мы выскочили наружу и бросились поднимать флаги. Первым, на корме, — норвежский, за ним, на мачте, — французский: ведь мы подходили к французской колонии. Дальше последовали все остальные флаги из нашей коллекции — американский, перуанский, шведский, британский, не говоря уже о лихо развевавшемся на свежем ветру флаге «Клуба исследователей». Сразу было видно, что «Кон-Тики» принарядился к празднику. В самом деле, остров был расположен идеально, прямо по нашему курсу и лишь немногим дальше, чем Пука-Пука четыре дня назад. Солнце у нас за спиной быстро поднималось вверх, и мы увидели зеленый отсвет в мглистом небе над островом. Это было отражение тихой, мелководной лагуны за барьерным рифом. Некоторые атоллы дают такое отражение на высоте в тысячи метров, и первобытные мореплаватели знали об их присутствии задолго до того, как остров показался на горизонте.

Около десяти часов мы сами взяли за руль, надо было решать, к какой части острова править. Уже можно было различить кроны отдельных деревьев; на фоне густой, темной листвы выделялись освещенные солнцем стволы.

Мы знали, что где-то между нами и берегом притаился под водой коварный риф, подстерегающий все, что несет течением к невинному островку. Риф подставлял ножку катящим с востока могучим валам, они поднимались на дыбы, теряли равновесие и, рокоча, обрушивались на острые зубцы. Сколько судов было затянато яростными струями и разбито вдребезги о рифы Туамоту.

Но с моря эту волчью яму не было видно. Идя по ветру, мы видели только покатые лоснящиеся скаты волн, уходящих к острову. Сам барьерный риф и бурлящая вокруг него чертова мельница были скрыты от нас чередой высоких валов. Зато справа и слева от острова, у северной и южной оконечностей, которые мы видели, так сказать, в профиль, море в нескольких стах метрах от берега кипело и пенилось.

Мы взяли курс по касательной к беснующимся бурнам у южной оконечности острова. Расчет был такой: дойдя туда, либо поплывем дальше вдоль барьерного рифа, пока не окажемся с подветренной стороны, либо еще рань-

ше на мелком месте остановим дрейф самодельным якорем и будем ждать, пока переменится ветер и остров нас прикроет.

Около двенадцати часов мы увидели в бинокль, что растительность острова состоит из молодых зеленых кокосовых пальм, вздымающих плотно сомкнутые кроны над пышным волнистым кустарником. На берегу лежали на светлом песке огромные глыбы кораллового известняка. И никаких признаков жизни, если не считать парящих над пальмами белых птиц.

К двум часам мы приблизились уже настолько, что пошли вдоль острова совсем близко от коварного кольцевого рифа. Рокот прибоя напоминал гул водопада, а потом стало похоже, что с правого борта, в нескольких стах метрах от нас мчится неимоверной длины курьерский поезд. И мы видели, как высоко над гребнями изогнувшихся волн взлетают белые брызги.

На руле стояло два человека, но бамбуковая хижина не позволяла им увидеть, что происходит впереди. Ответственный за навигацию Эрик забрался на кухонный ящик и руководил рулевыми. Дело в том, что мы решили идти возможно ближе к опасному рифу. С мачты наблюдатель упорно высматривал проход или щель, сквозь которую можно было бы юркнуть. Течение шло вдоль рифа и не грозило нам никакими каверзами. Разболтанные гуары позволяли отклоняться до двадцати градусов от ветра, тоже направленного вдоль рифа.

Эрик вел плот зигзагами, приближаясь к рифу; насколько позволял прибой, а мы с Германом сели в резиновую лодку и пошли на длинном буксире. И когда плот делал вираж к острову, нас увлекало волнами так близко к рокочущему рифу, что мы видели падающую бутылочно-зеленую стену воды. Отступая, волны обнажали риф, словно баррикаду из ржаво-красной железной руды. Насколько хватает глаз, нигде не видно прохода или хотя бы щели. Тут Эрик разворачивал парус, выбирая левый и потравливая правый шкоты, рулевые переключивали весло, и «Кон-Тики» выходил из опасной зоны до следующего галса.

Каждый раз, когда «Кон-Тики», зайдя к рифу, делал поворот, у нас Германом душа уходила в пятки, потому что мы чувствовали, как возрастает ярость волн. И каждый раз нам казалось, что Эрик переборщил, не вывести ему «Кон-Тики» — прибой понесет плот на свирепый красный риф. Но Эрик уверенно совершал маневр, и «Кон-Тики» благополучно уходил в море, подальше от ковар-

ных шупалец прибоя. И все время мы продвигались вперед, причем настолько близко от берега, что могли разглядеть каждую мелочь. Увы, кипящий «крепостной ров» делал эту райскую красоту недосыгаемой для нас.

Часов около трех пальмовая роща расступилась, и в широкий просвет мы увидели голубое зеркало лагуны. Но барьерный риф все так же стоял плотной стеной, зловеще скаля кроваво-красные клыки. Прохода не было, а там и роща опять сомкнулась; мы продолжали идти вдоль острова, подгоняемые ветром. Дальше просветы следовали одни за другим, позволяя заглянуть в сердце атолла, где, будто тихое лесное озеро, простерлась изумительная сверкающая лагуна, окаймленная светлыми пляжами и гибкими кокосовыми пальмами. Восхитительный зеленый островок образовал широкое песчаное кольцо вокруг манящей лагуны; в свою очередь остров был окружен ржаво-красным рифом, который играл роль меча, охраняющего врата в царство небесное.

Целый день мы шли зигзагами вдоль Ангатау, и до прелестей его было рукой подать. Солнечные лучи ласкали пальмовую рощу, остров был олицетворением радости и счастья. Мы уже настолько отработали свой маневр, что Эрик достал гитару и, надев широкополую перуанскую шляпу, начал распевать чувствительные полинезийские мелодии. Тем временем Бенгт подал вкусный обед. Мы раскололи кокосовый орех из перуанского запаса и выпили его сок в честь свежих орехов на пальмах за рифом. Покой, который излучали ярко-зеленые, прочно вросшие в землю пальмы, парящие над кронами белые птицы, тихая гладь лагуны, мягкий песчаный бережок и свирепость красного рифа, наполняющего воздух канонадой и барабанным боем, — все это производило сильнейшее впечатление на нашу шестерку мореплавателей. Впечатление на всю жизнь... Да, вне сомнения, мы подошли к цели; более типичного полинезийского острова не придумать. Независимо от того, удастся ли нам сегодня причалить, мы достигли Полинезии, необозримый океан остался позади.

Так уж вышло, что этот праздничный день у берегов Ангатау был девяносто седьмым днем нашего плавания. Девяносто семь суток — срок, который мы наметили в Нью-Йорке как минимальный, при абсолютно идеальных условиях, чтобы достичь ближайших островов Полинезии.

Около пяти часов мы увидели на берегу между деревьями две хижины с крышами из пальмовых листьев. Но дыма не было видно, вообще никаких признаков жизни.

В половине шестого мы снова подошли к рифу. Осталось немного до западной оконечности острова, надо было еще раз напоследок осмотреть барьер: нет ли прохода. Солнце склонилось так низко, что слепило глаза, но все-таки там, где волны разбивались о риф в нескольких стах метрах от последнего мыса, можно было различить в воздухе небольшую радугу. А мыс выступал силуэтом на фоне неба. Мы заметили на берегу по соседству гроздь каких-то черных пятен. Вдруг одно пятно медленно двинулось к воде, а еще несколько ринулись к лесу. Люди! Мы прижались поближе к рифу, ветер ослаб, и было похоже, что плот скоро окажется с подветренной стороны острова. Вот спускают на воду лодку, двое садятся в нее и гребут там, за рифом. Пройдя немного вдоль коралловой гряды, они повернули лодку, она вошла в проход и, взлетая на гребнях, направилась к нам.

Так вот он где, долгожданный проход, вот она — наша единственная надежда! Между стволами мы теперь видели уже всю деревню. Но тени от деревьев стали заметно длиннее...

Гребцы приветственно помахали нам, мы поспешили ответить тем же, и они прибавили ход. Лодка представляла собой полинезийский аутригер, и два смуглых гребца в трусах и майках работали веслами. Как-то мы объяснимся? На плоту только я знал несколько слов на маркизском диалекте. Конечно, я жил на Фату-Хиве, но в Скандинавии не больно-то попрактикуешься в полинезийском языке.

Поэтому мы облегченно вздохнули, когда, причалив к плоту, гребцы вскочили на бревна и один из них, широко улыбаясь, подал нам руку с приветственным возгласом:

— Гуд найт!

— Гуд найт, — удивленно ответил я. — Ду ю спик инглиш?

Он опять улыбнулся и кивнул:

— Гуд найт, гуд найт.

Этим исчерпывалось его знание иностранных языков, которое явно производило огромное впечатление на второго, более робкого островитянина — он стоял сзади и с восхищенной улыбкой глядел на своего просвещенного друга.

— Ангатау? — спросил я, указывая на остров.

— Х'ангатау, — подтвердил туземец.

Эрик гордо кивнул головой. Он оказался прав, верно определил по солнцу, где мы находимся.

Я собрался с духом:

— Маимаи хее июта.

Если я правильно запомнил, чему меня учили на Фату-Хиве, это означало: «Хотеть идти к берегу».

Они дружно указали на неразличимый с плота проход в рифе, и мы переложили руль — попытаем счастья. В ту же минуту подул порывистый ветер со стороны острова. Над лагуной повисла дождевая тучка. Ветер норовил отогнать нас от рифа, и тут выяснилось, что «Кон-Тики» недостаточно слушается руля, чтобы выйти к проходу. Мы швырнули в воду якорь, но конец оказался коротким. Надо браться за весла, да поживей, пока ветер не взялся за нас всерьез. Мы поспешили убрать парус и взяли каждый по веслу. Я предложил весла и островитянам, которые наслаждались полученными от нас сигаретами. Однако они затрясли в ответ головой и снова показали на проход, с явным недоумением на лице. Я показал знаком, что надо всем грести и повторил: «Хотеть — идти — к берегу!» Тогда просвещенный полинезиец нагнулся и покрутил в воздухе правой рукой, сопровождая этот жест звуком:

— Бррррррррр..!

Ну конечно, предлагает нам запустить мотор. Они решили, что находятся на борту необычного судна с глубокой осадкой. Мы провели их на корму, чтобы они могли на ощупь убедиться, что там одни бревна — ни корпуса, ни винта. Побросав от изумления сигареты, туземцы заняли место у борта, и вот уже по четыре человека с каждой сторону орудут веслами. В это время солнце отвесно ушло в море за мысом, и порывы ветра с острова стали заметно чувствительнее. Мы явно не двигались с места. Туземцы прыгнули обратно в лодку и исчезли. Смеркалось, и мы отчаянно гребли вшестером, чтобы нас не унесло опять в море.

Тьма уже поглотила остров, когда за рифом показались четыре лодки. И вот на плоту целый отряд полинезийцев, здороваются, получают сигареты. С такими опытными помощниками мы не пропадем, они не дадут ветру унести плот в море, сегодня вечером быть нам на берегу!

Мы живо впрягли все четыре аутригера в плот, и они раскинулись веером впереди, будто собачья упряжка. Кнют прыгнул в надувную лодку и занял место вожака, а мы сидели у бортов «Кон-Тики» и работали веслами. И начался поединок с восточным ветром.

Луна еще не взошла, стоял крошечный мрак, и дул свежий ветер. На берегу жители деревни натаскали хворосту и разожгли большой костер, чтобы указать нам на-

правление на проход. Рокот прибоя отдавался во тьме, словно гул водопада, и поначалу сила звука росла.

Мы не могли видеть свою артель буксировщиков, но слышали, как они, не жалея глоток, подбадривают себя воинственными песнями. Кнют старался не отставать, в перерыве между полинезийскими куплетами мы слышали его одинокий голос, распеваящий «Вперед, отважные». Чтобы хаос был полным, мы на плоту затянули «Том Браунз бэби хэд э пимпл он хиз ноуз». («У крошки Тома Брауна был прыщик на носу»). Смеясь и распевая, белые и коричневые навалились на весла.

Настроение было отменное. Девяносто семь суток. Мы в Полинезии. Сегодня вечером в деревне будет праздник. Жители кричали и ликовали. Гости на Ангатау появлялись только раз в год, когда с Таити приходила шхуна за копррой. Да, сегодня у костра на берегу будет весело!

Но этот проклятый ветер не уступал. Мы налегали на весла так, что все суставы ныли. И не давали ветру снести плот, но костер не приближался, и прибой ревел, как прежде. Постепенно пение смолкло. Все притихли, заняты греблей. Костер не двигался, только покачивался в лад подбрасывавшим нас волнам. Часы показывали девять, поединок длился уже три часа. И вот нас мало-помалу начинает сносить. Мы выдохлись.

Нам удалось втолковать островитянам, что нужны еще люди. Они ответили, что людей-то на берегу хватает, а вот лодок больше на острове нет.

Из темноты показался Кнют. Ему пришла в голову идея: можно подвести несколько мужчин с берега на надувной лодке. В крайнем случае человек пять-шесть поместятся.

Я возразил, что это слишком рискованно. Кнют не знает здешних вод, ему ни за что не выйти к проходу в такую тьму. Тогда он предложил взять с собой предводителя, пусть покажет дорогу. Мне и эта мысль не очень-то пришлась по душе, ведь им еще никогда не доводилось форсировать опасный, узкий проход на неповоротливой надувной лодке. Поэтому я попросил Кнюта пригласить предводителя, который сидел на одном из аутригеров. Поедем, что он скажет. Было очевидно, что снос остановить нам не под силу.

Кнют ушел во тьму за предводителем. Ждем — ни Кнюта, ни предводителя. Мы покричали и услышали в ответ нестройные возгласы гребцов. Кнют словно в воду канул. И мы поняли, что в спешке и неразберихе Кнют все перепутал, пошел вместе с островитянином к берегу. Те-

перь кричи не кричи, не услышит он ничего за оглушительным рокотом прибоя на рифе.

Мы живо отыскали сигнальный фонарь, один из членов экипажа взобрался на мачту и стал передавать азбукой Морзе: «Вернись. Вернись».

Но никто не возвращался.

Два человека выбыли, третий сидел с фонарем на мачте, и плот начало сносить сильнее; и ведь мы крепко устали. Стоило бросить в воду несколько щепочек, и было видно, что плот медленно, но верно идет не туда, куда нам надо. Костер казался все меньше, и прибой ревел уже не так грозно. И чем дальше мы выходили из-под прикрытия леса, тем сильнее был напор неумолимого восточного ветра. Старый знакомый, вот так он дул и в открытом море. И мы поняли, что поединок проигран. Нас несло в океан. Но весла бросать никак нельзя, надо, сколько хватит сил, грести, тормозить снос, пока Кнют не вернулся на борт.

Прошло пять минут. Десять минут. Полчаса. Костер стал совсем маленьким, порой он вовсе исчезал, когда мы съезжали в ложбины между волнами. Прибой все глуше рокотал вдалеке. Показалась луна, мы разглядели ее сверкающий диск за пальмами на берегу, но небо было мглистое, наполовину затянутое тучами.

Мы услышали, как островитяне совещаются, потом один аутригер вдруг отдал конец и скрылся. Гребцы на остальных трех лодках подустали и оробели, они уже не могли работать в полную силу. «Кон-Тики» уходил в открытое море.

Оставшиеся три буксирных конца ослабли, лодки со стуком уткнулись в борт. Один из полинезийцев перебрался на плот и, тряхнув головой, спокойно произнес:

— Июта. К берегу.

Он озабоченно посмотрел на костер, который подолгу пропадал за валами, лишь иногда мелькая вдали, словно искра. Мы быстро удалялись. Шум прибоя заглох, только море плескалось, как прежде, да скрипели на разные голоса канаты.

Мы щедро одарили наших помощников сигаретами, и я поспешно написал записку, чтобы они передали ее Кнюту, если разыщут его. «Попроси, чтобы двое подбросили тебя на аутригере, лодку возьмете на буксир. Ни в коем случае не выходи один на лодке».

Мы рассудили, что дружелюбные островитяне привезут Кнюта на аутригере, если только посчитают безопасным выходить сейчас в море. А не посчитают, тогда со стороны

Кнюта было бы безумием в одиночку выходить в океан с надувной лодкой, вдогонку за непокорным плотом.

Островитяне взяли записку и исчезли в ночи. Напоследок мы услышали, как звонкий голос крикнул:

— Гуд найт!

Менее поднаторевшие в иностранных языках одобрительно что-то пробурчали, затем все посторонние звуки смолкли, будто тысяча морских миль отделяла нас от ближайшей суши.

Грести вчетвером при полном ветре в открытом море было бесполезно, но сигналить с мачты мы не переставали. Передавать «вернись» мы уже не решались, просто включали и выключали фонарь через равные промежутки времени. Царил крошечный мрак, луна лишь изредка проглядывала между тучами. Не иначе над нами навис ангаусский кумулюнимбус.

В десять вечера мы окончательно потеряли надежду вновь увидеть Кнюта. Сидя на краю плота, молча пожелали галегы. И все время по очереди слали световые сигналы с мачты, такой одинокой и голой без широкого паруса с головой Кон-Тики.

Мы были готовы сигналить всю ночь, покуда не станет ясно, где Кнют. Мы не допускали мысли, что его могло накрыть прибоем. Кнют всегда выходил сухим из воды, будь то тяжелая вода или буруны, и конечно, он жив. Но уж очень это нелепо, если он останется с полинезийцами на уединенном острове в Тихом океане. Совсем глупо. После такого плавания только понюхать земли, высадить человека в глухом уголке Полинезии, а самим пойти дальше... Не успели первые полинезийцы ступить на борт, как им пришлось уносить ноги, чтобы не оказаться жертвами безудержного стремления «Кон-Тики» на запад. Черт те что. И канаты скрипели как-то особенно нудно. Никто из нас не помышлял о сне.

Часы показывали половину одиннадцатого. Бенгт спускался с качающейся мачты, отсидев свое. Вдруг мы вздрогнули. Из темноты к нам явственно донеслись чьи-то голоса. Вот опять. Полинезийская речь. Мы закричали «эгей!» что было мочи. В ночи отдалось ответное «эгей!», и мы узнали голос Кнюта! От радости мы были готовы, как говорится, съесть собственную шляпу, усталость прошла, мрачное настроение разрядилось. Подумаешь, нас отнесло от Ангатау — в океане полно других островов. Теперь эта неугомонная девятка бальсовых бревен может дрейфовать, куда угодно, была бы наша шестерка в полном составе на борту.

Прыгая через валы, из мрака вынырнули три аутригера, и Кнют первым вскочил на палубу старого доброго «Кон-Тики», за ним последовали шесть полинезийцев. Долго беседовать было некогда, надо поскорей вручить подарки, чтобы они могли пуститься в опасный путь обратно на остров. Не видя ни огней, ни берега — даже звезды едва можно было различить, — гребцы могли руководствоваться только ветром и волнами, идти против них, пока не покажется костер. Мы щедро вознаградили их съестным, сигаретами и другими подарками, и они горячо пожалы нам руки на прощание.

Островитяне явно беспокоились за нас, жестами они дали нам понять, что на западе нас подстерегает грозный риф. Предводитель со слезами на глазах поцеловал меня в щеку, да так горячо, что я мысленно поблагодарил судьбу за свою пышную бороду. Затем они вернулись в лодки, и мы снова остались одни на плоту, в полном составе.

Предоставив «Кон-Тики» дрейфовать, как ему заблагорассудится, мы слушали рассказ Кнюта.

Неправильно истолковав мое распоряжение, Кнют взял к себе в надувную лодку предводителя гребцов и пошел с ним к берегу. Полинезец сам работал веслами, ведя лодку к проходу в рифе. Вдруг Кнют, к своему удивлению, увидел сигналы с «Кон-Тики», предлагающие ему вернуться. Жестом он показал гребцу, что надо поворачивать, но тот не подчинился. Кнют сам ухватился за весла, но полинезец оттолкнул его руки. Затевать потасовку рядом с ревушим во мраке рифом было слепо. Они вприпрыжку прошли сквозь проход и продолжали идти уже под прикрытием рифа, пока волна их не посадила на глыбу коралла на берегу. Множество рук тотчас подхватило резиновую лодку и оттащило ее подальше от воды, и Кнют очутился под пальмами, окруженный толпой островитян, тараторивших что-то на непонятном для него языке. Смуглые босые мужчины, женщины и дети всех возрастов обступили гостя, щупали его рубашку, штаны. На них тоже была европейская одежда, но старая, изношенная. Белых на острове не было.

Кнют обратился к самым крепким парням, жестами пригласил их выйти с ним на лодке. Тут появился какой-то толстый здоровяк, не иначе вождь, потому что на нем была старая форменная фуражка и говорил он громко и властно. Все расступились, пропуская его. Кнют толковал по-норвежски и по-английски, что ему нужны люди, надо добраться до плота, пока нас не унесло совсем. Но

вождь его не понимал и только улыбался в ответ. Как Кнют ни возражал, гомонящая толпа увлекла его за собой в деревню. Здесь его встретили собаки, свиньи и куры; очаровательные молодые полинезийки поднесли ему свежие фрукты. Островитяне явно задумали потрафить Кнюту, но он не поддавался ни на какие соблазны, с грустью думая об уходящем на запад «Кон-Тики». Понять их было не трудно. Они истосковались по людям из внешнего мира, и они знали, что у белого человека на судне есть всякая всячина. Нужно только задержать Кнюта, тогда и мы причалим к берегу со своим необычным судном. Белые ни за что не бросят своего товарища на таком уединенном острове, как Ангатау.

После всяких приключений Кнюту удалось все-таки настоять на своем, и сквозь толпу почитателей и почитательниц он начал протискиваться к надувной лодке. На международном языке жестов он втолковал островитянам, что должен непременно возвратиться на это странное судно, которое почему-то упорно стремилось дальше.

Тогда полинезийцы пустились на хитрость и знаками показали Кнюту, будто мы уже идем к берегу за мысом. Кнют растерялся, однако тут послышались громкие голоса у костра, в который женщины и ребятишки непрерывно подбрасывали хворост. Это вернулись три аутригера, и гребцы передали Кнюту нашу записку. Отчаянное положение! В записке говорилось, чтобы он не выходил один в море, а островитяне наотрез отказывались проводить его.

Разгорелся шумный и жаркий спор. Видевшие плот отлично понимали, что удерживать Кнюта, чтобы привлечь остальных, нет смысла. В конце концов Кнют посулами и угрозами убедил гребцов помочь ему догнать «Кон-Тики». И с надувной лодкой на буксире они ушли в тропическую ночь. А возле затухающего костра стояла притихшая толпа, провожая взглядом своего светлогоже друга, который исчез так же внезапно, как появился.

Выйдя в море, провожатые Кнюта заметили с гребней мигание нашего фонаря. Узкие, стройные полинезийские челны с острым противовесом для устойчивости ножом резали волну, и все-таки для Кнюта прошла вечность, прежде чем он снова ступил на толстые бревна «Кон-Тики».

— Что, хорошо на берегу? — завистливо спросил Торстейн.

— Еще как! Ты бы видел, какие там девушки! — поддразнил его Кнют.

Мы не стали поднимать парус, весла тоже оставили в покое, забрались в хижину и уснули как убитые.

Трое суток мы шли дальше, не видя никаких признаков суши.

Нас несло прямо на грозные рифы Такуме и Рароиа, которые выстроили на нашем пути барьер длиной в 70—80 километров. Мы делали все, чтобы обойти с севера эти коварные гряды, и нам казалось, что это удастся, пока вахтенный ночью не ворвался в хижину с криком: «Подъем!»

Ветер переменился. Он гнал плот на риф Такуме. Шел дождь, видимость была равна нулю. А до рифа оставалось совсем немного.

Тут же мы устроили совет. Дело шло о жизни и смерти. Теперь нечего было и думать о том, чтобы обогнуть риф с севера, оставалось попытаться сделать это с юга. И, переложив парус и руль, мы легли на рискованный курс, подгоняемые неустойчивым северным ветром. Если опять подует с востока прежде, чем мы минуем восьмидесятикилометровый фасад рифов, нам уже не спастись от ярости прибоя.

На случай аварии был разработан план, как себя вести. Во что бы то ни стало надо удержаться на плоту. На мачту не влезать, оттуда нас стряхнет, как перезревшие плоды, будем изо всех сил цепляться за штаги, когда плот захлестнет волнами. Резиновую лодку положили на палубе, а в нее погрузили и покрепче привязали маленькую герметичную радиостанцию, немного провианта, фляги с пресной водой и аптечку. Если при форсировании рифа мы останемся без снаряжения, этот аварийный запас вынесет на берег независимо от нас. На корме «Кон-Тики» мы укрепили длинный канат с поплавком: его тоже выбросит, и мы попробуем подтянуться к берегу, если плот застрянет на рифе. После совета мы снова улеглись спать, оставив под дождем рулевого на вахте.

Пока держался северный ветер, мы медленно, но верно дрейфовали на юг мимо притаившегося за горизонтом кораллового рифа. Но однажды под вечер ветер стих, а вернулся он уже с востока. По расчетам Эрика, нас снесло на юг так далеко, что появилась надежда обойти южную оконечность рифа Рароиа. А там попытаемся зайти сзади и укрыться с подветренной стороны, пока нас не отнесло дальше, к другим рифам.

Когда спустилась ночь, мы отметили сотые сутки своего пребывания в океане.

Среди ночи я проснулся от какого-то тревожного пред-

чувствия. Волны вели себя как-то странно — «Кон-Тики» шел не так, как обычно в таких же условиях. Мы научились сразу улавливать перемену, если бревна начинали колыхаться по-другому. Подумав, что сказывается откат от встречи волн с приближающимся берегом, я поминутно выходил и карабкался на мачту. Океан, один океан кругом. Но уснуть я уже не смог. Время тянулось очень медленно.

На рассвете, часов около шести, Торстейн, дежуривший на мачте, скатился вниз и сказал, что прямо по курсу вдали видно цепочку островков с пальмами. Первым делом мы переложили руль так, чтобы идти ввозможно южнее. Судя по всему, Торстейн увидел коралловые островки, которые выстроились в круг за рифом Рарона, будто бусы в ожерелье. Значит, нас опять подхватило течение, идущее на север.

К половине восьмого вдоль всего горизонта на западе открылась гирлянда островов. Самые южные из них лежали прямо по носу, остальные тянулись справа, теряясь вдалеке на севере. До ближайших островов оставалось 4—5 морских миль.

Одного взгляда с макушки мачты было довольно, чтобы убедиться: хотя нос плота и смотрел на крайний южный островок гирлянды, боковой снос был настолько силен, что мы шли не прямо, а наискосок, в сторону рифа. Будь наши гуары в порядке, мы еще могли бы попытаться обойти грядку. А нырнуть и укрепить вихляющиеся доски новыми растяжками мы не смели: возле самого плота увидались акулы.

Стало очевидно, что нам осталось плыть на «Кон-Тики» от силы часа два. За это время надо было подготовиться к неминуемому крушению на рифе. Каждому было сказано, что делать в решающую минуту, каждый точно знал свои обязанности, чтобы не метаться и не мешать друг другу, когда все будут решать секунды. «Кон-Тики» переваливал через волны, вверх-вниз, вверх-вниз, и ветер упорно ташил нас к барьерному рифу. Не оставалось никакого сомнения, что частая неровная волна вызвана откатом валов, которые попусту колотятся о коралловую грядку.

Мы не спускали парус, еще надеялись, что удастся обогнуть риф. Приближаясь бортом к нему, мы увидели, как гирлянда островков смыкается с торчащей из моря рваной грядкой, похожей на мол, на котором бурлила белая пена и высоко вверх взлетали кипящие каскады.

Кольцевой риф Рарона напоминает овал с поперечни-

ком в 40 километров, его длинная сторона обращена на восток, откуда мы приближались вместе с волнами. Ширина самого барьера всего несколько сот метров, а за ним тянется цепочка идилических островков, окруживших тихую лагуну.

Не очень-то приятно было смотреть, как голубые валы Тихого океана разбиваются вдребезги впереди и с обеих сторон, сколько хватает глаз. Я знал, что нас ожидает, уже бывал на Туамоту — стоял в безопасности на берегу и любовался грозным зрелищем на востоке, где могучий океанский прибой обрушивался на барьерный риф. На юге из-за горизонта появлялись все новые рифы и острова. Видно, мы очутились перед самым фасадом коралловой стены.

На борту «Кон-Тики» шли последние сборы. Все ценные для нас предметы внесли в хижину и прочно привязали. Документы и записи уложили в непромокаемые мешочки вместе с фотоаппаратом и другими вещами, боящимися воды. Хижину накрыли парусиной, которую укрепили прочными растяжками. Когда стало ясно, что столкновения никак не избежать, мы подняли палубный настил и секачами перерубили крепления гуар. Мы основательно помучились, вытягивая доски, они густо обросли морскими уточками. Зато без них плот сидел не так глубоко, мог легче перевалить через риф. Без гуар, с убранным парусом плот совсем развернулся боком и превратился в игрушку ветра и волн.

Привязав самый длинный конец к самодельному якорю, мы закрепили его за колесо мачты, опирающееся на левый борт. Когда бросим якорь, «Кон-Тики» войдет в прибой кормой вперед. Сделали мы его из пустых канистр, набитых израсходованными батареек и прочим тяжелым утилем, и кусков мангрового дерева.

Приказ номер первый (и последний) гласил: «Держаться за плот!» Что бы ни случилось, надо было оставаться на плоту, пусть девять могучих бревен принимают на себя удары рифа. С нас довольно предстоящего поединка с валами. Прыгнешь за борт — окажешься во власти прибоя, и пойдет тебя швырять на острые зубья. Резиновую лодку круглые волны опрокинут, и если мы в нее влезем, она с таким грузом будет разорвана в клочья о риф. А бревна рано или поздно вынесет на берег, и нас вместе с ними, если сумеем удержаться на плоту.

Я велел также всем обуться, впервые за сто суток, а также приготовить спасательные жилеты. Правда, от жилетов мы не ждали особой пользы, ведь, если свалишься

за борт, тебя разобьет о кораллы раньше, чем ты утонешь. Время еще позволяло взять свои паспорта и поделить оставшиеся доллары. Вообще мы не могли еще пожаловаться на нехватку времени.

Потянулись напряженные часы. Нас неумолимо несло боком все ближе и ближе к рифу. На борту царило подчеркнутое спокойствие, мы молча передвигались по палубе, каждый был занят своим делом. Серьезное выражение лиц говорило, что никто не обманывается насчет того, что нам предстоит. А отсутствие нервозности свидетельствовало, что все успели проникнуться доверием к плоту. Если он одолел океан, то как-нибудь сумеет доставить нас живыми на берег.

В хижине громоздились картонки с провиантом и прочий груз. Торстейн с грудом втиснулся в радиоуголок и включил передатчик. 8 тысяч километров отделяло нас от нашей базы в Кальяо и военно-морского училища, с которым мы все время держали связь; еще больше было до коротковолновиков в США. Но вышло так, что накануне нам удалось связаться с опытным радиолюбителем на острове Раротонга в архипелаге Кука, и вразрез с обычным порядком был назначен дополнительный сеанс на утро. И вот теперь, когда волны несли нас к рифу, Торстейн взялся за ключ и начал вызывать Раротонгу.

В 8.15 в вахтенном журнале «Кон-Тики» появилась запись:

«Медленно приближаемся к суше. Право до борта можно простым глазом различить отдельные деревья на берегу».

«Ветер опять переменился не в нашу пользу, у нас нет надежды обойти риф. Никакой нервозности на борту, идут торопливые приготовления. На рифе перед нами виднеется что-то похожее на остов разбитого парусника, но, может быть, это просто куча плавника».

9.45:

«Ветер несет нас к предпоследнему острову за рифом. Ясно видим весь коралловый риф, белый с красными пятнами кольцевой барьер, чуть выдающийся над водой и окаймляющий все острова. Вдоль всего рифа взлетают в воздух бурлящие волны прибоя. Сейчас Бенгт подает сытный горячий завтрак — последний перед великим испытанием! Да, это разбитое судно лежит там, на рифе. Мы подошли уже так близко, что различаем контуры других островов за прикрытой рифом блестящей гладью лагуны».

Глухой рокот прибоя надвигался все ближе, весь риф гудел, и казалось, это звучит неистовая барабанная дробь, предвещающая волнуемый финиш «Кон-Тики».

9.50: «Подожли очень близко. Дрейфуем вдоль рифа. Осталось всего несколько сот метров. Торстейн держит связь с радистом на Раротонге. У нас все готово. Пора убирать вахтенный журнал. Настроение у всех бодрое, нам будет нелегко, *но мы справимся!*»

Спустя несколько минут якорь пошел в воду и лег на грунт, после чего «Кон-Тики» развернулся кормой к прибою. Так мы продержались несколько драгоценных минут, пока Торстейн лихорадочно стучал ключом. Раротонга отозвалась. Прибой гроыхал, волны дыбились. На палубе кипела работа, и Торстейн наконец передал свое сообщение. Он предупредил, что нас несет на риф Рароиа. И попросил Раротонгу каждый час слушать на этой же частоте. Если мы будем молчать больше тридцати шести часов, пусть известит норвежское посольство в Вашингтоне. Торстейн закончил словами: «O. K. 50 yards left. Here we go. Good bye». («Вас понял. Осталось 50 ярдов. Связь кончаем. До свидания».) Потом он выключил станцию, Кнют спрятал бумаги, и оба живо выбрались на палубу. Якорь уже не держал.

Все сильнее ярились волны, разделенные глубокими ложбинами, плот бросало вверх и вниз, вверх и вниз, с каждым разом выше и выше.

Опять прозвучала команда:

— Держаться, не думать о грузе, только держаться!

Бушующие каскады были так близко, что мы уже не слышали ровного гула. Теперь до нас доносился отдельный грохот всякий раз, когда ближайший вал обрушивался на риф.

Все стояли наготове, и каждый держался за ту растяжку, которая ему казалась надежнее. Лишь Эрик в последнюю минуту полез в хижину, у него остался невыполненным один пункт программы — он еще не нашел своих ботинок!

На корме никого не было, ведь удар должен был прийтись на нее. К тому же толстые штаги, соединявшие топ мачты с кормой, нельзя было считать надежными. Если мачта рухнет, они повиснут над рифом. Герман, Бенгт и Торстейн влезли на ящики перед хижинной; Герман взялся за растяжки, идущие от конька крыши, остальные двое уцепились за фалы, спадающие с топа мачты. Мы с Кнютом избрали топштаг: если и мачту, и хижину смое

за борт, рассуждали мы, штаг, ведущий к носу, все равно ляжет на плот, ведь волны теперь накатывались с носа.

Убедившись, что плот захвачен прибоем, мы обрубил якорный конец — и началось. Могучий вал вырос под нами и поднял «Кон-Тики» вверх. Настала решающая минута, мы шли верхом на гребне с такой скоростью, что разболтанный плот трещал по всем швам. От волнения кровь бурлила в жилах. Помню, стремясь дать выход своим чувствам, я не придумал ничего лучшего, как взмахнуть рукой и изо всех сил закричать «ура». Мои друзья несомненно решили, что я свихнулся, но отозвались улыбкой. Ух как лихо мы неслись вперед. Пробил час боевого крещения «Кон-Тики», все будет хорошо!

Но победный восторг вскоре поумерился. Позади нас зеленой стеклянной горой вздыбилась новая волна, мы покатались вниз, а она нависла над нами; я увидел высоко вверху ее гребень и в ту же секунду ощутил сильнейший толчок, меня поглотила вода. Волна напирала с невероятной силой, я весь напрягся, а в голове была одна мысль: держаться, держаться. Скорее руки и ноги оторвутся, чем мозг даст им команду отпустить, зная, чем это кончится. Но вот водяная гора перевалила через меня, свирепая хватка ослабла. Бешеный вал с оглушительным ревом покатился дальше, и я увидел рядом с собой сжавшегося в комочек Кнюта. Сзади огромная волна казалась серой и почти плоской, она прошла над крышей, схлынула, и я увидел прильнувшую к крыше тройку.

Плот еще не дошел до рифа.

Я поспешил крепче зацепиться руками и ногами за штаг. Кнют отпустил трос и прыжком очутился на ящиках: там хижина принимала часть напора на себя. Ребята прокричали мне что-то ободряющее, в ту же секунду на нас пошла новая зеленая гора. Выкрикнув предупреждение, я сжался и весь напрягся. И снова кругом ад крошечный, снова «Кон-Тики» исчез под водой. Могучий океан всей грудью навалился на маленького человека. Вторая волна схлынула, за ней точно так же прошла третья.

Вдруг я услышал торжествующий голос Кнюта, который теперь висел на веревочном трапе:

— А плот-то не поддается!

Да, три волны смогли только чуть наклонить двойную мачту и хижину. Мы снова ощутили свое превосходство над стихиями, и воодушевление прибавило нам сил.

Тут вырос новый вал, выше всех прежних, я опять крикнул ребятам: «Берегись!» — постарался залезть повыше и крепче ухватился за штаг. И вот уже меня поглотила высооченная зеленая стена, метров на восемь, по оценке моих товарищей, и от того места, где я исчез в воде, до бурлящего гребня было не меньше 5 метров. Затем вал захлестнул их тоже, и каждый думал лишь об одном: держаться, держаться, держаться...

Должно быть, тут-то мы и наскочили на риф. Я чувствовал только, как штаг провисает, поддаваясь толчкам, но откуда идут толчки, сверху или снизу, мне было не разобрать.

Поединок с волной длился всего несколько секунд, но он требовал усилий, на которые человек обычно не способен. Видно, в нашем организме есть не только мышечная сила. Я решил: если мне суждено умереть, умру в этой позе, обвязавшись узлом вокруг штага. Грохочущий вал прокатился дальше, ушел, и нам открылось страшное зрелище. «Кон-Тики» преобразился, как по волшебству. Судна, с которым мы свыклись за много недель плавания в океане, не было больше, наш уютный мирок в два счета превратился в развалину.

Я видел на борту лишь одного человека. Он лежал ничком поперек крыши, раскинув руки в стороны, а хижина сложилась, будто карточный домик, в сторону заднего правого угла. В безжизненной фигуре я узнал Германа. Больше никого... Твердая, как железо, мачта с правого борта переломилась, словно спичка, при падении верхняя часть ее врезалась в крышу хижины, и теперь все мачтовое устройство завалилось вправо. На корме развернуло колоду с уключиной, поперечина треснула, весло разлетелось вдребезги. Толстые сосновые доски носового бортика волна сокрушила, будто фанеру, палуба была сорвана и вместе с ящиками, канистрами, брезентом и другим грузом прилипла, словно мокрая бумага, к передней стене хижины. Всюду торчали обломки бамбука, концы рваных канатов — словом, полный хаос.

Я похолодел от страха. Какой толк, что я удержался. Стоит потерять на финише хотя бы одного человека, и все будет испорчено, а после последнего удара видно пока одного лишь Германа. В эту минуту возле борта показалась скрюченная фигура Торстейна. Цепляясь за штаги, будто обезьяна, он выбрался на бревна и влез на груды обломков перед хижиной. Тут и Герман, продолжая ле-

жать, повернул голову и изобразил ободряющую улыбку. Я крикнул: «Где остальные?» — и услышал спокойный голос Бенгта: «Все на плоту». Они лежали, держась за канаты, за баррикадой, которую образовал сорванный валом палубный настил.

Все это произошло за те секунды, когда «Кон-Тики» вместе с волной отступал от шипящего рифа — навстречу новой волне. В последний раз я что было мочи рявкнул: «Держись!» — и сам показал пример. Держась за штаги, я на две-три бесконечно долгих секунды канул в ревущую стремнину. Все, больше сил нет. Я увидел, что концы бревен бодают крутой уступ в коралловой гряде и никак не могут перевалить через нее. Затем нас снова потащило назад. Я видел также своих товарищей, распластавшихся поперек крыши, но никто из нас уже не улыбался. Из-за бамбуковой плетенки донесся бесстрастный голос:

— Так не пойдет!

И мной тоже овладело отчаяние. Верхушка мачты все ниже склонялась над водой у правого борта, а вместе с ослабевшим штагом и я повис над морем. Еще волна. Когда она прошла, я ощущал смертельную усталость и думал только о том, как бы перебраться на бревна и залечь за баррикадой. Вода схлынула, отступила, и я впервые увидел обнажившийся красный узловатый риф под ногами. А Торстейн стоял, пригнувшись, на блестящих влажных кораллах и держал свисающие с мачты концы. Кнют было подался к корме, но я крикнул, что надо оставаться на плоту, и Торстейн, которого смыло за борт, кошачьим прыжком вернулся на бревна.

Еще две или три волны навалились на нас, но уже не так неистово. Смутно помню, как набегала и отступала пенящаяся вода, и как я все ниже опускался к красному рифу, через который волны тащили плот. Потом до нас стали долетать только брызги да пена, и я перелез на плот, где ребята уже собрались на конце бревен, дальше других забравшихся на риф.

Вдруг Кнют присел и, держа лежавший наготове лень, прыгнул на край рифа. Пока волна откатывалась, он пробежал вброд метров тридцать и спокойно остановился. Очередная волна, шипя, ринулась следом, выдохлась и широким потоком скатилась обратно с плоской поверхности рифа.

В это время из сплюсненной хижины выбрался Эрик — обутый. Сидели бы мы вместе с ним, отделались бы куда легче. Хижину не смыло, она просто легла под парусиной, и Эрик удобно лежал среди груза, слыша грохот прибора

и видя, как прогибаются упавшие бамбуковые стены. Бенгт получил легкое сотрясение мозга, когда сломалась мачта, но сумел забраться в хижину к Эрику. Нам бы всем там укрыться, да кто же знал, что бамбуковая плетенка, найтовы и бальса так крепко будут держаться друг за друга и устоят против напора воды.

Эрик стоял наготове на корме, и как только волна отступила, тоже прыгнул на риф. За ним последовал Герман, потом Бенгт. Каждая волна заталкивала бревна подалее на коралловую грядку, и, когда очередь дошла до нас с Торстейном, плот уже так далеко забрался на риф, что не было причин покидать его. И мы все принялись спасать груз.

Коварный уступ, по которому плот взбирался на риф, остался метрах в двадцати позади нас. Это оттуда одна за другой катили разбившиеся волны. Коралловые полипы потрудились, соорудили такой высокий барьер, что только гребни волн переваливали через него в изобилующую рыбой лагуну. Здесь начинался подлинный мир кораллов, начинались сказочные формы и краски.

Далеко на рифе ребята обнаружили полузатопленную резиновую лодку. Вылив воду, они подтащили ее обратно к разбитому плоту и нагрузили самым драгоценным снаряжением, в дополнение к радиостанции, провианту и флягам с пресной водой: Все это мы отбуксировали подалее от прибоя и сложили на торчащей над рифом здоровенной глыбе. Потом пошли за новой партией груза. Лучше не мешкать, а то начнутся приливы да отливы, кто его знает, что нас тогда ждет.

В мелкой воде на рифе лежало что-то блестящее и сверкало в солнечных лучах. Мы пошли туда и с удивлением увидели две пустых консервных банки. Неожиданная находка, а еще больше нас поразило, что банки были совсем новые, недавно вскрытые, с надписью «Ананас» и другим текстом, совпадающим с надписью на военных пайках, которые мы получили на испытание от квартирмейстера. Оказалось, это наши банки, выброшенные за борт во время последнего завтрака на «Кон-Тики». Они ненамного опередили нас.

Узловатая, зазубренная поверхность кораллового рифа была испещрена промоинами, и вода стояла где по колено, где по грудь. Кораллы, водоросли, морские анемоны придавали рифу вид цветника с окаменевшими мхами, кактусами и красными, желтыми и белыми цветками. Все краски спектра были представлены здесь кораллами и водорослями, моллюсками и червями, юркими рыбами не-

виданной расцветки. В самых глубоких промоинах к нам в кристально чистой воде подкрадывались небольшие, с метр, акулы. Впрочем, довольно было шлепнуть ладонью по воде, чтобы они бросились наутек.

Там, где потерпел крушение «Кон-Тики», кругом были одни только лужицы да коралловые плиты, а тихая голубая лагуна начиналась дальше. Наступил час отлива, и все новые кораллы появлялись из воды вокруг нас, а неустанно ревуший прибор как бы спустился этажом ниже. Мы могли лишь гадать, что тут будет твориться в разгар прилива. Надо было уходить.

Риф тянулся на север и на юг, будто наполовину врытый в землю крепостной вал. Далеко на юге лежал длинный, густо поросший пальмами остров. А к северу от нас, в каких-нибудь 600—700 метрах, был другой, совсем крохотный островок. На фоне неба топорщились пальмовые кроны, а к прикрытой рифом мирной лагуне сбегали белые, как снег, песчаные берега, и островок напоминал корзинку с пышным букетом или рай в миниатюре.

Его мы и выбрали.

Герман стоял рядом со мной, вся его бородатая физиономия сияла. Не говоря ни слова, он со счастливой улыбкой протянул мне руку.

«Кон-Тики» все еще лежал на краю рифа, где его обдавали пенистые струи. Развалина, но развалина заслуженная. Волны сокрушили настил и надстройку, но девять бальсовых бревен из киведского леса в Эквадоре уцелели. Они спасли нам жизнь. Море смыло часть груза, однако то, что мы убрали в каюту, было в полной сохранности. Мы забрали с плота все, что представляло какую-то ценность для нас, и перенесли на здоровенную глыбу подальше от воды.

Прыгая с бревен на риф, я поймал себя на том, что мне недостает лоцманов, которые обычно сновали перед носом плота. Могучие бревна лежали на кораллах, где воды было от силы на 20 сантиметров, и под носом извивались коричневые черви. Лоцманы исчезли. Корифены исчезли. Вместо них среди бревен мелькали любопытные рыбы, плоские, яркие, как павлин, с хвостом в виде шлейфа. Мы пришли в новый мир. Юханнеса не было в его норке. Знать, нашел себе здесь другое убежище.

Я еще раз окинул взглядом разбитый плот и заметил крохотную пальмочку в сплющенной корзине. Она поднималась на полметра из глазка в кокосовом орехе, свесив вниз два корешка. Держа в руке орех, я пошел вброд к островку. Неподалеку от меня весело шагал Кнют, зажав под мышкой модель «Кон-Тики», в которую он вложил немало труда. Мы обогнали нашего несравненного завхоза Бенгта. Согнувшись в три погибели, с шишкой на лбу, купая бороду в воде, он толкал перед собой ящик, который убегал от него всякий раз, когда через риф в лагуну вливались свежие струи. Бенгт гордо приоткрыл крышку — это был наш кухонный ящик, с примусом и кастрюлями, в полной сохранности.

Никогда мне не забыть, как мы шли через риф к райскому островку. Дойдя до солнечного пляжа, я сбросил ботинки, и пальцы ног погрузились в сухой горячий песок. Вид следов, нарушивших нетронутую песчаную полосу перед пальмами, доставлял мне наслаждение. Я продолжал идти к центру островка, и зеленые кроны сомкнулись над моей головой. На пальмах висели несозревшие кокосовые орехи, пышный кустарник был осыпан белоснежными цветами, которые источали сладкое, пьянящее благоухание. Возле самых моих плеч безбоязненно парили две морских ласточки — белые и легкие, словно два облачка. Маленькие ящерчики разбегались во все стороны, но главными обитателями острова были здоровенные алые раки-отшельники, которые бродили повсюду, спрятав нежное брюшко в краденые раковины величиной с яйцо.

В приливе чувств я опустил на колени и погрузил руки в горячий песок.

Плавание окончено, и все живы. Нас прибило к необитаемому полинезийскому острову. И что за остров! Подошел Торстейн, сбросил с плеч мешок и растянулся навзничь на песке, любуясь пальмовыми кронами и бесшумно парящими в воздухе невесомыми белыми птицами. Вот уже вся наша шестерка распласталась на земле. Неугомонный Герман влез на небольшую пальму и сорвал гроздь здоровенных зеленых орехов. Срубив секачами мягкие макушки, мы стали жадно глотать самый чудесный и самый освежающий напиток в мире — сладкое, холодное молоко незрелого кокосового ореха. А с рифа доносился ровный рокот барабанов, бессменный караул охранял подступы к раю.

— Чистилище оказалось сыроватым, — подвел итог Бенгт. — Но царство небесное я себе примерно так и представлял.

Мы сладко потягивались и улыбались летящим на запад пассатным облачком. Мы больше не плыли покорно за ними, всё — лежим на неподвижном, твердом островке. В Полинезии...

Лежим, отдыхаем, а вдоль всего горизонта взад и вперед катится тяжелый поезд — прибой.

Бенгт был прав: мы попали в царство небесное.

В гостях у полинезийцев

Робинзонада.— Боимся, что нас спасут.— Все в порядке, «Кон-Тики»!.. — Следы других кораблекрушений. — Необитаемые острова. — Схватка с морским угрем. — Нас находят. — Привидение на рифе. — Посел к вождю. — Вождь навещает нас. — «Кон-Тики» — старый знакомец! — Потоп. — Плот-вездеход. — Вчетвером на острове. — Раройцы забирают нас. — Встреча в деревне.—*Предки из страны восходящего солнца. — Праздник. — Лечение по радио. — Мы получаем королевские имена. — Еще одно кораблекрушение. — «Тамара» спасает «Маоаэ». — Курс на Таити. — Свидание на пристани. — Королевская жизнь. — Шесть венков

Островок был необитаемый. Его размеры — от силы 200 метров в поперечнике — позволили нам быстро исследовать пальмовую рощу и все пляжи. Высота над лагуной нигде не превышала 2 метров.

В пальмовых кронах у нас над головой висели большие гроздья зеленых орехов — природных термосов, защищающих от тропического солнца холодное кокосовое молоко; в ближайшие недели нам не грозила смерть от жажды. Кроме того, на пальмах были также спелые орехи, остров кишел раками-отшельниками, а лагуна — всевозможной рыбой. Словом, полное благополучие.

На северном берегу мы нашли занесенный песком старый, некрашенный деревянный крест. Отсюда была видна кромка рифа с разбитым кораблем, мимо которого мы прошли, прежде чем сами потерпели крушение. Еще дальше на север голубели метелки пальм следующего островка. А ближайшим нашим соседом был зеленый остров на

юге На нем тоже не было видно никаких признаков жизни, да нас пока это и не волновало.

Появился прихрамывающий Робинзон Хессельберг, в громадной соломенной шляпе и с целой охапкой шевелящихся раков-отшельников. Кнют подпалил хворост, и вот уже мы уписываем вареных раков, запивая их кокосовым молоком и какао.

— Ну что, ребята, каково быть на суше? — улыбаясь, осведомился Кнют.

Из всей шестерки ему одному довелось раньше побывать на берегу. Тут же Кнюта качнуло, и он вылил полкастрюли горячей воды на ноги Бенгта. После ста одних суток на плоту все мы в первый день не очень твердо стояли на ногах и то и дело машинально пружинили коленями, хотя никаких волн, естественно, не было.

Когда Бенгт начал раздавать посуду; Эрик хитро ухмыльнулся. Я сразу вспомнил, как я после завтрака по привычке наклонился через борт и принялся тщательно отмывать свою миску, а Эрик, поглядев на риф, отложил свой прибор и сказал: «Что-то сегодня неохота посуду мыть». Теперь его миска, извлеченная из кухонного ящика, блестела не хуже моей.

Закусив и хорошенько отдохнув, мы занялись отсыревшей радиоаппаратурой. Торстейну и Кнюту нужно было спешить выйти в эфир, пока радиолюбитель из Раротонги не передал всему свету печальную весть о нашей гибели.

Большая часть аппаратуры уже лежала на берегу, но тут какой-то ящик на рифе привлек внимание Бенгта, он ухватился за него — и подпрыгнул в воздух. Ударило током — значит, ящик из комплекта радиостанции! Радисты принялись разбирать, переключать и опять собирать, а мы тем временем устраивали лаверь.

Забрав с плота тяжелый промокший парус, мы вытащили его на берег и растянули между двумя пальмами над площадкой, обращенной к лагуне. Колья сделали из выброшенных волнами бамбуковых жердей. Цветущий кустарник, насыщавший воздух упоительным ароматом, образовал три стены, а с четвертой стороны открывался вид на зеркальную гладь лагуны. Чудесное место. Посмеиваясь от удовольствия, мы отбросили в сторону торчащие из песка ветки коралла и сделали себе постели из пальмовых листьев. До темноты у нас было готово уютное гнездышко, и сверху над нами висела большая бородастая физиономия доброго старого Кон-Тики. Он уже не пыжился, раздуваемый восточным ветром, а недвижимо смотрел на звезды над Полинезией.

Кругом на кустах лежали мокрые флаги и спальные мешки, на песке сушилось прочее имущество. Еще один день на этом солнечном острове, и все отлично просушится. Радистам тоже пришлось сдаться до следующего дня, чтобы солнце могло как следует прогреть аппаратуру. Мы сдернули с кустов спальные мешки и улеглись, споря, чей мешок суше. Победил Бенгт, его мешок не хлопал, когда владелец ворочался.

Проснувшись наутро вместе с солнцем, мы увидели, что парус провис под тяжестью кристальной чистой дождевой воды. Бенгт собрал драгоценную влагу, потом отправился к лагуне и принялся вылавливать причудливых рыб, которые заманивал в канавы в песке.

Герман утром жаловался на возобновившуюся боль в шее и в спине — память об ушибе, полученном в Лиме, а к Эрику вернулся его радикулит. Вообще же встреча с рифом прошла для нас на Диво благополучно, мы отделались мелкими царапинами, если не считать Бенгта, который получил легкое сотрясение мозга, когда обломок мачты ударил его по лбу. Правда, сам я выглядел довольно своеобразно, руки и ноги сплошь в синяках после объятий со штагом.

Во всяком случае никто не устоял против соблазна искупаться перед завтраком в прозрачной внутренней лагуне. Кстати, лагуна была огромная. Вдали от берега пассат морщил ее синюю поверхность, а еще дальше с трудом различались голубеющие островки, обозначающие изгиб кольцевого рифа. Но на подветренной стороне нашего островка пассат тихо шелестел в метелках пальмовых крон, заставляя их покачиваться, а зеркало лагуны повторяло каждое движение. Горько-соленая вода была настолько чиста и прозрачна, что мы, плывя в 3 метрах над коралловым дном с пестрым рыбьим населением, боялись задеть его и порезаться. Да, то был подлинно сказочный мир. Температура воды — в самый раз, воздух — сухой и горячий от солнца. Но долго купаться мы не могли, Раротонга ждала вестей.

На коралловых плитах в лучах тропического солнца сушились катушки и прочие части, Торстейн и Кнют орудовали паяльником и отверткой. Шли часы, и мы все больше волновались. Бросив остальные дела, окружили радистов: может быть, сумеем чем-нибудь помочь? До десяти вечера мы должны выйти в эфир, не то, как истекнут условленные тридцать шесть часов, радиолобитель на Раротонге начнет вызывать спасателей.

Полдень, вечер, вот и солнце зашло. Только бы наш

корреспондент набрался терпения. Семь часов, восемь, девять... Наши нервы были на пределе. Передатчик молчал, но приемник типа NC-173 начал оживать, в нижней части шкалы звучала слабая музыка. Любительский диапазон еще был нем, однако звук подбирался к нему все ближе. Было похоже, что какая-то из катушек постепенно подсыхает с одного конца. А передатчик упорно хранил безмолвие, искры говорили о замыканиях в схеме.

Осталось меньше часа. Отчаявшись наладить основной передатчик, мы снова взялись за портативную военную рацию. Ее тоже за день испробовали не раз и не два, но без толку. Может быть, теперь просохла. Аккумуляторы все до одного были испорчены, мы получали ток от маленького ручного генератора. Крутить было тяжело, и мы четверо, неквалифицированная рабочая сила, сменялись на этой шарманке.

Тридцать шестой час истекал. Помню, кто-то шепотом отсчитывал — семь минут, пять... Потом никто уже не глядел на часы. Передатчик словно воды в рот набрал, зато приемник потрескивал все ближе к нужной частоте. Вдруг «задышала» волна нашего приятеля из Раротонге, мы разобрали, что у него идет разговор с Таити. Нам удалось записать отрывок его послания:

— ...Ни одного самолета по эту сторону Самоа. Я абсолютно уверен...

И опять все стихло. Нет, это невыносимо. Что там происходит? Неужели выслали самолеты и спасательные отряды? Наверно, в эфире сейчас тесно от радиogramм.

Двое радистов лихорадочно трудились. Пот катил с них градом, не хуже, чем с нас, «шарманщиков». Мало-помалу в антенну передатчика пошел ток, и Торстейн ликуяще показал на стрелку прибора, которая медленно ползла вверх, когда он нажимал ключ. Вот оно!

Мы крутили, как сумасшедшие, а Торстейн вызывал Раротонгу. Не отвечает. Еще раз. Передатчик наконец ожил, а Раротонга нас не слышит! Мы стали взывать к Галу и Фрэнку в Лос-Анджелесе, к военно-морскому училищу в Лиме — никто нас не слышал.

Тогда Торстейн выбил CQ, иначе говоря, обратился ко всем, кто в это время слушал на нашей волне.

Это помогло. Чей-то слабый голос в эфире неторопливо вызвал нас. Мы поспешили откликнуться, дескать, слышим. И снова неторопливо:

— Меня зовут Пауль, живу в Колорадо, как звать тебя, где живешь?

Значит, радиоловитель. Мы крутили, а Торстейн отбил ключом:

— Здесь «Кон-Тики», нас прибило к необитаемому острову в Тихом океане.

Но Пауль нам не поверил. Решил, что его разыгрывает какой-нибудь коротковолновик с соседней улицы, и не стал даже отвечать. Мы рвали на себе волосы от отчаяния. Сидим под звездами на безлюдном острове, а нам не хотят верить!

Торстейн не унимался, опять взял ключ и принялся передавать: «Все в порядке», «Все в порядке», «Все в порядке». Надо же как-то остановить всю эту махину, пока спасатели не вышли в океан на поиски.

И вдруг в приемнике чуть слышно:

— Что же ты расшумелся, если все в порядке?

И все, опять в эфире тишина.

Хоть бейся головой о пальмы, пока все орехи не свалятся. Один бог ведает, что бы мы откололи, если бы нас вдруг не услышали сразу и Раротонга, и старшина Гал. Гарольд клялся, что, поймав наконец позывные 1.12В, от радости пустил слезы. Тотчас дали отбой тревоге. И вот мы снова наедине с собой на своем островке. Вся шестерка повалилась в изнеможении на постели из пальмовых листьев.

На следующий день мы только отдыхали и наслаждались жизнью. Кто купался, кто ловил на рифе невиданных тварей, а самые энергичные благоустроивали лагерь. На мысе, против которого выбросило на риф наш «Кон-Тики», мы на опушке рощи вырыли ямку, выстлали ее листьями и посадили проросший орех из Перу. Рядом выложили из кораллов пирамидку, и вместе они указывали на точку, где застрял плот.

Правда, за ночь «Кон-Тики» еще подвинулся, теперь он лежал в лужах между коралловыми глыбами, далеко от края рифа.

После горячих песочных ванн Эрик и Герман почувствовали себя превосходно и захотели совершить поход вдоль рифа на юг, в расчете попасть на большой остров. Я предупредил их, чтобы остерегались не столько акул, сколько мурей, и они сунули за пояс длинные ножи. В коралловых рифах обитает свирепый угорь с длинными ядовитыми зубами, которые способны отхватить ногу человеку. Угорь нападает молниеносно, и полинезийцы, не робеющие перед акулой, страшно его боятся.

Большую часть пути Эрик с Германом шли вброд, но кое-где риф прорезали глубокие желоба, их надо было

пересекать вплавь. Друзья благополучно добрались до острова. Он тянулся на юг под прикрытием рифа — длинный, узкий, между солнечными пляжами зажата полоска пальмовой рощи. Эрик и Герман дошли до южной оконечности. Белопенный риф простирался дальше, к другим островам. Ребята нашли на берегу остатки большого корабля, расколовшегося на две части. Это был старый испанский четырехмачтовый парусник, который вез куда-то железнодорожные рельсы. Ржавые рельсы были раскиданы по всему рифу. На обратном пути наши разведчики осмотрели другой берег, но и тут на песке не было ничьих следов.

Возвращаясь по рифу, они то и дело спугивали экзотических рыб и пытались их поймать. А в одном месте друзья сами вдруг подверглись атаке. В прозрачной воде они увидели идущих на них восемь здоровенных мурен и живо выбрались на большую коралловую глыбу. Скользкие гадины извивались вокруг глыбы, огромные, толщиной в ногу, с маленькой головой, злыми змеиными глазками и острыми, как шило, зубами в дюйм длиной. Пустив в ход ножи, ребята сумели отрубить голову одной мурене и ранить другую. Кровь тотчас привлекла молодых синих акул, и пока они расправлялись с искалеченными муренами, Герман и Эрик спрыгнули с глыбы и улизнули.

В тот же день, идя вброд по рифу возле нашего островка, я вдруг почувствовал, как кто-то схватил мертвой хваткой мою ногу. Это был спрут. Не очень большой, всего около метра, но до чего же противно было ощущать холодное прикосновение щупалец и глядеть в злые глазки на багровом мешке с изогнутым клювом. Я изо всех сил дернул ногой, но спрут не отпускал. Видно, его привлек бич у меня на ноге. Рывками я направился к берегу, волоча за собой отвратительную тварь. Лишь когда я достиг суши, он выпустил меня и медленно отступил на мелководье, вытянув щупальца и глядя на берег — дескать, только сунься. Я обстрелял его обломками коралла, и он поспешил исчезнуть.

Все наши приключения на рифе были всего лишь приправой к райской жизни на островке. Но ведь нельзя же оставаться здесь навсегда, пора было подумать и о том, как вернуться в цивилизованный мир. За неделю «Контрики» пробрался уже на середину рифа, где и осел на сухом месте. Пробиваясь в лагуну, могучие бревна сокрушили на своем пути немало кораллов, но теперь плот прочно застрял, и сколько мы его ни тянули, ни толкали, все было напрасно. Нам бы затащить его в лагуну, а там можно

починить мачту и снасти, чтобы пересечь по ветру внутреннюю лагуну и посмотреть, что делается на той стороне. Если есть здесь обитаемые острова, то их надо искать у западного горизонта, где барьерный риф смотрит под ветер.

Шли дни.

А однажды утром примчался один из наших и сказал, что на лагуне показался белый парус. Мы забрались на пальмы и в самом деле увидели крохотную точку, удивительно блую на опалово-синем фоне воды. Точно, там кто-то плывет под парусом. Было видно, как он идет галсами. Потом показался второй парус.

Время шло, и паруса приближались. Они держали курс на наш остров. Мы подняли на пальме французский флаг и размахивали норвежским, привязав его к длинному шесту. Вот уже один парус приблизился настолько, что можно разглядеть лодку — это был полинезийский аутригер с усовершенствованным парусным вооружением. С лодки на нас смотрели два смуглых человека. Мы помахали им. Они замахали в ответ, и аутригер врезался в песок у берега.

— Иа ора на, — приветствовали мы по-полинезийски.

— Иа ора на, — дружно ответили островитяне, один из них прыгнул в воду и пошел к нам, увлекая за собой лодку.

Тела коричневые, а одежда европейская. Правда, оба были босиком, зато в самодельных соломенных шляпах от солнца. Они вышли на берег как-то неуверенно, но, когда мы с улыбкой поздоровались с ними за руку, они тоже обнажили сверкающие зубы в улыбке, которая была красноречивее всяких слов.

Наше полинезийское приветствие ввело их в заблуждение точно так же, как были обмануты мы, когда житель Ангатау встретил нас возгласом «гуд найт». И они успели произнести целую речь, прежде чем до них дошло, что мы по-полинезийски ни в зуб ногой. Тогда они смолкли и, дружелюбно улыбаясь, показали на вторую лодку, которая приближалась к острову.

В ней сидело трое, они вышли на берег, поздоровались, и оказалось, что один из них кое-как изъясняется по-французски. Мы узнали, что на одном из островов за лагуной есть деревня и ее жители несколько дней назад ночью заметили наш костер. Но так как в рифе Рарона есть лишь один проход и этот проход находится как раз напротив деревни, никто не может незамеченным попасть на острова. И старики, поспяное дело, решили, что люди непри-

частны к этому свету над рифом на востоке, дескать, там завелась нечистая сила. Естественно, проверять эту догадку никому не захотелось. А тут еще волны принесли из-за лагуны доску с какими-то письменами. Два раройца, которые побывали на Таити и там научились грамоте, разобрали черные письмена и прочли слово Тики. После этого не приходилось сомневаться, что на рифе водятся призраки, ведь Тики — об этом каждый знал — был древним родоначальником их племени. Но потом из-за лагуны приплыл хлеб в герметической упаковке, какао, сигареты, даже ящик со старым башмаком. Сразу всем стало ясно, что в восточной части рифа произошло кораблекрушение, и вождь отправил две лодки спасать уцелевших, которые жгли костры на острове.

Поощряемый своими товарищами, островитянин спросил нас, почему на выловленной ими доске было написано Тики. Мы объяснили, что все наше снаряжение помечено «Кон-Тики», потому что так называется судно, на котором мы приплыли.

Наши новые друзья немало удивились, услышав, что вся команда спаслась и что лежащая на рифе сплюснутая развалина и есть наше судно. Они хотели тут же переправить нас в деревню. Мы поблагодарили и отказались, мол, останемся здесь, пока не стащим «Кон-Тики» с рифа. Полинезийцы с ужасом посмотрели на разбитый плот: неужели мы рассчитываем, что он еще поплывет! И толмач с жаром сказал, что мы должны последовать за ними — так велел вождь, они просто не смеют возвращаться без нас.

И мы решили, что один из команды поедет посланником от нас к вождю, а потом вернется и расскажет нам про тот остров. Нам не хотелось оставлять плот на рифе, и нельзя было бросать наше имущество. Бенгт отправился с раройцами. Аутригеры столкнули с мели, и ветер быстро увлек их на запад.

На следующий день на горизонте появилась целая стая белых парусов. Не иначе раройцы мобилизовали все плавающие средства, чтобы перевезти нас.

Эскадра зигзагами приближалась к острову, и вскоре мы разглядели на первой лодке среди смуглых фигур нашего Бенгта, который махал нам шляпой. Он крикнул, что привез самого вождя, и мы выстроились в шеренгу на берегу для встречи.

Бенгт важно представил нас вождю. Тот сказал, что его имя Тепиураиарии Териифаатау, но можно говорить просто Тека. Мы предпочли звать его Текой.

Вождь Тека был высокий стройный полинезец с умнейшими глазами. Человек знатный, он происходил из старого королевского рода на Таити и сам правил островами Рароиа и Такуме. В школе на Таити он научился говорить по-французски, читать и писать. Он знал, что столица Норвегии — Христиания, и спросил, не знаком ли я с Бингом Кросби. Потом Тека рассказал, что за последние десять лет на Рароиа заходило только три иностранных судна, зато несколько раз в год приходит шхуна с Таити, она привозит различные потребительские товары в обмен на копру. Раройцы давно уже ждут ее, она может появиться со дня на день.

Бенгг доложил, что на Рароиа нет ни школ, ни радио, ни белых людей, но сто двадцать полинезийцев, составляющих население деревни, приняли все меры, чтобы нам было у них хорошо, и готовят нам роскошный прием.

Первым делом вождь попросил показать ему судно, которое доставило нас в сохранности на риф. Сопровождаемые свитой, мы зашагали вброд к «Кон-Тики». Вдруг наши новые друзья остановились и громко что-то закричали. С этого места было ясно видно бревна нашего плота, и один из раройцев воскликнул:

— Какой же это корабль, это паэ-паэ!

— Паэ-паэ! — подхватили все остальные.

Они галопом пересекли риф и вскарабкались на «Кон-Тики». Словно восхищенные дети, облазили весь плот, ощупывая бревна, циновки, снасти. Вождь был взволнован не меньше других. Вернувшись к нам, он повторил, испытываясь глядя на нас:

— «Тики» не корабль, это паэ-паэ!

Паэ-паэ означает по-полинезийски «плот» и «помост», а на острове Пасхи этим словом называют также местные лодки. Вождь рассказал, что сейчас паэ-паэ нет, но старики помнят посвященные им древние предания. Могучие бальсовые бревна привели в шумный восторг раройцев, но снасти вызвали у них презрительную гримасу. Мол, такие канаты долго не выдержат действия солнца и морской воды: С гордостью показали они нам снасти на своих аутригерах, сделанные из кокосового волокна: по пяти лет служат.

Возвратившись на островок, мы нарекли его именем «фенуа Кон-Тики» — остров Кон-Тики. Это название все могли выговорить, а вот наши короткие скандинавские имена оказались для раройцев крепким орешком. И они страшно обрадовались, когда я сказал, что меня можно

звать Тераи Матеата — так меня нарек вождь Таити, когда я был там в первый раз.

Раройцы принесли из лодок кур, яйца, хлебные плоды; другие в это время били острогами рыбу в лагуне. И вот уже около лагерного костра пир горой. Мы рассказывали про наши приключения в океане, а историю о встрече с китовой акулой нам пришлось повторять снова и снова. И каждый раз, когда дело доходило до того, как Эрик вонзил ей в череп гарпун, они дружно ахали. Раройцы легко опознавали рыб по нашим зарисовкам и сразу говорили нам их полинезийские названия. Только китовая акула и *Genyulus* оказались им совершенно неизвестными.

Вечером мы включили радио, чем доставили великую радость всей компании. Особенно им пришлось по вкусу церковная музыка. Но вот мы неожиданно для себя поймали настоящую полинезийскую мелодию; ее передавала какой-то американская станция. И самые жизнерадостные из наших новых друзей начали извиваться, подняв руки над головой, а затем и остальные принялись отплясывать хюлу-хюлу. Когда спустилась ночь, все устроились вокруг костра на берегу. Прощедший день был для раройцев таким же событием, как для нас.

Проснувшись на следующее утро, мы увидели, что они уже жарят только что наловленную рыбу; а для утоления жажды стояло шесть кокосовых орехов со срезанными макушками.

В этот день риф ревел грознее обычного, ветер прибавил, и на рифе за разбитым плотом высоко в воздух взлетали брызги.

— Сегодня «Тики» придет в лагуну, — сказал вождь. — Начинается прилив.

Около одиннадцати часов вода устремилась мимо нас, заполняя лагуну, словно большой чан. Море наступало по всей окружности острова. Потом начался настоящий потоп. Вал шел за валом, подминая под себя риф. Мощный поток вдоль обеих сторон острова переносил здоровенные глыбы коралла, смывал широкие отмели, таявшие, как сахар, и намывал другие. Поплыли обломки, а там и весь «Кон-Тики» зашевелился. Мы поспешили отнести наше имущество подальше от берега, чтобы прилив не смыл. Скоро на рифе над водой остались торчать лишь самые высокие бугры, а пляжи плоского островка совсем затопило, и волны уже лизали траву. Жуткое зрелище. Казалось, весь океан ополчился против нас. «Кон-Тики» развернулся кругом и поплыл, но потом опять застрял на кораллах.

Раройцы бросились в воду. Где вплавь, где вброд, перебираясь с отмели на отмель, они добрались до плота. Кнют и Эрик следовали за ними. На плоту лежал наготове конец, и как только «Кон-Тики», опрокинув последнюю глыбу на своем пути, снялся с рифа, наши помощники попрыгали в воду и попытались притормозить. Они не знали нашего «Кон-Тики», не ведали силу порыва, неудержимо влекущего его на запад. Плот поволок их за собой, с ходу миновал последний участок рифа и вошел в лагуну. Очутьившись на более спокойной воде, он как бы растерялся и стал прикидывать, какие возможности ему открылись. Прежде чем он успел направиться к выходу из лагуны, раройцы уже обмотали конец вокруг пальмы. И «Кон-Тики», связанный, что называется, по рукам и по ногам, остался в лагуне. Наше судно-вездеход одолело баррикаду и проникло во внутренние воды Рароиа.

Под воинственные крики, твердя зажигательно «ке-ке-те-хуру-хуру», мы общими силами подтянули «Кон-Тики» к берегу его тезки. Прилив больше чем на метр превзошел обычную отметку, и мы уже решили, что весь остров исчезнет под водой, но тут потоп прекратился.

Волны в лагуне курчавились барашками, и утлые, черпающие воду челны не могли взять много груза. А раройцы спешили домой, и Бенгт с Германом отправились вместе с ними, чтобы оказать врачебную помощь мальчику, который лежал при смерти в деревне. У него был карбункул на голове, а в нашей аптечке нашелся пенициллин.

Весь следующий день мы провели вчетвером на своем острове Кон-Тики. Восточный ветер так разгулялся, что полинезийцы не могли идти через испещренную мелями и острыми кораллами лагуну. И опять был очень сильный прилив.

Наутро ветер улегся. Нырнув под «Кон-Тики», мы убедились, что бревна целы, хотя риф и снял с них стружку толщиной в дюйм-два. Канаты так глубоко вгрызлись в дерево, что лишь в четырех местах их перерезало кораллами. Мы принялись наводить на борту порядок. Выпрямили сложившуюся гармошкой каюту, починили мачту, и наше гордое судно приобрело более достойный вид.

Попозже вдаль опять показались паруса, раройцы пришли за нами и оставшимся грузом. Герман и Бенгт рассказали, что в деревне готовится большое торжество. Когда мы туда приплывем, нужно оставаться в лодках, пока сам вождь не подаст нам знак.

Свежий ветер увлек нас через лагуну, ширина которой

здесь была около 10 километров. С печалью смотрели мы, как машут нам, прощаясь, пальмы острова Кон-Тики. И вот уже они затерялись вдаль, среди цепочки островков вдоль восточного барьера. А впереди выросли другие острова, покрупнее. Мы увидели мол перед одним из них, а между пальмами вился дымок над крышами хижин.

Но деревня будто вымерла, не видно ни души. Что они затеяли? Наконец мы разглядели на берегу, возле кораллового мола, фигуры двух людей: один — длинный и тощий, другой — плечистый и толстый, как бочка. Причалив к берегу, мы поздоровались с ними. Это были вождь Тека и его заместитель Тупухоэ, радушная улыбка которого тотчас покорила нас. Тека был дипломат и мудрец, а Тупухоэ — истинное дитя природы, на редкость жизнерадостный, крепкий и веселый. Могучее сложение, гордая осанка — именно таким и представляешь себе настоящего полинезийского вождя. Он и был вождем первоначально, потом постепенно выдвинулся Тека, который умел говорить по-французски и знал счет и грамоту, так что он мог постоять за интересы деревни, когда с Таити приходила шхуна за копррой.

Тека объяснил, что нам надлежит строем прийти к деревенскому дому собраний. И как только все высадились на берег, мы важно зашагали в деревню, Герман — впереди с привязанным к гарпунному древку флагом, за ним оба вождя и я между ними.

Сразу бросалось в глаза, что раройцы торгуют с Таити — в деревне было вдоволь и досок, и гофрированной жести. Рядом с живописными старинными хижинами из корявых жердей и пальмовых листьев стояли сколоченные из досок домишки. Новая вместительная постройка поодаль оказалась тем самым домом собраний, в котором мы должны были разместиться. Следом за нашим знаменосцем мы вошли внутрь через маленькую заднюю дверь и вышли наружу на широкое крыльцо перед фасадом. И на площадке перед домом увидели все население деревни — старых и малых, женщин и мужчин. У них был чрезвычайно серьезный вид, даже наши веселые приятели с острова Кон-Тики не подавали виду, что узнают нас.

Как только мы выстроились на крыльце, раройцы дружно грянули... «Марсельезу!» Запевалой был вождь, который знал слова, и в общем получилось здорово, хотя некоторым старушкам было трудно поспевать. Чувствовалось, что они немало порепетировали. Возле крыльца подняли французский и норвежский флаги, на этом официальный прием закончился, и вождь Тека отошел в сторону,

дальше роль церемониймейстера взял на себя толстяк Тупухоэ. Он подал знак, и толпа опять запела, но на этот раз куда стройнее, потому что и слова, и музыку раройцы сочинили сами, а уж что-что—родную хюлу они петь умели. Трогательно простая мелодия была такой волнующей, что мы слушали, как завороженные, глядя на великий океан. Несколько человек запевали, остальные хором подхватывали припев. Музыкальная тема слегка варьировалась, но текст повторялся: «Здравствуйте, Теки Тераи Матеата с товарищами, прибывшие из-за океана на паэ-паэ к нам на Рароиа, здравствуйте, и да продлится ваше пребывание у нас, и пусть у нас будут общие воспоминания, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в дальние страны. Здравствуйте».

Мы уговорили их спеть еще раз. Мало-помалу скованность прошла, и раройцы заметно ожили. Тупухоэ попросил меня рассказать людям, почему мы пересекли океан на паэ-паэ, дёскать, это всем хочется знать. Можно говорить по-французски, Тека переведет.

Хотя мои слушатели не получили образования, они все отлично понимали. Я рассказал, что мне уже пришлось побывать среди их соплеменников на полинезийских островах и в тот раз я услышал об их первом вожде, Тики, который привел сюда, на острова, их предков из неведомо где лежащей таинственной страны. А между тем в далекой стране Перу, объяснил я, некогда правил великий вождь по имени Тики. Народ называл его Кон-Тики, или Солнце-Тики, потому что он вел свое происхождение от Солнца. Тики покинул свою родину на больших паэ-паэ, потому-то мы шестеро и решили, что он и есть тот самый Тики, который давным-давно приплыл на эти острова. А так как никто не верил, что паэ-паэ мог пересечь океан, мы сами вышли из Перу на паэ-паэ, и вот мы здесь, значит, это все-таки возможно!

Как только Тека перевел мой короткий доклад, Тупухоэ сорвался с места, выскочил вперед и с жаром что-то начал говорить по-полинезийски, размахивая руками и указывая то на небо, то на нас, причем он все время твердил имя Тики. Я ничего не мог разобрать в этой скороговорке, но толпа жадно глотала каждое слово, явно захваченная его речью. Тека даже слегка растерялся, когда дело дошло до перевода.

По словам Тупухоэ, его отец, и дед, и родители деда рассказывали о Тики, что он был их первый вождь, а теперь живет на небе. Но потом пришли белые и заявили, что предания предков ложь. Мол, никакого Тики никогда

не было. И на небе его не может быть, там-де живет Иегова, а Тики языческий бог, в него верить больше нельзя. Но вот сегодня из-за океана сюда приплыли мы шестеро и первыми среди белых признали, что их предки говорили правду. Тики жил, существовал на самом деле, а потом умер и попал на небо.

Я испугался, как бы из-за меня все труды миссионеров не пошли насмарку, и поспешил объяснить, что Тики, конечно, существовал, это точно, и умер в свое время, но где он сегодня, на небе или в аду, об том ведаёт один Иегова, потому что он и впрямь живет на небе, а Тики был смертным человеком, хотя и могущественным вождем, вроде Теки и Тупухоэ, может быть, даже еще могущественнее.

Раройцы с радостью и удовольствием выслушали мои слова; судя по одобрительному гулу и кивкам, такое объяснение их явно устраивало. Тики в самом деле существовал — это самое главное. Если он попал в ад, заключил Тупухоэ, тем хуже для него, зато у ныне живущих больше надежд свидеться с ним!

Три старика протиснулись вперед, чтобы поздороваться с нами за руку. Сразу было ясно, что это они донесли до наших дней предания о Тики. И точно, вождь отметил одного из них, который знал множество старинных сказаний и исторических песен. Я спросил старика, нет ли в преданиях хотя бы намёка, с какой стороны приплыл Тики. Нет, никто из них не помнил ничего такого. Впрочем, поразмыслив как следует, самый старый заметил, что Тики привез с собой одного своего близкого родственника по имени Мауи, а в песне о Мауи говорится, что он прибыл на острова из Пура, то есть из края, где восходит солнце. Но если Мауи приплыл из Пура, продолжал старец, то Тики, очевидно, был оттуда, ну а наша шестерка уже точно прибыла на паэ-паэ из Пура.

Я сказал раройцам, что на уединенном острове Мангарева, лежащем ближе к острову Пасхи, люди никогда не строили лодок, а вплоть до наших дней пользовались большими паэ-паэ. Это было новостью для стариков, зато они знали, что их предки тоже ходили на больших паэ-паэ, но они со временем вышли из употребления, осталось только название да легенды о паэ-паэ. Давным-давно, добавил старейший, паэ-паэ называли еще ронго-ронго, но теперь то слово забыто. А в древних сказаниях упоминаются ронго-ронго.

Интересное слово! Ибо Ронго (на некоторых островах произносится «Лоно») — имя одного из самых славных родоначальников полинезийцев. Предания подчеркивают,

что он был белым и светловолосым. Когда капитан Кук впервые прибыл на Гавайи, островитяне встретили его с распростертыми объятиями, решив, что это не кто иной, как их белый сородич Ронго после долгого отсутствия вернулся из родины предков на таком большом парусном корабле. А на Пасхе словом ронго-ронго называют загадочные письмена, секрет которых был утерян, когда умерли последние «длинноухие», владевшие этой письменностью.

Старики могли без конца говорить о Тики и ронгоронго, а молодых интересовала китовая акула и наше плавание через океан. Но нас ждало угощение, к тому же Тесе надоело быть переводчиком.

Все жители деревни подходили по очереди поздороваться с нами. Мужчины чуть не выдергивали нам руку из плеча, бормоча «иа-ора-на», девушки выходили с лукавинкой во взгляде и смущенной улыбкой, старухи тараторили, хихикали и с любопытством разглядывали наши бороды и кожу. И все относились к нам так дружелюбно, что вавилонская смесь языков не могла служить помехой. Скажут нам что-нибудь непонятное по-полинезийски, мы отвечаем по-норвежски и вместе хохочем. Раньше всего мы запомнили слово «нравится», а так как при этом достаточно было показать на то, что вам нравилось, и вы тотчас получали желаемое, все было чрезвычайно просто. Если же, произнося «нравится», сморщиться—это означало «не нравится». Этим запасом слов вполне можно было обойтись.

Как только мы познакомились со всеми ста двадцатью семью жителями деревни, для обоих вождей и нашей шестерки был накрыт длинный стол, и девушки начали подавать всякие лакомые блюда. Пока одни накрывали, другие принесли венки — большие повесили нам на шею, маленькие надели на голову. Цветы уповательно благоухали и приятно освежали кожу. И вот начался пир по случаю встречи, пир, который кончился, лишь когда мы покинули остров. От одного вида такого угощения у нас слюнки потекли. Стол ломился под тяжестью жареных поросят, цыплят, уток, свежих омаров, полинезийских рыбных блюд, хлебных плодов, папайи и кокосового молока. Мы набросились на угощение, а раройцы для нашего увеселения пели песни, и девушки танцевали вокруг стола.

Ребята чувствовали себя отлично, и, наверно, у нас был потешный вид, когда мы, увенчанные цветами, тряся длинными бородами, расправлялись с кушаньями. Вожди не меньше нашего наслаждались жизнью.

После трапезы началось роскошное представление. Ра-

ройцы решили показать нам все свои танцы. Нас и вождей рассадили в первом ряду «партера», затем вышли два гитариста и, присев на корточках, забренчали настоящие полинезийские мелодии. В кольце зрителей, которые пели, тоже сидя на корточках, появились, вращая бедрами, танцоры в два ряда — женщины в шуршащих юбках из пальмовых листьев и мужчины. Запевала веселая пылкая толстуха, у которой была только одна рука; вторую отхватила акула. Поначалу танцоры нервничали, держались как-то принужденно, но, убедившись, что гостям с паэ-паэ по душе старинные полинезийские пляски, повели себя проще. В ряды танцоров встало несколько человек постарше, они превосходно владели ритмом и искусно исполняли танцы, несомненно ставшие редкостью. И чем ниже склонялось солнце, тем более темпераментной становилась пляска и росло ликование зрителей. Нас уже не воспринимали как чужих, мы стали для них своими и веселились со всеми заодно. Программе не было конца, один захватывающий номер сменялся другим. Вот группа молодых мужчин села в плотный круг у наших ног. По знаку Тупухоэ они принялись отбивать такт ладонями по земле. Сперва медленно, потом все быстрее и стройнее, и вдруг к ним присоединился барабанщик, который колотил двумя палками по выдолбленной сухой колоде, извлекая из нее резкий, сильный звук. Наконец ритм достиг нужного накала, и зазвучала песня, а затем в кругу внезапно появилась девушка с венком на шее и цветком за ухом. Босые ступни и согнутые колени задавали ритм, бедра вращались, и руки извивались над головой — словом, настоящий полинезийский танец. Она великолепно танцевала, и все принялись отбивать такт кулаками.

Еще одна девушка вбежала в круг, за ней третья. Они двигались поразительно гибко, в безупречном ритме, скользя, будто тени, друг около друга. Глухие удары о землю, звонкая барабанная дробь и песенное сопровождение наращивали темп, и танец становился все стремительнее. Зрители старательно подпевали и хлопали в лад.

Древняя Полинезия ожила перед нами. Мерцали звезды, мерно качались пальмы. Долгую теплую ночь наполняло благоухание цветов и пение цикад. Тупухоэ, сияя всем лицом, хлопнул меня по плечу.

— Маитаи? — спросил он.

— Э, маитаи, — ответил я.

— Маитаи? — повторил он, обращаясь к остальным.

— Маитаи, — дружно отозвались они, и никто не морщился.

— Мангаи, — кивнул Тупухоэ, показывая на себя: ему тоже нравился праздник.

Даже Тека был доволен. И он сказал нам, что впервые белые видят пляски жителей Рароиа. Все быстрее, быстрее мелькали барабанные палочки и хлопающие ладони, от них не отставали песня и танец. Одна из танцовщиц оставилась перед Германом и, продолжая плясать, протянула к нему извивающиеся руки. Герман усмехнулся в бороду, не зная, как реагировать.

— Принимай вызов, — прошептал я, — ты ведь хорошо танцуешь.

И к неописуемому восторгу толпы Герман вошел в круг, слегка присел и начал извиваться, как того требует хюла. Бурное ликование! Скоро Бенгт и Торстейн тоже пошли плясать. Не жалея пота, они старались не отстать от бешеного ритма. Но вот стук барабана перерос в сплошной гул, три солистки, трепеща, как осиновый лист, опустились на землю, и тотчас барабан смолк.

Выступление моих друзей вызвало всеобщий восторг, и настроение публики поднялось еще выше.

Следующим был исполнен танец птиц — один из древнейших ритуалов Рароиа. Мужчины и женщины двигались в два ряда, изображая две стаи птиц. Дирижер танца, который носил звание вождя птиц, исполнял замысловатые движения, но в самом танце не участвовал. Когда номер кончился, Тупухоэ объяснил, что он был исполнен в честь плота и будет теперь повторен, но уже со мной в роли дирижера. Я успел подметить, что главной задачей дирижера было издавать дикие вопли и скакать вприсядку, вращая бедрами и размахивая руками над головой, а потому, надвинув на лоб венок, смело вышел на сцену. Глядя на мои коленца, старина Тупухоэ от хохота чуть не упал со скамейки. Музыкальное сопровождение было не ахти какое, так как хор и оркестр хохотали не меньше вождя.

После этого все пошли танцевать, и стар и мал. Барабанщик со своим ансамблем снова заиграли вихревую хюлу-хюлу. Первыми в круг вошли девушки и задали бешеный ритм, затем стали по очереди приглашать нас; остальные сами, без приглашения, присоединялись к гачцу, часто-часто подпрыгивая и извиваясь.

Один Эрик сидел, как вкопанный. Сырость и ветер на плоту вызвали к жизни его старый радикулит, и теперь он важно восседал на скамейке, дымя трубкой, будто старый шкипер. Тщетно девушки пытались заманить его в круг. В широченных штанах из овчины, которые вырочали

его ночью в холодном течении Гумбольдта, голый по поясу и с окладистой бородой он был вылитый Робинзон Крузо. Юные красавицы и так и этак его улещивали — все напрасно. Увенчанный цветами Эрик знай себе с серьезным видом попыхивал трубой.

Но тут в круг вышла рослая мускулистая матрона. Она кое-как изобразила несколько па-хюлы и решительно подошла к Эрику. Он испуганно воззрился на нее, но амазонка с обольстительной улыбкой схватила его за руку и сдернула со скамейки. Чудесные штаны Эрика были надеты мехом внутрь, и сзади из дыры выглядывал белый клок, вроде заячьего хвоста. Держа в одной руке трубку, а другой прижимая больное место, Эрик нехотя побрел за дамой. Когда он запрыгал под музыку, ему пришлось отпустить штаны, чтобы поймать спадающий с головы венчик, однако тут же он опять схватился за штаны: они поехали вниз под собственной тяжестью. Ковыляющая перед ним толстуха представляла собой не менее потешное зрелище, и мы хохотали, как сумасшедшие. И вот уже все бросили танцевать, хохочут, так что пальмы трясутся. Только Эрик с партнершей-тяжеловесом продолжали грациозно подскакивать, пока хохот не сморил хор и оркестр.

Праздник продолжался, и только на рассвете нам дали передышку, но сперва пришлось еще раз пожать руку каждому из ста двадцати семи жителей поселка. Это повторялось каждое утро и каждый вечер, сколько мы жили на острове.

В деревне удалось наскрести для нас шесть кроватей, которые расставили в ряд в доме собраний, и мы уснули на них, будто гномы из сказки, с висящими в изголовье венками.

На следующий день шестилетнему мальчугану, у которого был карбункул на голове, стало совсем плохо. Температура поднялась почти до сорока двух, и опухоль на макушке, в кулак величиной, беспощадно нарывала. Еще несколько нарывов поменьше было у него на пальцах ног.

Тека сказал, что эта болезнь сгубила у них уже немало детей, и если среди нас нет врача, дни мальчугана сочтены. У нас был с собой пенициллин в таблетках, но мы не знали, сколько можно дать ребенку. Если малыш умрет во время лечения, это может плохо кончиться для нас.

Кнют и Торстейн вытащили радиостанцию и натянули между самыми высокими пальмами направленную антенну. Вечером они снова связались с нашими заочными друзьями в Лос-Анджелесе — Галом и Фрэнком. Фрэнк позвал врача, и мы отстучали ключом симптомы болезни, а также

что есть в нашей аптечке. Фрэнк персдал нам ответ врача, и мы среди ночи отправились в хижину к маленькому Хаумате, который метался в жару, окруженный причитающими раройцами: там, наверное, полдеревни собралось.

Герман и Кнют занялись врачеванием, на долю остальных выпала нелегкая обязанность сдерживать натиск родичей. Мать мальчугана пришла в ужас, когда мы явились с ножом в руках и потребовали кипятку. Обрив больного наголо, мы вскрыли нарыв. Гной бил фонтаном, и мы едва поспевали выгонять из хижины прорвавшихся жителей. Да, невеселая история. Очистив и продезинфицировав гнойник, мы обмотали голову мальчугана бинтами и начали курс пенициллина. Двое суток он получал таблетки через каждые четыре часа. Температура упорно держалась, и мы продолжали выкачивать гной, а вечером брали радиоконсультацию у врача в Лос-Анджелесе. Наконец температура резко упала, вместо гноя пошла сукровица, и мальчик сразу повеселел, только поспевай показывать ему картинки из странного мира белых людей, с автомобилями, коровами и многоэтажными домами.

Через неделю Хаумата уже играл на берегу с другими детьми, правда, с забинтованной головой, но и повязку мы скоро сняли.

После такого успеха к нам повалили больные. У всех болели зубы и живот, да и нарывов хватало. Мы направляли пациентов к доктору Кнюту и доктору Герману, которые прописывали диету и щедрой рукой раздавали пилюли и мази. Кое-кто поправился, и никому не стало хуже, а когда аптечка опустела, мы принялись успешно пользоваться страдающих истерией старух овсянкой и густым какао.

Прошло несколько дней, и празднества вылились в новое торжество. Нам предстояло пройти посвящение в граждан Рароиа и получить полинезийские имена. Даже мое второе имя, Тераи Матеата, не годилось. Пусть меня так зовут на Таити, но не здесь.

Посреди площади поставили шесть скамеечек для нас, и раройцы собрались заблаговременно, чтобы занять места получше. Тека с важным видом сидел вместе со всеми. Он, конечно, вождь, но, когда дело касалось древних ритуалов, бразды правления переходили к Тупухоэ.

Молчаливые и серьезные, все терпеливо ждали. И вот, опираясь на суковатую палку, торжественно, не спеша идет плечистый, тучный Тупухоэ. Это был другой, серьезный Тупухоэ. Словно погруженный в глубокую думу, он подо-

шел и остановился перед нами — прирожденный вождь, великолепный оратор и артист.

Указывая своей палкой поочередно на запевал, барабанщиков и дирижеров танца, Тупухоэ негромко и сдержанно отдал им краткие распоряжения. Потом опять повернул к нам выразительное смуглое лицо и вдруг широко раскрыл свои глаза, так что огромные белки засверкали вперегонки с зубами. Поднял палку и начал сыпать старинными заклинаниями, причем его понимали только старики, потому что он говорил на древнем, забытом наречии.

Затем Тупухоэ рассказал (Тека переводил), что первого короля, который поселился на этом острове, звали Тикароа, и Тикароа правил всем атоллom, сколько он тянется с севера на юг и с востока на запад, а также до самого неба.

Под звуки старинной песни о короле Тикароа Тупухоэ положил мне на грудь свою могучую длань и возвестил, что нарекает меня именем Вароа Тикароа — Дух Тикароа.

Когда смолкла песня, наступила очередь Германа и Бенгта. Их тоже коснулась смуглая ручища вождя, и один получил имя Тупухоэ-Итетахуа, а второй — Топакино. Так звали двух древних героев, которые вышли на бой с морским чудовищем у входа в лагуну Рароа и убили его.

Барабанщик выбил бешеную дробь, и вперед выскочили два крепыша в набедренных повязках, с длинными копьями в каждой руке. Начался марш на месте, они поднимали колени до самой груди и угрожающе потрясали копьями, вращая головой из стороны в сторону. Новый всплеск барабана, танцоры высоко подпрыгнули, и начался удивительно совершенный по ритму воинственный танец, настоящий балет. Танец, изображавший схватку героев с морским чудовищем, длился недолго. Новая песня, новый ритуал, и Торстейн получил имя Мароаке в честь одного из древних королей деревни. Эрика и Кнютта окрестили Тане-Матарау и Тефаунуи — так звали двух знаменитых героев-мореплавателей. Сопровождавший их крещение длинный рассказ исполнялся речитативом в головокружительном темпе. Эта бешеная скороговорка призвана была одновременно поразить и позабавить слушателей.

И вот ритуал окончен, снова среди полинезийцев Рароа появились белые вожди. Вышли в два ряда танцоры и танцовщицы в лубяных юбках и с лубяными коронами

на голове. Приплясывая, они приблизились к нам и надели на нас свои короны. Вокруг пояса нам обвязали шуршащие юбки, и праздник продолжался.

Среди ночи обвешанные венками радисты связались с коротковолновником на Раротонга и приняли от него послание для нас с Таити. Губернатор Французской Океании тепло приветствовал нашу шестерку.

По команде из Парижа он поручил правительственной шхуне «Тамара» забрать нас и доставить на Таити, так что нам не надо было ждать, когда появится торговая шхуна. Таити — центр французских колоний в Тихом океане, через него шло все сообщение с внешним миром. Только там могли мы попасть на рейсовый теплоход, чтобы вернуться к себе на родину.

Праздник на Рароиа шел своим чередом. Но вот однажды ночью с моря донеслись странные звуки, и наблюдатели доложили, что у входа в лагуну остановилось судно. Мы бегом пересекли пальмовую рошу и выскочили к морю с подветренной стороны острова. Отсюда открывался вид на запад, где прибой был куда слабее, чем с той стороны, откуда мы пришли на плоту.

У самого входа в лагуну светились судовые огни. Ночь была ясная, звездная, и мы разглядели контуры широкой двухмачтовой шхуны. Может, это и есть шхуна губернатора? Но почему она не заходит?

Островитяне о чем-то взволнованно говорили. Наконец и мы рассмотрели, в чем дело: судно накренилось, грозя совсем опрокинуться на бок. Напоролось на притайвшийся под водой риф.

Торстейн посигналил фонарем:

— Как называется судно?

— «Маоаэ», — передали в ответ.

Так звали торговую шхуну, которая скупала копру на островах. Теперь она направлялась на Рароиа. Капитан и его команда были полинезийцы и знали наперечет все рифы, но в темноте их подвело коварное течение. Хорошо еще, что сторона подветренная и море спокойное. Впрочем, выходящих из лагуны струй следовало остерегаться. «Маоаэ» кренилась все сильнее, и команда перешла в спасательную лодку. Привязав к верхушкам мачт крепкие канаты, они отвезли концы на берег и обмотали вокруг пальм, не давая шхуне опрокинуться. Потом с помощью других тросов впрягли лодку в судно, чтобы попробовать, как начнется прилив, стащить «Маоаэ» с рифа. Тем временем раройцы спустили на воду все аутригеры и принялись спасать груз. На борт убыло 90 тонн драгоцен-

ной копры. Партию за партией они перевезли все мешки на сушу.

Прилив приподнял «Маоаэ», но недостаточно — судно начало биться о кораллы, и появилась пробоина в днище. И когда рассвело, стало видно, что положение только ухудшилось. Команда оказалась бессильной, разве стащишь с рифа 150-тонную шхуну, располагая только спасательной лодкой и аутригерами. Беда... Если будет и дальше так биться, весь корпус развалится. А как разгуляется море, подхватит шхуну прибой и разнесет вдребезги о барьерный риф

И радио нет. Правда, у нас был передатчик, но пока с Таити придет спасательное судно, «Маоаэ» уже превратится в развалину. И тем не менее вторично за месяц добыча ускользнула от рифа Рароиа.

В полдень на западном горизонте показалась «Тамара». Ее выслали за нами, и команда изрядно удивилась, увидев вместо плота беспомощно бьющуюся на рифе шхуну.

На «Тамаре» находился французский администратор архипелагов Туамоту и Тубуаи, мсье Фредерик Анн, которому губернатор поручил встретить нас. На борту было еще два француза — кинооператор и радист; капитан и вся команда были полинезийцы. Мсье Анн родился на Таити и хорошо знал морское дело. Он принял на себя командование «Тамарой», на радость капитану, который был только рад избавиться от ответственности в столь опасных водах. Держась в сторонке от лабиринта подводных камней и коварных течений, мсье Анн подал толстые тросы на «Маоаэ» и начал маневрировать. От него требовалось немалое искусство, потому что приливно-отливные течения грозили затащить на риф обе шхуны.

В прилив «Маоаэ» снялась с рифа, и «Тамара» отвела ее на глубину. Но сквозь пробоины в днище хлестала вода, и пришлось поспешно буксировать «Маоаэ» в лагуну, где было помельче. Трое суток шхуна стояла у деревни, грозя вот-вот затонуть. Помпы работали день и ночь, и лучшие ловцы жемчуга из местных, вооружившись свинцовыми заплатами и гвоздями, заделали самые большие щели, так что «Маоаэ» могла в сопровождении «Тамары» своим ходом добраться до верфи на Таити.

После того как «Маоаэ» подготовили к переходу, мсье Анн провел «Тамару» между отмелями через лагуну к острову Кон-Тики. Взяв плот на буксир, он пошел к выходу из Раройской лагуны. «Маоаэ» двинулась следом, чтобы команда, если в пути откроется сильная течь, могла перейти на «Тамару».

До чего же грустно было расставаться с Рарона. Островитяне, стар и мал, пришли на мол, от которого отчалила шлюпка, и пели полюбившиеся нам песни.

Среди толпы выделялась могучая фигура Тупухоэ, который держал за руку маленького Хаумату. Мальчик плакал, да и по щекам могущественного вождя катились слезы. Наверное, не было на берегу человека, который бы не прослезился, но они продолжали петь и играть, и мы слушали, пока все звуки не потонули в реве прибоя на барьерном рифе.

Раройцы проводили песней шестерых друзей, мы оставили на берегу сто двадцать семь верных товарищей. Молча выстроившись у фальшборта, мы смотрели на остров, пока мол не растворился среди пальм, а пальмы не ушли за горизонт. Но еще долго в ушах звучала необычная музыка.

«...И пусть у нас будут общие воспоминания, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в дальние страны. Здравствуйте...»

Через четыре дня из моря вдали вынырнул Таити. Но не гирлянду зеленых метелок увидели мы на этот раз, а суровые, дикие скалы и рвущуюся к нему голубую вершину с венком из косматых облаков.

Когда мы приблизились, на синих склонах проступили зеленые пятна. Пышная тропическая растительность скачивалась вниз по ржаво-красным обрывам и глинистым косогорам в опускающиеся к морю глубокие ущелья и долины. И уж когда осталось совсем немного до берега, мы разглядели стройные пальмы, они густо росли в долинах и вдоль всего побережья, за золотистой полоской пляжа. Таити обязан своим рождением вулканам. Но они потухли, и коралловые полипы оградил остров барьерным рифом, не давая океану разрушить его.

Рано утром мы через проход в рифе вошли в гавань Папэте. Сквозь листву могучих деревьев и пальмовые кроны проглядывали шпили церквей и красные черепичные крыши. Папэте — столица Таити и единственный город во всей Французской Океании. Город радости, резиденция властей и узел всего транспорта в восточной части Тихого океана.

На пристани сплошной живописной стеной стоял народ. На Таити все новости распространяются с быстротой ветра, и каждому хотелось посмотреть на паэ-паэ, который пришел в Полинезию из Америки.

«Кон-Тики отвели на почетное место возле набережной, и бургомистр Папэте произнес приветственную речь,

а совсем юная полинезийка преподнесла нам огромный венок из диких цветов от Полинезийского Общества. Потом девушки повесили благоухающие белые венки на шею каждому из нас. Добро пожаловать на Таити, жемчужину Полинезии!

Я искал взглядом моего крестного отца Териероо, предводителя семнадцати вождей Таити. Вот он! Высокий, тучный, такой же живой, как прежде, Териероо вышел вперед и, широко улыбаясь, крикнул: «Тераи Матеата!» Он очень постарел, но сохранил свою величественную осанку.

— Долго ты заставил себя ждать, — улыбнулся вождь. — Зато приехал с добром. Поистине твой паэ-паэ доставил на Таити голубое небо (тераи матеата), ведь теперь мы знаем, откуда пришли наши предки.

Состоялся прием у губернатора, потом был праздничный обед в муниципалитете, а затем на нас посыпались приглашения со всех концов гостеприимного острова.

В памятной мне долине Папено вождь Териероо устроил большой праздник, как в старые добрые времена. И так как Рароиа — одно, а Таити — совсем другое, опять состоялись крестины, мои товарищи получили имена таитянских вождей.

Мы жили беспечно под синим небом с белыми облаками. Купались в лагуне, лазали по горам и танцевали хюлу на траве под пальмами. Дни складывались в недели, а недели грозили сложиться в месяцы, прежде чем придет судно, которое доставит нас домой, где каждого ждали дела.

И вдруг из Норвегии сообщили, что Ларс Кристенсен велел пароходу «Тур I» по пути с Самоа зайти на Таити, чтобы переправить членов экспедиции в Америку.

Рано утром 4000-тонное норвежское судно вошло в гавань Папее, и французский военный корабль отбуксировал «Кон-Тики» к борту его соотечественника-великана, который опустил громадную железную руку и поднял меньшего брата на палубу. Над побережьем раскатились мощные гудки паровой сирены. Толпы людей, коричневых и белых, заполнили набережную Папее и хлынули на борт парохода с прощальными подарками и цветами. Стоя у поручней, мы вытягивали шею, словно жирафы, силясь высвободить подбородок из венков.

— Если хотите вернуться на Таити, — крикнул вождь Териероо, когда прозвучал последний гудок, — бросьте в лагуну венок, как только отчалите!

Отданы швартовы, зарокотала машина, винт принял

перемешивать зеленую воду, и мы боком, медленно отошли от пристани.

И вот уже красные крыши пропали за пальмами, пальмы растворились в синеве горного склона, а гора беззвучно канула в Тихий океан.

В синем море плескались волны. Но теперь мы не могли до них дотянуться. В голубом небе плыли белые пассатные облака. Но нам было не по пути с ними. Мы шли наперекор стихиям. Возвращались к двадцатому столетию, и до него еще было далеко-далеко.

Мы стояли на палубе, все живы-здоровы, а в лагуне Таити тихие волны снова и снова прибывали к отлогому берегу шесть белых венков.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Успешный результат экспедиции на «Кон-Тики» не доказал правильности моей миграционной теории как таковой. Мы доказали лишь, что южноамериканский бальсовый плот обладает качествами, о которых современные ученые раньше не знали, и что тихоокеанские острова расположены в пределах досягаемости для доисторических судов, отплывавших из Перу. Первобытные народы были способны предпринимать далекие путешествия по открытому океану. В вопросе океанических миграций расстояние не является решающим фактором, если только направления ветра и течения в общем совпадают и остаются неизменными днем и ночью в течение круглого года. Пассаты дуют на запад и экваториальные течения тоже идут на запад вследствие вращения Земли, а на протяжении всей истории человечества Земля вращается в одну и ту же сторону.

Содержание

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ .	3
Глава 1	
ГИПОТЕЗА	6
Глава 2	
РОЖДЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	18
Глава 3	
В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ	36
Глава 4	
ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. I	62

Глава 5	
НА ПОЛПУТИ	81
Глава 6	
ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. II	106
Глава 7	
ВСТРЕЧА С ПОЛИНЕЗИЕЙ	137
Глава 8	
В ГОСТЯХ У ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ	162

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Экспедиция «Кон-Тики»

Эксперимент норвежского ученого Тура Хейердала, который в 1947 г. прошел с пятью товарищами на бальсовом плоту «Кон-Тики» из Южной Америки через восточную часть Тихого океана до Полинезии, остается ярчайшим примером дерзания в науке.

Через двадцать лет Тур Хейердал новым смелым экспериментом доказал, что можно верить древним источникам, свидетельствующим о мореходных папирусных судах: интернациональная команда, в составе которой был и представитель Советского Союза, прошла в Атлантике около 5 тысяч километров на папирусной лодке «Ра».

Ответственная за выпуск **М. Ф. Насырова**

Редактор **Г. Е. Матвеева**

Художник-оформитель **В. М. Авруцкий**

Технический редактор **Д. Максудова**

Фотографии автора и
членов экспедиции

Сдано в набор 11 апреля 1984 г. Подписано в печать 25 июля 1984 г. Формат
бумаги $84 \times 109 \frac{1}{32}$ № 2. Усл. печатных листов 10,08+0,81 вкл.+0,042 кр-отт
Учетно-издат листов 12,08. Тираж 390 000 экз. Заказ № 41071 Цена 1 р 30 к

Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии. Ташкент 700000, ул. Жу-
ковского, 52. Набрано и сматрицировано в типографии издательства «Таврида»,
г. Симферополь, 333700, ул. Генерала Васильева, 44. Отпечатана и выпущена
ТППО «Матбуот» Госкомиздата УзССР, г. Ташкент, просп. Навои, 30.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Чтобы сохранить лесные богатства нашей Родины, с 1974 года организован сбор макулатуры в обмен на художественную литературу, для чего расширен выпуск популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Сбор и сдача вторичного бумажного сырья — важное государственное дело, ведь 60 килограммов макулатуры сохраняют от вырубки одно дерево, которое вырастет в 50—80 лет.

Призываем Вас активно содействовать заготовительным организациям в сборе макулатуры. Это даст возможность увеличить производство бумаги для дополнительного выпуска нужной населению литературы и сохранит нам многие гектары лесов.

1р. 30к.

